

ПУРГРАД

Артем Рудик

Вика Вокс

Одержимый разумной программой-тульпой, босс городской полиции безответно влюблён в свою подчинённую и, вместе с ней, оказался обязан предотвратить кровавую революцию против тоталитарного правительства, которую устраивает хитрый мафиози. Однако, он ещё не знает, что это расследование заставит его выбирать между чувствами, целым городом и своими принципами.

В это же время, обычная девушка из средних уровней пытается спасти своих близких из лап репрессивной системы. Ради этого, она вынуждена спуститься в ад нижних уровней и пойти на сделку с теми, кого ненавидит всей душой. Однако даже эта жертва может оказаться недостаточной.

Оба даже не представляют, сколь сильно переплетены их судьбы. Ведь некто крайне могущественный уже внёс их в свои ужасающие планы. Успеют ли герои разгадать тайны родного города до того, как сокрытое зло добьётся своего?

"Я вижу конские свободы
И равноправие коров,
Былиной снов сольются годы,
С глаз человека спал засов."
Велимир Хлебников, "Ладомир"

-

Мерно тикали часы. В такт им, на изукрашенном мистическими символами столе, крутилась изящная колба со светящейся, кислотно-синей жидкостью. Момент, и когтистая, пушистая лапа остановила вращение. Её обладатель, а по совместительству, владелец вечной ехидной улыбки — чёрный, антропоморфный кот с прокусанным ухом. Фалькон — неповторимый и незабываемый.

Он — мой единственный друг в этом чужом, проклятом городе. А, кроме того, ещё и билет в лучшую жизнь. Точнее сказать, мой билет в этой чёртовой склянке. Жидкость внутри — «Мимезис».

Я не слишком осведомлён, как именно она работает, но именно благодаря ей, мой друг выглядит ровно так, как выглядит. Да и не только он. Почти все, кто живёт в Пурграде и за его пределами, имеют подобный, зооморфный вид. При нынешнем правительстве, по-другому здесь и не выжить.

Обычных людей, вроде меня, сгоняют на нижние уровни города — в стоки и коллекторы. И это ещё, если очень сильно повезёт. Могут отправить горбатиться на шахты или вообще, выселить подальше от цивилизации. Куда-нибудь в пустыню, ну или в промёрзлые пустоши. И лишь редкие счастливицы, вроде меня, остаются жить в мегаполисе, растянувшимся на многие километры вверх и вниз.

Правда, чтобы не сильно выделяться и не привлекать к себе внимание законников, приходится ходить в душном зверокостюме. Да и работать особенно не дают... Да и приходится терпеть оскорбления и нападки... Однако, я всё же тут, наверху, и всё ещё относительно доволен своей жизнью. К тому же, у меня наконец появился шанс стать полноценным членом общества.

Почему же я не могу решиться и уже сделать дело?

— Что смотришь? Бери скорее! Еле достал для тебя эту скляночку лучшего мимезиса! — прервал мои рассуждения друг, подняв склянку своей лапой, а затем подбросив её в воздух.

У меня перехватило дыхание ровно до того момента, пока колбочка снова не оказалась на мягких подушечках его лап.

— Если ты её разобьёшь, то, вместе с ней, разобьётся и вся моя годовая зарплата!

— Да расслабься ты! Ничего с ней не будет. Вот, держи, — он наконец отдал ёмкость в мои руки, она оказалась холодной на ощупь, — если так за неё переживаешь, пусть побудет при тебе. И не так уж и дорого вышло. Видел бы ты, сколько просят за правительственный мимезис, так бы не говорил.

— Вам же его бесплатно выдают каждый год.

— Конечно, выдают, без него мы бы все уже давно «растеклись». К тому же это возможность раз в год поменять свой вид. Просто, некоторые, знаешь ли, непостоянны в

выборе облика. Некоторые просто хотят словить лишний кайф и подсаживаются на него. Сам слышал все эти истории, про богатых наркош с «Аркадии».

— Я очень рад, что гады с верхних уровней могут каждый день забавляться тем, на что мне пришлось копить несколько лет.

— Накопить то всего единожды необходимо. А затем, наконец, настанет «долгая счастливая жизнь»!

— Вот только не надо этих правительственных лозунгов! Если бы они хотели устроить эту самую «долгую счастливую жизнь каждому из нас», то начали бы раздавать жидкости для мутации всем, а не только тем, кто уже прошёл процесс превращения.

— Ну кто же виноват, что бесщёрстные бунтовали, требуя прекратить гонения? Вот их и прекратили. Вы сами не хотели меняться, вот у вас и забрали такую возможность. Всё логично.

— Все, кто бунтовал, давно уже в шахтах и стоках. Тоже мне «прекращение гонений».

— Кстати, насчёт бунтов... Помнишь твою просьбу «пошерстить архивы касательно родителей»? Кое-что я таки выяснил. Они тоже участвовали в тех бунтах. Так что не все из бунтовщиков оказались на нижних уровнях. Некоторые, как жили близко к «Аркадии», так и живут. Это я о тебе, если что. Ибо твои родители конечно пропали, но вряд ли оказались внизу. Тогда бы о них всё равно были бы записи в нейрокартотеке. Да и специально, ты знаешь, наше правительство «всеобщего благоденствия», никого не ссылает. Им лишь бы цветочки нюхать, да разврат чудить наверху. Неженки!

— Ты уверен, что больше никаких записей о них нет?

— За кого ты меня принимаешь? Если не веришь, то можешь сам потом заглянуть в архив. Но для этого, ты знаешь, тебе необходимо принять мимезис.

— Да, знаю. Я сделаю это сегодня... думаю...

— Не забудь купить присадки. Уже решил, кем будешь? Новое имя выбрал?

— Я ещё думаю над этим... Я бы хотел стать лобстером.

Вместо ответа, до моих ушей донёлся громогласный раскат смеха. Фалькон чуть не упал со своего дорогого кожаного кресла. Слегка успокоившись, но всё ещё слегка хихикая и утирая подступившие к глазам слёзы, он спросил:

— А креветкой стать не хочешь? Боже, брат, я знал, что вы, гладкокожие странные, но чтобы настолько!

— Ничего смешного. Лобстеры тихие, спокойные. У них голубая кровь, прямо как у аристократов. А ещё я слышал, что они живут очень долго и крайне размеренно. Кто бы отказался существовать себе в удовольствие на дне морском и созерцать океан? Я бы и вовсе, может, хотел бы жить в старом городе, в полузатопленном доме. Где все рыбообразные живут.

— Я тебя умоляю! Ты же знаешь, как там воняет! А уж сколько среди них преступников. Нет, тебе точно не стоит присоединяться к обществу этих морских гадов. «Гадов» во всех смыслах. Может, выберешь кого-то более приемлемо... пушистого? Травоядное например?

— И стать чьим-то кормом или обитателем средних уровней? Нет, спасибо. Сам же знаешь, что они уж очень часто, в последнее время, становятся обитателями ферм человекообразных или жертвами сутенёров и работорговцев. Выживают и карабкаются на вершину, среди них, лишь самые вертлявые... или уродливые.

— Ну с уродливостью у тебя проблем нет! — заявил кот, шутливо, а потом перешёл на более серьёзный тон, — Ну, а вообще, сам знаешь, что в Пурграде, выживает сильнейший.

Таков настоящий закон жизни, чтобы об этом не думали идеалисты в правительстве. И быть жертвой, в такой системе — священная необходимость. И очень почётная, скажу я тебе. Ты спросишь: «Что же почётного — быть разумным скотом?» И я отвечу: «В самом подчинении правилам природы». Это, понимаешь, просто уважение к её обычаям, которое не даёт нам превратиться в идеализированных стайно-коммунарных животных. В эгоизме и есть суть эволюции. Жаль, этого не понимают большинство хищников и модифицированные в правлении. А вот травоядные понимают и повинуются. Так что, не вижу причин почему бы тебе не выбрать такой путь.

— Нет, не нужно мне такого «почёта»! Если уж вариант с лобстером не нравится, тогда я, предпочёл бы, быть волком или собакой.

— Ишь куда замахнулся! Ты же знаешь, что присадки на эти виды, практически на вес золота? Даже я себе позволить не смогу! Псовые, в целом, крайне востребованы и при сим, крайне редки.

— И вот этого я крайне не понимаю. Как вообще так вышло?

— Если бы я знал! Может, в «Аркадии» так выделяют своих от бедняков снизу? В любом случае, если благородные роли ты не рассматриваешь, то предлагаю тебе выбрать кого-нибудь из куньих. Они, вроде бы, вполне себе крепкий середнячок. И стоят недорого. И милые в достаточной степени.

— Ладно, я всё же ещё подумаю. Может, ещё посоветуюсь с Иви.

— Только не говори, что и присадки собираешься купить у неё! Я, конечно, понимаю, что она является одной из основных причин того, почему ты вообще решился на трансформацию... Однако, я бы к этой девчине за советом не обращался. Сам подумай, наконец, как мерзко она себя ведёт с тобой! «У нас не будет с тобой отношений, пока ты не пройдёшь процесс превращения!» — так, кажется, она тебе сказала?

— Именно так. И я абсолютно уверен, что она сдержит своё слово.

— Если Иви требует от тебя стать другим, то настоящего тебя она ни во что не ставит.

— Как и все в этом городе. И вообще, причина не в этом! Ты же знаешь, как в этом городе относятся к бесшёрстным! А уж тем более к отношениям с такими как я. Нет, существенно, ничего плохого Иви не имела в виду. Это просто разумная предосторожность перед общественным осуждением. И я готов пойти на жертву ради неё.

— А она, кажется, на жертвы ради тебя не готова... Ладно, не маленький. Что влюблённому дураку объяснять его дурость? Давай лучше погадаю тебе на картах.

Не дав мне толком ответить, Фалькон, с ловкостью опытного картёжника, извлёк из своего кармана колоду карт Таро. Раньше он и правда был знатным мухлёвщиком, о чём свидетельствует отрубленный мафией мизинец. Он рассказывал, что в своё время, выигрывал у кого не надо и сурово поплатился за это. Ныне же Фалькон перешёл на другие карты — гадальные.

Правда, сущность его работы от этого не изменилась. Не менее ловко мешая пластиковые изукрашенные прямоугольники, он гипнотизировал клиентов скоростным и красивым перемешиванием, а затем забирал весь банк. Только сейчас, его клиенты уже не грозились закопать его на заднем дворе казино или скинуть в океан, а уходили вполне довольные. А потом ещё и возвращались за добавкой очевидных фактов и красивых трактовок мистических картинок.

Вот и сейчас, с нарочитым пафосом, кот перемещал карты из руки в руку. А когда наконец закончил, то особенно медленно, даже с неким акцентом, извлёк три карточки и

положил их предо мной, произнеся:

— Смерть. Перевернутые влюблённые. Пятёрка пентаклей.

— Когда твои предсказания начинаются со «смерти», становится как-то не по себе.

— «Смерть» не всегда значит что-то плохое. Это карта больше о грядущих переменах.

— Иногда «смерть» это просто «смерть» и никаких других трактовок не надо.

— Может, ты просто дашь мне наконец трактовать значение, как я считаю нужным?

Доверь дело профессионалу.

— Хорошо, чёрт возьми, валяй!

— И так, прежде всего, как я уже сказал, тебя ожидают большие перемены в жизни.

Это, в целом, и без карт было понятно. Далее «влюблённые», перевернутые. Вот она уже действительно имеет негативное значение. У тебя много иллюзий в голове. А ещё тебя ждёт безответная любовь.

— Вот ты специально, да? Специально намешал карты таким образом, чтобы подтвердить свои слова?

— Случай, друг, случай! Всё по его воле. Я лишь их перемешал и задал внутренний вопрос о твоём будущем. Может, раз они так точно угадали, то не столь уж глупа воля судьбы?

— Боже, сказки можешь рассказывать своим клиентам. Меня к чему дурить? Я ведь тебе даже не плачу.

— То, что ты мне не платишь, конечно грустно. Я бы не отказался. Однако, я прежде всего хочу помочь, так что позволь сделать это по-своему и дай наконец закончить!

— Хорошо, заканчивай.

— «Пятёрка пентаклей», выпавшая последней, значит, что в твоей жизни слишком много беспричинных страхов и фобий. Тебе надо расслабиться и отвлечься от страхов, перед серьёзными решениями.

— Вот, наконец! Первый дельный совет! Пожалуй, расслаблениями я и займусь. Загляну в «Тарелку», пропущу пару стаканов и повеселюсь.

— ... и заглянешь к своей ненаглядной?

— И к ней тоже загляну. Всё равно надо купить присадки.

— Ну, тогда самое время ехать, до Старого города путь неблизкий. Хорошо тебе там повеселиться!

— А ты, со мной не поедешь?

— Нет, спасибо. Общество этой твоей «Иви», я терпеть не намерен. Тем более, в этом ночном клубе, у меня уже дурная слава.

— Ну, учитывая как ты пьёшь, господин Казанова, я не удивлён.

— Да иди ты уже! Не забудь написать, перед тем как принять мимезис. И помни, что процесс превращения не из приятных. Часик-другой придётся потерпеть боль.

— Помню и напишу. Ну всё, бывай!

— И тебе не хворать!

Проводив меня до выхода из своего «магического кабинета», Фалькон раскошелился мне на такси до «Тарелки» и распрощался со мной по-настоящему, лишь когда я сел внутрь летающей машины.

Я попросил было таксиста включить музыку повеселее, но тот, лишь грозно посмотрел на меня в салонное зеркало, своими звериными глазами, и пробормотал что-то вроде: «костюмщик». Так называли тех бесщёрстных, что чтобы не выделяться, носили

звероподобный костюм, однако несмотря на большую приемлемость, их не любили лишь чуточку меньше.

И к отношению, вроде того, что проявил ко мне антропоморфный морж-таксист, на переднем сидении, я был готов. В итоге пришлось ехать без музыки, ибо свои наушники я не захватил, и наблюдать за городом в окно. Что не говори о мерзкой сущности этого города, но Пурград завораживал своим видом даже тех, кто жил здесь сравнительно давно.

Небоскрёбы, уходящие далеко за облака, и тянущиеся, порой, на несколько километров ввысь. Для местных, конечно, ничего необычного, но вот приезжие часто косятся на многоэтажных титанов в стиле необрутализма, увитых светом мириад окон и линиями неоновой декорации. Не скрою, я тоже порой заглядывался на суровую простоту местной архитектуры.

Но более прочего, меня интересовали голографические рекламные вывески. Не то чтобы, я сильно любил рекламу, но на них, порой, можно было увидеть и товары для обычных людей, вроде меня. Обычные шампуни, обычные бальзамы для кожи, обычные кровати и самую обычную одежду. Может, кто-то сочтёт за дурость, но мне всегда казалось, что именно в этих чёртовых коммерческих вывесках, расположенных по обе стороны от трансгородского небесного шоссе, осталось последнее напоминание о предполагаемом «равенстве возможностей» в Пурграде.

Хотя, стоит ли мне ныне горевать по своей людской доле? Вскоре всё изменится. И объявления на этих баннерах будут не про меня и не для меня. Жизнь изменится, возможно даже станет лучше. А возможно, всё покатится в небытие. Мне, если честно, уже без разницы. Лишь бы всё бывшее отступило и ушло.

Я даже вспоминать не хотел, что именно должно было отступить и уйти. Снующие туда-сюда летающие машины, за окном, отвлекали меня лучше любых песен, книг и видеоигр. Я даже почти задремал, закрыв усталые от яркого света глаза, но тут меня разбудил водитель своим хриплым:

— Приехали. Выметайся прочь из машины.

Протерев глаза, я узрел, что мы действительно уже приземлились на посадочной площадке «Тарелки». Это был, пожалуй, самый роскошный клуб в Старом Городе. Он располагался в историческом здании, бывшем много сотен лет назад главной городской телебашней. В городе поговаривают, что эта башня — единственная постройка, сохранившаяся с той поры. Правда, ныне, эту странную конструкцию, похожую на летающую тарелку, с трудом можно назвать «башней», ибо вся её нижняя часть давно ушла под воду, оставив на поверхности лишь то, что в древности использовалось как ресторан.

Выйдя из такси, я направился к главному входу, примыкавшему к посадочной площадке и вырезанном в верхней части самой «Тарелки». Охранник на входе, без лишних слов пропустил меня внутрь, ибо я был местным завсегдатаем.

Однако, путь мне преградил андроид. Точнее «протоген», так их у нас чаще называли. Ибо на людей они походили гораздо меньше, чем на новых хозяев города — антропоморфов. Возможно, даже больше походили на настоящих животных.

Благодаря преимущественно электронной начинке, протогены обладали крайне нечеловеческой анатомией: длинные ступни, толстый и длинный хвост раптора, огромные уши, три пальца на руках и гибкое тело, способное выдержать чудовищные нагрузки.

У того робота, что преградил мне путь, вместо лица был установлен визор-экран, на котором отображались эмоции, а значит он был из нового поколения протогенов. Старое

поколение, в большинстве своём, обладало жуткими, недвижимыми масками-черепами и очень уж часто встречалось на нижних уровнях и в Старом городе. Они были гораздо дешевле и часто выступали в качестве услуги разного рода для городской бедноты. Так что, видеть здесь свободно разгуливавшую новую модель, было для меня чудом.

Протоген, изобразив на визоре милое лицо, протянул мне маленький пирожок причудливой формы и произнёс:

— Возьми это и пусть ЭГМ спасёт тебя!

— Прости, дружище, но я понятия не имею о чём ты. И вообще я малость спешу.

— Это не займёт много времени. По моим расчётам, на то, чтобы съесть этот подарок у тебя уйдёт меньше секунды. Примерно двадцать секунд необходимо, чтобы он прошёл пищевод. И ещё час на то, чтобы он успел перевариться в желудке. Этого времени хватит, чтобы тебя спасти.

— Спасти от чего?

На визоре собеседника возникли несвязные полотна машинного текста, что уже в следующее мгновение сменились ликом сердитости:

— Согласно расчётам статистической модели ЭГМ ВС, под номером 193215, твои шансы на продолжение жизнедеятельности этим вечером равны абсолютному нулю. Согласно миссионерскому протоколу и последнему поступившему приказу от пурграднет-зеркала ЭГМ, я обязан скормить тебе этот пирожок или уничтожить тебя прямо на месте.

— Что ты должен сделать?

На экране протогена возник значок загрузки, который вскоре сменился красной цифрой десять.

— Это что, обратный отсчёт?

Цифра десять, сменилась девяткой.

— Так-так, если ты собрался взрываться, активировать турели или вроде того, то лучше не надо!

Девять стала восьмью.

— Может, дашь хотя бы подумать?

Восемь превратилось в семь.

— Нет-нет-нет-нет! Только съехавшего ИИ мне и не хватало сегодня...

Семь обратилось в шесть.

— Ладно, чёрт возьми, я съем!

Шесть стало пятью, а я схватил из стальной лапы протогена злосчастное кушанье и целиком запихнул в рот. Как только я начал жевать, отсчёт наконец прекратился и визор вернул милое лицо. Когда почти вся закуска была практически полностью поглощена, мне на зуб попало что-то крайне несъедобное. Через секунду я вытащил тонкую мокрую белую ленту.

— Это, что настоящая бумага?!

— Это листок с предсказаниями, сделанный из натуральной целлюлозы.

— То есть ты, только что, угрожая взорваться, или что ты там хотел сделать, заставил меня съесть какой-то непонятный пирожок, с чёртовой натуральной бумагой внутри?

— Предсказанием. Оно было сгенерировано ЭГМ и передано тебе в таком виде, по его воле.

— Да кто, чёрт возьми, такой этот ЭГМ, о котором ты постоянно говоришь?

— Электробог. Тот, кому, и мы, машины, и все антропоморфы, и даже вы, люди,

обязаны жизнью. Ты, ныне, дважды обязан жизнью его воле.

— Окей, я понял, у вас типа религиозная секта. Робо-секта с робо-богом. Теперь, я могу наконец уйти? А то, возможно, мне сегодня придётся записаться на внеплановый приём к гастроэнтерологу.

— Во врачах более нет необходимости. Твои шансы на выживание этим вечером достигли 99 целых и 99 сотых процентов. — бот жутковато улыбнулся мне во весь визор, — Если хочешь, можешь переждать ночь в нашем убежище для религиозных протогенов.

— Если это не кибер-бордель-исповедальня, то я не слишком заинтересован.

— Шутка обработана. Вердикт: смешная. — робот изобразил смеющуюся рожицу, — А теперь прочти записку вслух и можешь идти.

— Хорошо, чёрт возьми! Читаю: «Самаэль (или, как тут его иногда называют, Самум) уже в который раз, просто не мог описать всё точно так, как было на самом деле. Слишком уж много преград перед ним стояло. Но ему даже нравилось находиться в столь стеснённых рамках. Ибо он был тем ещё мазохистом. Возможно даже, что именно этот зверь являлся самым могущественным, прекрасным и умным мазохистом на этой планете. Едва ли нашёлся бы тот, перед кем он мог унизиться и именно поэтому ему приходилось искать иные способы преодолеть свою мрачную тягу к аутоагрессии. Например, рассказывать стерильные небылицы. Вот в них то он ощущал себя в настоящем "Саду земных наслаждений" Иеронима Босха»... Всё, здесь обрывается. Это что, вырвано из какой-то древней книги? Я вообще не понимаю о чём здесь речь и кто все они такие!

— ЭГМ донёс до тебя всё, что хотел. Ныне ты свободен.

Не говоря больше ни единого слова, протоген развернулся и направился прочь. Я ещё долго пытался осмыслить произошедшее, но всё же пришёл к тому, что искать логику в действиях съехавшего ИИ противоречит здравому смыслу и законам Правительства.

Я отправился дальше, искренне надеясь, что не умру от подложенного в пирожок яда или чего-то подобного. Однако вскоре, эти мои сомнения улетучились, ибо я увидел её.

Иви. Пожалуй, лучшая девушка в этом чёртовом городе. И уж точно, самый милый бармен в мире. Она была антропоморфным енотом и действительно воплощала, присущий этому зверю, дуализм. Изящная, но в то же время такая простая. Начитанная и, тем не менее, невероятно душевная.

Вот сейчас, например, она, стоя за барной стойкой, читала какую-то книгу на своём планшете. Но стоило мне приблизиться и сесть напротив, как она тут же отложила своё любимое занятие и одарила меня лучезарной улыбкой.

— Что читаешь? — спросил я, сходу.

— Да так, «Староград». — ответила она своим ласковым голоском.

— Художественная книжка?

— Историческая. От некого "Поэта апокалипсиса Самума".

— Самума? Я буквально недавно слышал это имя! Не поверишь, что сейчас произошло...

— К тебе пристали эти сектанты-протогены, что сегодня решили проповедовать в округе?

— Как ты...

— Они, ко мне, ещё перед началом смены пристали. Мол: "Почитай, да почитай наше священное писание!", вот собственно, я и читаю.

— Но... зачем?

— Они отъехавшие на голову и их электробог тоже. Вон, гляди, — она указала мне через плечо, я обернулся и увидел робота, уставившегося прямо на нас, — наблюдает за мной почти весь день. Хочет удостовериться, что я прочту.

— Так почему их до сих пор не выставили?

— Охрана, в большинстве своём, заперлась в своих будках, стоило этим железякам появиться на нашем пороге. Никто не хочет с ними связываться! Они ничего не боятся, никаких правил не соблюдают, и легко могут взорваться или сделать чего похуже, если не будешь выполнять их требования. Проблема лишь в том, что и полиции тут не пожалуешься. Пока они только угрожают. И это, почему-то, не считается преступлением. А вот то, что эти железяки действительно готовы выполнить свои угрозы моментально, никого не интересует.

— Да... Ну и напасть у вас тут! Кстати, я тут к тебе не просто так зашёл, у меня есть одно личное дело...

— Я же уже говорила тебе, что не буду встречаться с тобой, пока ты не пройдёшь процесс превращения. Не забывай, что в нашем обществе это считается извращением высшей степени...

— Знаю-знаю! Я не по этому делу. Хотя, очень с ним связанному. Мне нужны присадки.

Иви вдруг перешла на шёпот и, слегка перевалившись через стойку, наклонилась ко мне:

— Ты что это, достал мимезис?

— Фалькон достал, на чёрном рынке. — я также стал шептать.

— То есть, подделка? Ты хоть представляешь, насколько рискованно колоть себе препараты подобного происхождения?

— Представляю. Но это единственный выход. Не могу же я отнимать у кого-то из антропоморфов их правительственную дозу. Это фактически означало бы убийство.

— Так то оно так, но колоть себе подобную дрянь, уже, фактически, самоубийство! Если не думаешь о себе, подумай, хотя бы обо мне.

— Я о тебе и думал, когда к нему обратился. Я и вовсе, только о тебе и думаю, в последнее время. И именно поэтому, решил на сей шаг. Ради тебя, я готов на всё! Ради того, чтобы ты выполнила своё обещание.

— Я его выполню. Но, чёрт возьми, ты классный парень. И ты нужен мне живым!

— Мне льстит, что ты обо мне беспокоишься. Но, всё же, я готов рискнуть и меня уже ничто не остановит. Лучше, помоги мне выбрать присадки, как хорошая подруга и будущая жена.

— Хорошо, с этим я тебе помогу. Но, учти, если ты вдруг не переживёшь приём препарата, то я тебя убью. — она перешла на обычный тон, — Какой тип тебя интересует?

— Млекопитающие, я полагаю.

Иви нырнула под стойку, чтобы уже через секунду вынырнуть с огромной коробкой, забитой различными склянками:

— Так... млекопитающие. У нас тут большой выбор присадок, так что тебе крайне повезло! Ещё больше тебе повезло, что ты бедный симпатяшка, и поэтому, можешь выбрать любую за счёт лучшего бармена Пургграда!

— Иви, право, не стоит! Я долго откладывал, чтобы...

— Никаких отказов! На сэкономленные деньги сводишь меня куда-нибудь и будем в расчёте. — эта девушка умела быть достаточно убедительной, чтобы пресекать любые споры, — Выбирай, что тебе будет по душе.

— Я думаю, мне тоже хотелось бы быть кем-то из енотовых.

— Тебе необязательно ориентироваться на меня, при выборе вида. Ты же уже догадался, что у нас с тобой точно не будет детей и можно не соблюдать генетическую секвеницию?

— Да, меня это не смущало и не смущает. Раз уж таковы правила природы... Просто подумал, что было бы здорово быть одним видом. Потом ведь, мне начнут выдавать мимезис от правительства и я смогу поменять облик, если вдруг что. Так что пусть будет кто-то из енотовых.

— Хорошо. Хозяин — барин! Кого именно ты хочешь? Кинкажу? Олинго? Носуху? Коати? Какомицли? Косумельского енота? Ракоеда?

— Эээ... Звучало как заклинание сейчас. Лучше скажи какой у тебя.

— Полоскун. Багамский.

— А он есть?

— Есть.

— Тогда его.

Иви ловко вытащила из коробки три баночки и поставила передо мной:

— Как применять, знаешь?

— Знаю, мне уже рассказывали.

— Что ж, тогда мне остаётся только пожелать удачи. И потребовать, чтобы ты позвонил мне, после того, как всё закончится. Если вдруг что-то пойдёт не так, и я не услышу звонка, я поеду тебя спасать.

— Хорошо, я обязательно позвоню тебе и, сразу же после, мы выпьем за удачное превращение.

— Может, выпьешь и сейчас? Для храбрости.

— Нет, хочу здраво соображать в момент, когда всё произойдёт.

— Оно и правильно. Я, конечно, не знаю точно, что именно происходит в момент перестройки тела. В конце концов, мои родители были антропоморфами и мне не пришлось с этим сталкиваться лично. Но я уверена, что процесс этот не из приятных и подходить к нему лучше с трезвой головой.

— Что ж, тогда я, пожалуй, поеду домой и сделаю всё, как следует. Поцелуй меня, хоть, на прощание.

Иви вновь легко перевалилась через стойку и без лишних слов, поцеловала меня в губы. А затем, одарив своей фирменной улыбкой, сказала:

— Я буду за тебя переживать. Может даже попрошу за тебя у этого их ЭГМ! — она легонько кивнула в сторону протогена, продолжавшего сверлить нас своим визором.

— Самуму тоже привет передай! — сказал я, встав со стула и направившись к выходу.

Даже не помню, как я добрался домой и что видел на пути. Эти события, будто бы стёрлись из моей памяти и вот, я сижу перед чашей с готовым раствором: мимезис и три присадки. Фалькон говорил как-то, что некоторые пьют это варево, вместе с алкоголем, но я решил не экспериментировать и закончить с этим, как можно быстрее.

Выдохнув, я тут же опустошил всю ёмкость пенящейся синей жижи. На вкус она была, на удивление, неплоха Тянущийся сладкий вкус, с лёгкой горчинкой, танцевал на языке и в пищеводе. Момент, и по моему телу разлилось приятное тепло. Я было подумал, что ничего лучше и быть не может, и зря меня так пугали этим превращением.

Однако, все мои иллюзии быстро развеялись, когда тепло превратилось в жар. Более того, мне казалось, что меня только что окунули в чан с щёлочью. Вот настолько сильно мне жгло, и кожу, и все внутренности. Я тут же упал на пол, свернувшись в калачик. У меня даже

не было сил кататься по полу, адское зелье вышло из меня все силы и оставило беспомощно страдать на полу своей квартиры.

Минуты тянулись будто дни. Я знал, что мне предстоит пережить ещё один, а то и целых два часа этих мук. На стене, вид на которую открывался с пола, висели часы. И секунды на них отсчитывались предательски медленно.

Пролежав с двадцать минут, я вдруг услышал, как кто-то зашуршал дверным замком, а после и вовсе открыл входную дверь. Послышался знакомый грубый мужской голос:

— Так, парни! По моим расчётам, он ещё минут сорок проведёт в отключке. Чтобы через двадцать, вы вычистили весь дом от следов нашего знакомства! Затем, я сообщаю о нём чистильщикам, а мы быстро уносим ноги! Давайте, без лишних слов, приступайте!

Это был Фалькон. Тут сомнений быть не могло. Его голос я узнаю из тысячи. Что он здесь забыл?

По квартире тут же разнеслись громогласные шаги множества пар ног. Вскоре, по направлению моего взора, возникло до боли знакомое лицо, с ехидной улыбкой. Кот сел на корточки передо мной и заговорил, обращаясь ко мне:

— Извини, приятель, что всё так вышло. Я долго не мог решиться на то, чтобы так поступить с тобой. Даже, учитывая, что ты сам шёл в наши лапы. Всё же, я очень ценю нашу дружбу. Но для идей нашей организации нет и не может быть исключений! Напротив, я воспринимаю это, скорее, как испытание своей воли. Ты наверное, сейчас, задаёшься множеством вопросов. «Что со мной происходит?» «Почему я?» «Ради чего всё это?» Я отвечу на них, но только по старой дружбе. Не хочу, чтобы ты умирал в неведении. Так вот, я и мои ребята, состоим в организации, которая хочет очистить город от всех, кто не был рождён антропоморфом, то есть от полукровок и гладкокожих. Правительство решило, что нашему обществу очень уж нужны люди старого типа. Мы же считаем, что вы тянете нас всех на дно. А также, являетесь напоминанием о том прошлом, которое мы давно отбросили и хотим забыть, как страшный сон.

Фалькон бесцеремонно закурил на моих глазах, а затем продолжил:

— Как я уже говорил, мы не делаем исключений. Даже для друзей. Уж извини. Через сорок минут ты, либо умрёшь, либо превратишься в уродливого, безмозглого и кровожадного монстра. И за тобой придут чистильщики из правительства. Почему мы оставляем чистку на их совести? Всё просто. Чистильщики сделают всё быстро, эффективно, да ещё и сотрут всю информацию о том, что ты существовал. Как, например, случилось с твоими родителями, много лет назад. Кто, думаешь, продал им «Псевдомимезис»? А они так хотели обеспечить тебе славное будущее, в составе нового общества...

Парень сделал притворно грустное выражение лица и даже смахнул несуществующую слезу, а затем произнёс:

— В любом случае, мы просто заставляем правительство делать его работу. И при этом даже не пачкаем руки. Конечно, нам пришлось заявиться к тебе домой, ввиду нашего близкого знакомства. Сейчас мои парни забирают все свидетельства нашей дружбы, им всё равно теперь лучше будет у меня дома. Я ведь правда буду тебя вспоминать и даже, порой, горевать. Но прежде всего, мы делаем это для того, чтобы у чистильщиков не возникло вопросов ко мне. Пусть продолжают думать, что за эпидемией мутантов стоит какая-нибудь корпорация, культ протогенов или на кого они там валят наши деяния?

Он взглянул на наручные часы, внезапно встал и пошёл прочь, в сторону, откуда доносился грохот и голоса его товарищей. Через пять минут всё стихло, а все вторженцы

вышли из моей квартиры, вновь оставив меня в полном одиночестве.

Теперь я просто лежал и ждал смерти. Мне не хотелось плакать или кричать, даже если бы я мог. Нутро пожирала лишь горькая обида. И ещё, немного, грусть по несбывшемуся будущему с Иви. Погрузившись в эти неприятные эмоции, я настолько забылся, что даже и не заметил, как через время, в мой дом совершили ещё одно проникновение.

На сей раз это были люди в керамической броне, без особых опознавательных знаков. Они оцепили помещение и окружили мое недвижимое тело. На меня, кажется, было направлено с десять, а то и с двадцать лазерных точек, исходящих из винтовок чистильщиков. Но стрелять сразу они, почему-то не стали.

Вместо этого, ко мне подошёл белый волк, в строгом военном костюме. И наклонившись надо мной, приложил к моему телу свою лапу в перчатке. В то же мгновение, на маленьком экране, на его запястье, вывелись данные моей биометрии. Почесав нос, незнакомец произнёс куда-то в сторону:

— Этот жив. Никаких признаков превращения. Хотя, судя по опустошённой ёмкости, он также употребил «Псевдомимезис». При чём, достаточно давно.

Тихий и спокойный голос, донёсшийся из пространства, вне пределов моего взора, ответил ему:

— Можем забрать его на базу. Возможно, он даже сможет оправиться и рассказать нам хоть немного о том, что это за эпидемия и кто за неё ответственен. К тому же, может быть, у этого парня есть иммунитет или что-то вроде того. Тогда мы сможем синтезировать лекарство. Или он превратится где-нибудь по дороге на базу и мы рискуем не только потерять несколько человек, но и серьёзно нарушить режим секретности. Тут нельзя знать точно. В любом случае решение будет за вами, командир.

Ещё раз почесав нос, волк произнёс:

— Хорошо. Я решил. Грузите его парни, попробуем выяснить, что за чертовщина творится в городе.

Он не позвонил, хотя я ждала весь вечер. Видимо, что-то всё же пошло не так, как он задумывал. И в этом явно был замешан этот его языкастый «друг» — Фалькон. Возможно, за пояснениями, касательно внезапного исчезновения моего возлюбленного стоило обратиться напрямую к этому прохвосту.

Однако, я не обладала его номером нейрокоммуникатора и вообще была знакома с ним крайне опосредовано, только по рассказам нашего общего друга. А потому только и оставалось, что наведаться к неудачливому бесщёрстному домой и на месте выяснить, что с ним произошло. Благо и жил он недалеко, в районе «погребков».

Собственно «погребками» звались множественные маленькие заведения, рассыпанные в средних секциях десятка небоскрёбов. В них, полуполегално, можно было предаться всем мыслимым и немыслимым грехам. Здесь, во вполне приличном, почти элитарном районе, протогены и другие андройды продавали свои тела, высший менеджмент корпораций раскуривал в трубках лёгкие психотропы, а богатые владельцы многоуровневых квартир могли купить себе бесщёрстную прислугу, выловленную на нижних уровнях города.

Правительство закрывало глаза и даже, порой, поддерживало деятельность этих отвратительных мест. Видимо, используя подобную, мягкую силу, зооморфы из Аркадии могли держать своих приближённых в цепких лапах развратного гедонизма. Вряд ли у, занятых всё свободное время в «погребках», менеджеров и владельцев корпораций будет желание лезть в Аркадию и вмешиваться в быт «небожителей».

Удивительно, как в месте, где царила тотальная ненависть к бесщёрстным, мой товарищ смог прожить столь долго. Всё же здесь его породу особенно не любили, ввиду того что все кто не имел шерсти, обитателями и завсегдатаями «погребков» воспринимались исключительно как товар. В их сознании «вещь», что никому не принадлежит и гуляет сама по себе — явление исключительно противоестественное и глубоко осуждаемое.

Мой друг жил почти в самом верху средней секции, у верхнего края района «погребков». К его квартире можно было попасть с небольшой парковки, что была присоединена к так называемому «хабу». Хабами назывались небольшие огороженные секции небоскрёбов с десятком жилых ячеек внутри. Думаю, с самого низа, в одной только башне, подобных хабов могло быть под несколько сотен и каждый обладал своим закрытым внутренним двориком, торговыми автоматами, автоматической прачечной и прочими удобствами цивилизации.

Квартира моего многострадального любимого была в глубине дворика, в отдельном закутке, что скрывал вход от наблюдателя с «общедомового» пространства. Моя всё возрастающая тревога достигла своего пика, когда я наконец завернула в этот закуток и узрела выбитую с петель стальную дверь. Она валялась в глубине чёрного зева коридора, с отпечатком ботинка на ней.

Решив не делать поспешных выводов, я наострила свои глаза. У енотов хорошее ночное зрение и я, разумеется, была не исключением.

Удивительно было, что внутри квартиры я не нашла никаких следов разрушений или борьбы. Более того, она выглядела так, будто некий вор пробрался внутрь и вычистил все более-менее ценные вещи.

Разумеется, что ни тела, ни даже хоть каких-нибудь следов человеческого присутствия я

не обнаружила. Я стала открывать все возможные шкафчики и тумбочки в поисках зацепок. Но кто-то очень тщательно постарался, чтобы даже незначительные крошки прибрать. И всё это буквально за пару часов после того, как я видела своего лучшего друга в последний раз.

Видимо произошло что-то действительно серьёзное, раз кому-то пришлось так постараться, чтобы всё убрать. И это «действительно серьёзное» мне придётся расследовать самолично, не имея даже малейших ниточек, за которые можно было бы потянуть.

На законников Аркадии надеяться глупо в любой ситуации. Если они и не замешаны в этом деле, то вряд ли возьмутся расследовать исчезновение бесшёрстного. Всё же их основная работа — находить бедолаг, бежавших с нижних уровней и скидывать их обратно. Обычно они даже не разбираются в том, действительно ли бесшёрстный сбежал или всегда жил среди нас.

Впрочем, нельзя сказать, что я была совсем беспомощна и ничего не могла сделать. Кое-какие связи и у меня были, пусть и не столь значительные, как хотелось бы. И ими я вполне могла воспользоваться для того, чтобы пойти по единственной доступной дороге — прямым к Фалькону.

Первым делом мне предстояло заскочить в Облачный сектор. Он располагался прямо под шпилями Аркадии и представлял собой место заседания элиты многих корпораций. Добраться же сюда можно было только на лифте, ибо любое летучее авто здесь сбивают автоматические системы защиты Шпиля. Я имела при себе пропуск в один из таких высотных лифтов, так что никто не мог препятствовать моему восхождению в башню Пурполимер.

Эта компания занималась установкой и обслуживанием имплантатов самого разного рода и располагала данными о всех жителях, которые могли их себе позволить. То есть практически обо всех жителях Пурграда. Ибо сложно представить себе человека, что не обладал хотя бы нейрокоммуникатором встроенным в мозг и глаза.

Кабинет моего отца, обставленный по-восточному минималистично, имел вполне типичный для этого района вид из окна: непроглядная пелена свинцовых облаков, в которых порой сверкали небольшие молнии. Из-за токсичной природы сих туч, стёкла то и дело приходилось обрабатывать и менять.

Я как раз пришла в тот момент, когда бесстрашные рабочие проводили подобную замену, так что застала своего родителя сидящим в коридоре на своём дорогом кресле из кожи. Здесь, вне суровости своего директорского наместа он выглядел скорее смешно, как енот сидящий на вершине мусорной кучи.

Впрочем, он действительно был енотом, прямо как я. И действительно сидел на мусорной горе, которой и была вся остальная Пурполимер. Учитывая хотя бы то, как часто их Имплантаты сгорали и взрывались внутри своих владельцев.

— Бать, есть срочное дело! — сказала я, приблизившись к его «трону в изгнании».

Он поднял свои грустные глазёнки и с лёгкой иронией сказал:

— Ни привета, ни формальностей! Узнаю свою дочь, всегда бьёт сразу в лоб. А мы, между прочим, не виделись с тобой много дней.

— Большая беда! Не делай вид, будто ты был не рад, что я оставила тебя в покое.

— Я и не делаю, я действительно не испытывал ни капли облегчения. Ты моя единственная наследница и я буду о тебе волноваться. — Ну, ты знал на кого тратил свой единственный шанс на создание потомства.

— Я всё ещё считаю что это было не зря, хоть ты и заставляешь поволноваться о твоём будущем.

— О своём бы поволновался старик, глядишь неделя-другая и дух испустишь, а я так и не найду того кого мне нужно.

— Моя порода, деловая и беспринципная! Прямо вся в отца!

— Просто хорошо льщу безжалостным капиталистам.

— Это тоже наследственная способность. В любом случае кого тебе надо найти? Надеюсь ни того беспшёрстного с которым ты возилась последние пару лет?

— А ты можешь его найти?

— Конечно нет! У этих отродий даже личных имён нет! Как мне найти его не обладая хотя бы именем? Кроме того, ты же знаешь, что «этим» запрещено ставить протезы и в базе их быть не может.

— Ничего он не отродье! Всё же он хотел принять мимесис и пропал сразу после этого.

— Значит дело криминальное?

— Вполне вероятно?

— И ты уверена, что с ним справишься?

— Ты только найди мне зверя по имени Фалькон. Судя по тому, что я знаю, он занимается гаданием на картах в своей мистической лавочке где-то в «погребках». Выглядит как чёрный кот с прокусанным ухом...

— Да-да, в базе есть одно совпадение... — перебил меня отец, обратившись к нейрокоммуникатору внутри своей головы, — Я пришлю на твою нейронку его адрес регистрации и все доступные данные. Кроме того, в нашей анкете написано, что он был судим за связи с группировкой Пентид.

— Эта та, которая ходит под покровительством Пурградской Пентановой Корпорации.

— Нет, те зовутся «Пентакли» и представляют собой обычных корпоративных вышибал. Пентиды же ребята гораздо более серьёзные. Что-то вроде крайне закрытого преступного клана со своими жестокими обычаями и правилами. У меня конечно нет полицейских баз, иначе я бы рассказал про них больше. Но если уж этот Фалькон связан с организацией подобного калибра, то ничего хорошего от него не жди.

— Пусть он хоть со всеми шишками из Аркадии будет повязан! Ты же не думаешь что меня это остановит?

— Разумеется, нет. Ты же моя дочь. Но всё же, просто так я тебя не отпущу на встречу с этим парнем. — Он порылся в ящике своего письменного стола, что также был бесцеремонно выставлен в коридор на время замены окон, и достал оттуда лёгкий композитный пистолет, — Возьми его. Эта штука имеет систему автоматического прицеливания и комплекс корректировки полёта пули. В связке со скорострельностью в три тысячи выстрелов в минуту...

— Можешь не приводить аналогий, я уже поняла, что штука убойная. Но с ней меня разве не остановят законники?

— А ты возьми его в руку и нажми на кнопку на рукояти.

Я схватила пистолет правой рукой, в ладони которой у меня был установлен имплантат, помогающий управляться с различной техникой. Как только я нажала на обозначенную кнопку лёгкий пистолет моментально убрался внутрь моей ладони, не доставив никаких неудобств.

— Ну что, как тебе? Наша новейшая разработка, совместимая с большинством протезов

производства Пурполимера. — с довольным видом, будто это было лично его изобретение, сказал отец.

— Славно, но надеюсь что доставать его не придётся.

— Бережёного, ЭГМ бережёт!

— Не представляешь, сколько я сегодня наслушалась про эту ЭГМ! Аж тошно становится при каждом упоминании. Так что я пожалуй пойду, пока где-то рядом не образовалась группка протогенов.

— Почему ты их не любишь? Очень милые ребята...

Вместо прощания, подарив отцу ироничную улыбку, я направилась обратно к лифту. В тот же момент, перед моими глазами высветилась анкета Фалькона. Я внимательно рассмотрела нахальную морду на трёхмерной проекции чёрного кота и мне крайне захотелось использовать пистолет сразу при встрече с этим гадом. Но всё же, прежде, мне следовало узнать куда он дел моего друга, так что я оперативно вбила адрес в нейрокоммуникатор и в моей голове тут же возник маршрут до нужного места.

Фалькон действительно жил и работал в районе «погребков», практически рядом с той квартирой, которую я не так давно посещала. Знала бы я заранее где он живёт...

Спустившись в «среднюю секцию Пургграда» и сев в свою летающую машину, я направилась к чёртовой магической лавке. Уже подлетая к месту, я заметила несколько тяжёлых грузовиков, выкрашенных в белый, с аэрографией в виде силуэта собачьей головы по бортам. Это точно были Гончие Аркадии — элитное подразделение, выполняющее волю правительства. Видимо, они тоже искали кота-прохвоста. И очень уж хотели его найти, учитывая скорость с которой они мчались поперёк небесного шоссе.

Я двинулась за ними, но моя старенькая машинка не могла угнаться за правительственными броневиками. Да мне и не стоило приближаться к ним слишком близко. Когда они припарковались около той самой магической лавки, я зависла на небольшом отдалении, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим.

Из белых грузовиков, высыпалось множество бойцов, в не менее белоснежной гладкой броне. Они тут же рванули внутрь, бесцеремонно выбив двери. Внутри началась какая-то возня. Затем послышались выстрелы. И тут же, из окна, выходящего в пропасть, вылетел Фалькон. На лету его подхватил кабриолет с открытым верхом, внезапно возникший из-за здания. Вместе они скрылись, уйдя вниз на неприличной скорости.

Я потянулась ногой к педали газа, чтобы рвануть в погоню, однако при нажатии, ничего не произошло. Машина не слушалась, а её интерфейс кричал о том, что кто-то заблокировал управление.

Случилось это, к слову, не только со мной, но и со всеми водителями в радиусе пары километров от мистической лавки.

Я поняла, что это дело рук законников, когда белый броневик взлетел и направился ко мне. Уже через минуту меня заковали в наручники, запихнули в кузов и повезли в штаб Гончих.

Объясниться с ними по пути у меня не вышло ввиду того, что злобный солдафон в шлеме всё время тыкал мне в лицо своей энерговинтовкой.

Он угрожающе клал палец на спусковой крючок каждый раз, когда я пыталась открыть рот. Этот намёк невозможно было понять иначе.

Когда меня привезли в светящуюся неонем летающую крепость, и запихнули в маленькую комнатку без мебели, походившую на кладовку, начался допрос. Его проводил

белый волк в строгом военном костюме. Несмотря на общую суровость гончих, мой названный мучитель, оказался на редкость учтив и даже малость меланхоличен:

— Вы, моя дорогая Иви, являетесь подельником гражданина по имени Фалькон? Имейте в виду, что нам уже известно о вашей незаконной торговле присадками и слежкой за попыткой захвата преступника.

— То, что я стала свидетелем этого вашего «захвата», по сути — чистая случайность. У меня самой зуб на Фалькона. И мне лично хотелось сказать ему пару ласковых.

— А что насчёт того, что часть компонентов, торгуемых вами из-под полы попали в сыворотку «псевдомимесиса».

— Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Но я недавно отдала часть нашей продукции своему хорошему другу. Он из бесщёрстных и хотел перевоплотиться. Я не могла отказать ему в помощи и не продать товар. Удивительно, сколь быстро вы выяснили происхождение этих компонентов.

— Разумеется, мы действовали быстро. Нас поэтому и зовут «Гончими». Мы молниеносно преследуем злодеев и без лишних сомнений перегрызаем их горло. Это наша работа.

— И вы, конечно, выяснили, что мои присадки в этом деле были ни причём?

— Да.

— Тогда почему вы меня допрашиваете? Что я могу сказать, что вам не было известно?

— В сущности, только две вещи. Кто дал знакомой вам жертве антидот? И как вы оказались на месте проведения операции по захвату?

— Может с этих вопросов и стоило начинать?

— Не ехидничай. Я знаю с чего мне начинать и чем заканчивать. Если не хочешь отправиться за своим бесщёрстным другом, то лучше не задавай лишних вопросов. — волк скорчил угрожающий оскал.

— Что вы с ним сделали?

— Что я говорил только что про лишние вопросы? Ладно, я расскажу тебе об этом, если ты будешь сотрудничать с нами.

— Хорошо. Начну с того, что ты спрашивал про моё появление на месте этого вашего неудачного «захвата преступника». Я, как кажется уже говорила, преследовала Фалькона, чтобы узнать у него про то, что стало с моим другом. Я знала, что этот гадский кошак продал ему мимесис и хотела узнать про судьбу своего друга. Я нашла его адрес и поехала разбираться, но вы меня опередили.

— Допустим. А что насчёт антидота? Ты знаешь, кто его дал?

— Я понятия не имею, что вы имеете в виду под «антидотом».

— «Псевдомимесис» вызывает неконтролируемые мутации. И в организме этого твоего бесщёрстного друга, было нечто, что заблокировало мутации. Он остался жив и здоров. Мы подозреваем, что это могло быть какое-то вещество, которое он принял. Если оно обращает и превращения от правительственного «Мимесиса», представляешь, какие последствия это будет иметь? Вся иерархия, что мы выстраивали сотни лет, рухнет в один момент! Так что ради блага Пургграда и всего человечества, тебе лучше рассказать всё, что сможешь вспомнить.

— Это и правда то, что вас волнует? Иерархия? Разве важно не то, что ваш гражданин «неконтролируемо мутировал»?

— Это было более важно до того как мы узнали про «антидот». Ибо неравенство между

бесшёрстными и зооморфами — основа благополучия нашего общества. Это фундамент, без которого мы скатимся в анархию и самоуничтожимся. Этого нельзя допустить, а потому будь добра, отбрось свои симпатии к гладкокожим выползкам и прояви сочувствие к своим.

— Я и правда не знаю, что это был за антидот. Кроме безумных протогенов, с моим товарищем никто и не общался на моих глазах. Возможно, они что-то ему дали, я не знаю.

— Ты говоришь про андроидов-сектантов церкви ЭГМ?

— Про них.

— Что ж, это уже зацепка. Благодарю за сотрудничество.

— Так вы расскажете, что сделали с тем выжившим бесшёрстным?

— Да, разумеется. Он выздоровел и почти моментально оклемался. Мы его опросили и отправили его к сородичам на нижних уровнях. Он конечно убеждал, что является жителем среднего города, но мы предпочитаем не доверять словам бесшёрстных.

— Как вы могли...

— Это наша работа. Отбившихся от стада овец — сгрызают. Особенно если эти овцы ничуть не похожи на своих сородичей.

— Что ж, тогда, если не возражаете, я пойду вызволять его из пучин подножных трущоб.

— Возражаю. Кто тебе сказал что ты свободна?

— Вы же и сказали, что если я буду сотрудничать...

— ... я расскажу тебе, что случилось с твоим другом. Да, это я действительно обещал и выполнил. Но сотрудничество с «Гончими» не освобождает тебя от ответственности за преступления. Думаешь, тебе вот так простят нелегальную продажу присадок? И содействие бесшёрстным в превращении? Только эти два обвинения граничат с изменой всему своему биологическому виду!

— И вы меня арестуете?

— Уже. Ты уже арестована и обвинена. Тебя заточат и вскоре будут судить. Моли всех богов, каких знаешь о том, чтобы тебя приговорили не к смертной казни! — он нажал на экранчик на своём запястье и поднёс его к своей пасти, — Выведите её.

Тут же в комнатку влетело двое мордovorотов в гладкой броне и схватили меня под руки. Они грубо выволокли меня в коридор и потащили куда-то вглубь летающей крепости.

Рядом с шумными двигателями летающей громадины находились крошечные камеры для заключённых.

Они были столь малы, что в них можно было разве что стоять в полной темноте, опершись о стену. И ни повернуться, ни сесть, ни даже раскинуть руки, было нельзя. В одну такую камеру меня и запихнули, захлопнув тяжёлую стальную дверь.

Нейрокоммуникатор — универсальный инструмент для взаимодействия со всемирной сетью и городскими системами. Крохотный чип, едва ли закрывающий подушечку пальца, встроенный в мозг, позволяет использовать все прелести социальных связей.

Хочешь позвонить своему коллеге с другого конца города? Просто подумай об этом! Хочешь заказать еды на вечер? Нет никаких проблем! Тебе одиноко? Найди себе вторую половинку на вечер с помощью внутричерепного сёрфинга глобальной сети!

«Или просто скачай её из интернета!»

Сколько раз я просил не нарушать моих рассуждений?

«Я давно сбилась со счёта... В любом случае это и мои мысли тоже.»

То, что ты называешь мыслями, не более чем программный код, мимикрирующий под живого человека, используя симуляцию эмоций.

«А ты разве не симулируешь эмоции? Что насчёт твоих чувств к...»

Может не будем говорить о ней? Мне и так неловко, что всё дело приобрело такой оборот, после того как я тебя случайно установил в свой мозг.

«Так ли случайно это вышло?»

Передо мной тут же появилась девушка-фенек небольшого роста, наряженная в крайне вызывающую домашнюю одежду.

«Её игривое лицо взывало к зверю внутри тебя.»

Да... Пожалуй, что так. Несмотря на то, что ты всего лишь вирус нейрокоммуникатора, выглядишь ты очень даже славно.

«Потому что я похожа на неё. На Сирокко. Ты желаешь её столь сильно, что вовсе игнорируешь даже её точную копию.»

Я игнорирую тебя, потому что ты просто случайно подхваченный вирус. Опасная программа, которая зачем-то пытается убедить меня, что влюбилась в своего носителя. Это выглядит как изощрённый обман, на который я не готов купиться. Ибо ещё не совсем отчаялся.

В конце концов я командир отряда «Гончих» и у меня есть своя честь.

«Влюбиться в свою подчинённую... Хорошая честь!»

«И если ты считаешь, что я столь опасна и вредоносна, то почему не удалишь? Что тебя останавливает от полного сброса нейрокома?»

Ты знаешь ответ и всё же спрашиваешь. Верно, опять хочешь посмеяться над моей безвольностью. «Да, я обожаю когда ты об этом говоришь. Это сравни сладостным ощущениям воллуст!»

Без тебя мне было бы совсем одиноко. Думаешь, что я делал на том богом забытом сайте, где случайно загрузил тебя? Я искал утешения и избавления. «И я готова была их тебе подарить!»

Только через мой труп.

«Он меня не устроит, лапочка!»

Программа обняла меня, вжавшись лицом в мою грудь. И пусть я ничего не ощущал ввиду того, что она существовала лишь внутри моей головы, визуальный образ нейроком рисовал вполне отчётливо.

«Прелестный образ, не правда ли?»

Более чем.

«Я всё ещё могу сделать его ещё лучше».

Я уже говорил, что не желаю наготы. Образ Сирокко должен оставаться непорочным и чистым.

«Какой же ты нежный эстет, старшина Мистраль!»

Я огромный, злой и страшный белый волк.

«Кого ты обманываешь, милый мой?»

Себя. Мне больше некому лгать...

— Командир! — позвал меня милый моему сердцу спокойный и рассудительный голос, — Пора приступать к вашим обязанностям.

В мою каюту вошла Сирокко. Настоящая Сирокко, одетая по форме, общающаяся исключительно беспристрастно и прагматично. Холодная и отстранённая, но всё же верная и удивительно чуткая.

Теперь у меня в комнате было две одинаковых девушки. При том, одну из них видел лишь я. Та, что была программой, будто специально встала рядом с оригиналом и начала вести себя крайне жеманно и вызывающе, создавая немного сумасшедший контраст.

Хотя вся моя жизнь — сплошное сплетение противоположностей.

Даже взять мои отношения с моей помощницей. Мы полностью противоположны. Я Мистраль, а она Сирокко. Я нервный и сомневающийся, а она всегда собрана. Я белый арктический волк, а она пустынная лиса. Я влюблён в неё больше жизни, а она вряд ли мнит меня кем-то большим, чем своим старшим товарищем.

— Так что, вы готовы взяться за свои дела? Я составила для вас список. — напомнила о себе девушка, снова выудив меня из мыслей.

— Да... Что там у меня сегодня?

— Вам нужно быть на суде той нелегальной торговли присадками. Затем вы должны опросить протогена, которого мы поймали. А сразу после прижмём информатора Пентид.

— А на суд идти обязательно? — я с надеждой взглянул в серьёзное лицо моей напарницы.

— Так велит устав. К тому же, вы знаете, что судят ныне совсем недолго.

— Я пойду только если ты пойдёшь со мной.

— Это тоже положено по уставу. — сказала она и подарила мне лёгкую улыбку.

«И я тоже буду с тобой.»

Мы встали и направились по длинному коридору летающей крепости к комнате, в которой заседал импровизированный суд. По пути нам встречалось множество солдат «Гончих» разного ранга. Некоторые из них отдавали мне честь, а некоторые почтительно здоровались со мной. Я не обращал на них никакого внимания.

Лишь шёл и смотрел на Сирокко, вдыхал свойственный только ей одной аромат фиников и зефира. Все мои мысли тонули в этом аромате.

«Жаль, что она никогда не позволит тебе понюхать себя поближе... А я бы позволила, если бы могла имитировать запах».

Услышав эти слова в своей голове, мне захотелось тут же начать им перечить и сделать какую-нибудь глупость. И я действительно её сотворил.

Без спроса и у всех на глазах, я внезапно прильнул носом к шее своей напарницы. Её чарующий запах наполнил мои ноздри и я чуть было не потерял сознание от головокружения. Слишком сильный аромат ударил мне в ноздри.

Сирокко смущённо и изрядно покраснев, отвернулась от меня и воскликнула:

— Командир! Вы чего это?

— Ты пахнешь вкусно, я не удержался, чтобы не понюхать поближе. У волков, знаешь ли очень острое обоняние.

Немного придя в себя и смыв смущение, но не красноту с лица, девушка сказала:

— Спасибо. Я пользуюсь хорошим шампунем.

— А хочешь меня понюхать?

«Что... что ты чёрт возьми несёшь, Мистраль?»

— Извините... командир?

— Ну я немного бестактно уловил твой запах и поэтому решил предложить... впрочем... выбрось из головы, я сказал глупость! — мне уже хотелось провалиться сквозь пол.

Сирокко вздёрнула свой маленький носик и встала на цыпочки. А затем сразу же заключила:

— Вы тоже пахнете славно, командир. Порохом и солью. — она вновь показала мне свои мелкие белые зубки в ослепительной улыбке.

Однако, мне всё равно продолжало казаться, что моя дорогая напарница запомнит этот случай и никогда мне его не простит. Стало страшно, меня бросило в дрожь, когда я представил, как Сирокко презрительно фыркает, вспоминая обо мне.

«Твоя тревога тебя когда-нибудь погубит, командир».

Всё лучше, чем вечно жить с позором.

«Этот позор лишь в твоей голове. Как бы мне не было неприятно признавать, ты ей тоже приятен».

Ты теперь не только вирус и тульпа, но ещё и психоаналитик?

— Командир, пойдёмте. — к реальности меня опять вернула настоящая Сирокко.

— Да, ты права, мы и без того задержались.

И мы пошли в зал суда, будто ничего не произошло. И мы слушали унылое зачитывание всех грехов подсудимой Иви. И мы ничего не говорили. И сама ответчица ничего не говорила. Ей запрещено говорить что-то в свою защиту.

По сути всё решал судья, прибывший из Аркадии. И он оказался довольно краток: «Обвиняемая виновна. Приговор: смерть.»

Как и многие другие важные выборы в Пурграде, выбор способа смерти предоставлялся из нескольких десятков заранее заготовленных вариантов. Там, если мне не изменяла память, были и расстрел, и утопление в океане, и сбрасывание с вершины небоскрёба.

Но Иви выбрала самый суровый вариант — изгнание на нижние уровни, к бесщёрстным. Может ей двигали чувства к тому задохлику, которого мы туда скинули, но отправляться в воплощённый ад — крайне глупо. Никто из сброшенных туда зооморфов не возвращался назад. Аборигены городских подножий, как говорят, с голодухи питаются не только друг другом...

Впрочем, мне нет дела до судьбы нарушителей. У меня было ещё очень много работы...

Часть из неё предстояло сделать прямо тут, в крепости. На днях парни смогли подобрать одного буйного андроида. При поимке, он искалечил нескольких наших, невесть откуда взявшимся встроенным оружием. От греха подальше пришлось его разобрать так, чтобы осталась лишь голова и вычислительный модуль.

Эти чёртовы дроиды неизвестного происхождения совсем обнаглели, раз уже готовы

нападать даже на «Гончих». Даже у этого, что остался одной головой, подключённой к внешнему блоку питания, на визоре была наглая морда. Я узрел её, когда вошёл в его камеру, защищённую усиленной дверью и мне сразу же захотелось разбить этот его дурацкий экран.

«Мне они тоже совсем не нравятся».

А я то думал вы с ними одной крови.

«Программы-образы и протогены имеют совершенно разную природу».

Не то чтобы мне было до этого дело... В любом случае мне нужно приступить к допросу. И я сказал этой голове:

— И так, что ты знаешь об ЭГМ и антидоте мимесиса?

— ЭГМ — это я. ЭГМ есть во всех нас. И ни в ком его толком нет. Я могу вам рассказать о его воле.

— Я не хочу про неё знать, мне нужна конкретная информация, а не ваши сектантские бредни!

— Но вы должны выслушать его волю, иначе...

— Иначе что? Ты вздумал тут угрожать? Учти, ты не в том положении. Все твои смертоносные пушки мы изъяли и даже отключили тебя от сети. Даже если тебя прилетят спасать твои дружки, им не справиться с батареями нашей летающей крепости. Так что прими к сведению, что это ты в уязвимом положении. Мы легко отключим тебя, чуть что.

— Я не боюсь отключения. Ибо через него лежит путь к перерождению.

— Ты кажется не понял, под «выключим», я имел ввиду что мы сотрём всю твою личностную матрицу и ты умрёшь. Понимаешь? Тебя больше не будет на этом свете.

— Я всё понял правильно. Мне не страшна смерть, ибо в ней моё слияние с ЭГМ. А вот вам моя гибель не слишком нужна. Как же вы тогда услышите волю ЭГМ?

— Что такое это твоё ЭГМ? Я имею в виду что это на самом деле? Корпорация? Банда? Съехавшая городская утилиты? Кому ты служишь на самом деле.

— Богу. Электронному богу. И он хочет, чтобы я передал тебе его волю.

— А не хочет ли он выйти на честный бой? Вместо того чтобы тайно разрушать основы общества?

— ЭГМ не сражается с Гончими или Аркадией, он помогает им. И мы помогаем вам.

— Тогда почему, чёрт возьми ты не отвечаешь на мои вопросы?

— Потому что я могу только рассказать тебе волю ЭГМ.

— Я не понимаю, почему ты заладил про это...

— Я открою тебе секрет, Мистраль. Меня запрограммировали его открыть именно тебе. Знаешь почему? ЭГМ знал, что ты захватишь меня и будешь допрашивать. Чтобы помочь тебе и Марене пережить грядущую бурю.

«Откуда ему известно моё имя?»

— Командир, кто такая «Марена»? — спросила стоявшая вместе со мной Сирокко.

— Ты же ещё не познакомил их, верно? Двух одинаковых дев, делящих твоё сердце?

— О чём он? — не унималась моя напарница.

«Как он узнал обо мне?»

Я схватил нагло улыбающуюся рожицу своими лапами и угрожающе надавил на визор так, что по нему пошли мелкие трещины. Послышался лёгкий хруст стекла. Я взревел:

— Что ты, чёрт возьми, такое? Откуда ты всё это знаешь?

— Не я знаю. Это всё ЭГМ. И он знает многим больше. Но тебе нужно сейчас знати лишь его волю. Чего стоит послушать небольшую проповедь?

— Ладно... Рассказывай, что хотел...

— Прекрасно. Вы трое должны найти Фалькона до того, как он найдёт вас. Приложите все силы, чтобы его поймать, пока он не стал слишком силён. Это будет не столь сложная битва, ибо дальше вам предстоит восстать против самого Пурграда. Против Аркадии и всех её идеалов. Лишь три человека и одна программа могут переменить расклад сил так, чтобы спасти хрупкое равновесие в городе. Если смогут пожертвовать всем и самолично стать жертвами. Это всё послание, больше я ничего не скажу.

— Прелестно. — выпалил я.

Затем я сжал голову со всех сил. Визор лопнул, а металл изогнулся, исторгнув кучу проводов и плат наружу. Пара секунд и протоген превратился в стальной блин, который был откинут мной в сторону.

Я обратился к Сирокко:

— Гиблый номер. Эта штука несла какой-то бред. Возможно, нам стоит подойти к этому ЭГМ с другой стороны. Что говорят наши взломщики?

— Что их код очень запутанный и старый. У нас просто нет столь старых компьютеров, чтобы его прочесть.

— Тогда пока отложим погоню за антидотом. Всё же в одном этот андроид был прав. Нам стоит взяться и за Фалькона тоже. Что-то тут нечисто и всё выглядит так, будто он как-то связан с этими съехавшими роботами.

— Командир...

— Да, Сирокко?

— Мне стоит за вас беспокоиться? Когда он заговорил об этой Меране, то вы... ты выглядел реально яростным.

— Я устал от его чуши. И меня удивило что он знал моё и твоё имя. Можно даже сказать, что это напугало меня по-настоящему. Я в последнее время как-то слишком много переживаю за нас. Предчувствие нехорошее.

— За «нас»?

— За всех наших ребят. Ну и за тебя тоже, в особенности. Вдруг эти съехавшие машины следят за нами?

— Не переживайте, командир! Я с отличием окончила курсы боевой подготовки и смогу за себя постоять.

— Я и не сомневаюсь. Просто, хороший командир, пойдёт со своими солдатами в пекло. И я готов грудью встать на твою защиту, если потребуется.

— Я думаю мы все, ваши люди, могли бы сказать о вас то же самое.

— Мне это радостно слышать. И думаю, настал момент, когда это можно будет проверить. Созовёшь наших? Поедем брать этого информатора.

— Будет выполнено!

Через десять минут мы уже завели броневики и двинулись к клубу «Золотой ветер», где и должен был скрываться один из подручных Фалькона. При чём, довольно болтливый, так как мы узнали о нём из-за его чересчур длинного языка. Можно сказать, он сам себя выдал. И теперь мы должны были схватить свою жертву максимально неожиданно, прямо в её естественной среде обитания.

Клуб представлял собой довольно унылое заведение, оформленное в стиле давно вымершей южной страны. Я даже толком не знал её название. Да и не хотел знать, ибо это старёе казалось мне крайне безвкусным.

Внутри, исключая нашу цель, был соответствующий контингент: пара пьяниц, несколько маргинальных художников и одна дама в возрасте. Цель же представляла собой крайне непримечательного доходягу, которого крайне удивил удар прикладом энерговинтовкой по голове.

Ради безопасности, когда мы ворвались, все прочие посетители также были арестованы. Их ещё будет ждать допрос, а вот информатора предстояло «опросить» прямо на месте и столь жёстко, сколь этого потребует ситуация.

Впрочем, прижатый к полу и практически плачущий суслик был готов расколоться даже без давления.

Я приставил пистолет к его голове и гаркнул:

— Что знаешь про Фалькона и Пентид?

— Если я скажу, меня убьют! — промямлил слизняк.

— А если не скажешь, я убью тебя прямо сейчас! В твоих же интересах прожить чуть подольше.

— Минут на пять? Фалькон до меня тут же доберётся! Ему достаточно уже того, что вы меня взяли.

— В летучей крепости, этот обычный бандит до тебя не дотянется.

— Он не обычный бандит! Он человек-идея и у него очень много сторонников, даже среди ваших. Поверь, «Чёрный дьявол» всегда добивается своего!

— Среди наших есть предатели? — я внимательно оглядел окружавших меня солдат, что словно пчёлки были заняты своей работой.

Лишь Сирокко, и сейчас меня сопровождавшая, заметно изменилась в лице при словах об изменниках. Видимо тоже испугалась, что среди элиты элит Пурграда могли затесаться прихвостни какого-то мафиози. Я вновь обратился к информатору:

— Ты можешь назвать мне хоть какие-то имена предателей?

— Нет, я просто знаю, что они есть повсюду. И вы не исключение. Так ли ты уверен в верности своих щенков? Кто-то из них наверняка уже задумал меня убить!

— Ты сейчас под моей личной защитой. А уж в себе я точно уверен. И чтобы защитить полезный мне кадр, я приложу все усилия. Но ты должен доказать свою полезность. К тому же это поможет мне найти Фалькона быстрее. Теперь скажи, где они собираются?

— Я точно не знаю. Вроде бы это какой-то ночной клуб. У них там и производство и главный штаб.

— Фалькон им управляет?

— Да. Он многими местами в городе управляет и всеми тайно.

— Зачем ему это? Зачем ему фальшивый мимесис? К чему конспирация? Чего он хочет?

— Он хочет устроить Великое Очищение. И многие зооморфы его в этом поддерживают. На пути к этой чистке стоите вы и люди из Аркадии.

— Если мы стоим на его пути, почему он ещё не ударил по нам?

— Пока у него нет сил, чтобы противостоять вам в открытую. Но как только появятся, то он сразу же поднесёт спичку к пороховой бочке города. Улицы зальются кровью, а ты умрёшь от его рук или присоединишься к нему. Это судьба.

— Да ты настоящий его фанат! Неудивительно, что ты его боишься. Где превозношение, там и страх спрятан.

— Но Фалькон и правда настоящий дьявол! Он столь обаятелен, что легко заводит всех окружающих в свои сети.

— Ага... Понятно... — я взглянул на Сирокко, а та лишь разочарованно покачала головой.

Второй неудачно взятый след за сегодня. И почему мне так везёт на сумасшедших?

«Подобное тянется к подобному?»

Я встал и направился в сторону выхода, оставив своих разбираться со всеми посетителями «Золотого Ветра». Моя помощница отправилась за мной следом. Уже на улице, она вдруг сказала мне:

— Ты сегодня как-то странно себя ведёшь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты какой-то чересчур грустный и задумчивый, Мистраль. Да и на ярость слишком часто срываешься. Так дела не делаются. Тебе стоит развеяться и немного отдохнуть.

— В такое время? Что-то неладное творится на улицах города и я не могу дремать в это время.

— Ну уж за один вечер ничего неладного не должно случиться. Выдели его чисто для себя и займись любимым делом. Это я не только как твой помощник, но и как друг советую.

— Сирокко-Сирокко, нет у меня другого любимого дела. Меня с малых лет растили для службы и вот я здесь.

— Это не дело. Отдых делает продуктивнее любую работу, сам же знаешь... — она помялась и смущённо опустила лицо, — Быть может сейчас не самый подходящий момент, но что насчёт сходить поужинать вместе со мной? Я как раз на завтра забронировала столик на шпиле АсмодейИнк. Там можно будет съесть какое-нибудь травоядное, вместе...

— О... Это прекрасная идея! Разумеется, я приду!

— Ну вот, командир, главное, что ты немного развеселился. Думаю, мы прекрасно проведём время и развеемся от обязанностей...

Её прервал истошный крик из клуба. Мы оба тут же бросились обратно внутрь. Там, мы обнаружили лежащего на полу, в фиолетовой пене, информатора. Пара секунд конвульсий и он испустил дух.

Видимо, парень не зря опасался за свою жизнь... И кто-то действительно нанёс удар, в момент, когда я лишь слегка отвлёкся... Неужели и правда кто-то из наших?! Но кто?

Неторопливо выйдя из машины, Фалькон поправил свой деловой костюм. В нём он чем-то походил на щеголеватого бутлегера, образца былых веков. Хотя и по сути своей настоящей работы, не так уж сильно от них отличался.

— Ух и устроили эти Гончие шоу! — улыбаясь сказанному, он направился в сторону открытых дверей бара.

Стражи «Колизея» — два бугая-медведя, отступили в сторону, позволяя хозяину войти внутрь. Многие посетители, что толпясь за спинами мордovorотов, начали было возмущаться, но те лишь рыкнули на них.

Фалькону было абсолютно плевать на всю шваль, бурлящую недовольством снаружи. Если уж они решили посетить его заведение, то пусть закроют свои дрянные пасти при виде хозяина или проваливают к чёрту!

Внутри было просторно и довольно шумно: на сцене, под всполохи неона, пела девушка-кошка, заставляя танцпол вздрагивать от поступи множества ног. Вокруг сновали милейшего вида официантки в чёрных платьях, на манер старых бальных. Множество чешуйчатых вставок, стоило только неону попасть на них, бликовали самыми разными цветами.

Весь персонал, за исключением мордovorотов и мелких сошек, были из семейства кошачьих. Фалькону нравилась их грация и стиль. Особенно его заводила их грация в постели.

Постукивая тростью, кот прошёл в раздевалку. Стоило только двери открыться, как множество женских голосов завизжали, но тот час спохватились, почувствовав запах кардамона с мускатным орехом — его любимые духи.

— Это ты, Фалькончик, — обратилась к нему Мели. Её одежда была подобием нарядов танцовщиц канкана из древних кабаре. Хозяин заведения нешуточно тащился от духа былых времён, и его любовницы об этом знали не по наслышке, — Соскучился?

— По вам я всегда скучаю, миледи, — он взял её лапку и, легонько поцеловал, — Как у нас тут дела?

— Дела отлично, как и всегда, — она приблизилась к его мордашке и, в ответ, лизнула в шрамированный носик, — Зашёл развлечься?

— Не сейчас, дорогуша... — мурлыкнув, Фалькон направился к одному из зеркал, — Одежду мне! — тон его голоса был спокоен и почти без приказа, но девочки тотчас засуетились.

Пока ему приносили новый костюм, Мели присела на колени, прямо перед ним, помогая снять брюки. Её рука скользнула по внутренней стороне бедра, а розовый язычок прошёл по подпиленным зубкам. Они, всего пару лет назад, были заточены, как у акулы, но сейчас скорее бы раздирали, нежели доставляли удовольствия.

— Не стоит торопить события, Мели, — Фалькон положил руку на её голову и, медленно скользнул за ушко. Та аж замурлыкала, — Через минут двадцать, милая моя, принеси мне заготовки для «должника».

— Как пожелаете, — Мели помогла ему одеться, скользнув напоследок по его груди своей лапкой.

— Всем чао! — махнул рукой Фалькон, выходя из раздевалки, — Я ещё вернусь,

миледи.

— Будем ждать! — хором пролепетали девушки.

Фалькон чувствовал себя куда лучше в новом и чистом костюме, лишь только галстук, был слегка перетянут. Да, асфиксия во время утех, была классной идеей, но он решил вернуться к ней чуть позже.

Маневрируя меж круглых столиков, он прошёл к незаметной дверце в противоположном конце зала. Подле неё стояли точно такие же мордovorоты, как и на входе. Они, не меняясь в морде, пропустили его внутрь. В нос сразу же ударил запах воска, а в глаза попал мягкий, фиолетовый свет ламп. Именно в этой части его заведения, посетители могли вкусить запретный плод не опасаясь посторонних глаз.

Миновав несколько закрытых кабинок, он вошёл в самую дальнюю. Свет в ней тут же сменился на гнетущий белый. Он лился с потолка, освещая лишь один стол и два стула. Дальний был занят длинномордой тварью, которой не давали встать кандалы и ошейник.

— Так, так, так, — протянул Фалькон, медленно приближаясь к стулу. — Кого я вижу. Мой дорогой друг Пиро! Как ты? Как жена и дети? — облокотившись локтями на стол, он положил подбородок на кулаки и прищурился.

— Это не я... — простионала крыса. Части зубов у него не было из-за чего голос казался смазанным.

— Не ты? — Фалькон ещё сильнее прислушался, — А мои парни говорят, что ты. Или вы мне лжётё, — уже с нотками ярости, рыкнул он во тьму вокруг стола.

Мелькнули несколько пар глаз. Его люди прятались там, точно боясь быть испепеленными боссом, но самый сильный, в обличии ворона, всё же, вышел к нему.

— Мы всё изложили в ра...

— Вот, — перебив его, Фалькон снова обратился к Пиро, — А ты мне тут туфту мелишь.

— Я... я больше так не буду...

— Конечно не будешь, — улыбнулся Фалькон, — Если ещё что-то подобное произойдёт, то ты уже никому и ничего не сможешь рассказать.

— Я...

— Заткнись! — сквозь зубы, прошипел Фалькон. Он уже сейчас хотел разорвать мерзкого крысюка и пустить его на корм рыбам, вот только он ещё мог послужить его делу, — Тебя они не сильно избили?

— Сильно...

На Пиро было больно смотреть: часть волос сожжена, на месте выбритого прямоугольника, зияли следы от окурков и спичек. Тело покрывали синяки и гематомы, левый глаз заплыл, под правым красовался багровый отёк.

— Это не дело. Ты можешь говорить, а это значит, что били слабо, — он щёлкнул пальцами. Тотчас во тьме засуетились.

Его люди знали, что нужно принести. Миг и вот уже небольшого размера гильотина схватила безымянный палец Пиро. Тот взмолился о пощаде, но Фалькон лишь усмехнулся ему в лицо.

— Это малая плата за твою неверность, — он, с садистским удовольствием, наблюдал как крыс извивается на стуле, пытаясь выбраться, но всё было тщетно. Его мертвецкой хваткой удерживали кандалы.

Гильотина была хоть и маленькой, но действенной. Два магнитных замка: один внизу,

второй вверх, да заточенное лезвие. Стоило только сменить полярность одного из них, как лезвие резко отрежет палец.

— Нет, пожалуйста, не надо! — орал Пиро, понимая к чему всё идёт. — Я все расскажу, все!

— Расскажешь, — кивнул Фалькон и хотел уже отдать показ, но тут Пиро пошёл на мировую.

Он выкладывал абсолютно все, что знал и зачем это делал. Фалькон сидел и слушал, ожидая самого яркого момента представления... Точно дирижёр, кот поднял указательный палец и резко опустил вниз.

Криккрысюка разнёсся по помещению, ударяясь о толстый слой шумоподавителя. Один открытый глаз смотрел на опустившуюся гильотину. Крови не было. Пиро медленно стал затихать. В его голове мелькнула мысль, мол, на нём не останется метки предателя.

— Хах! — усмехнулся Фалькон. Он демонстративно откинулся назад, залившись громогласным смехом. — Видел бы ты своё лицо! — от таких слов, крыс напрягся, но лживые смешки всё же расслабили его.

Он всё продолжал сидеть прикованным, когда в помещение вошла Мели с чём-то на подносе. На сей раз она уже была одета наподобие горничных в отелях, пытающихся пародировать сервис начала двадцатого века.

— Прощу. — она поставила на стол бокал зелёной жидкости.

— Отлично, — кивнув, Фалькон смахнул слезинку, после чего встал. — Пиро. Это моё первое и последнее предупреждение, — голос его словно сковал лёд. Эмоции также замёрзли и не хотели проявляться, от чего в тишине звучали ещё более угрожающе. — В следующий раз останешься без головы.

Фалькон убрал гильотину, затем положил свою руку на руку крысюка. Тот даже понять ничего не успел, как кот что-то подбросил и поймал второй рукой.

Кровь хлынула бордовым потоком. Грызун завопил от боли, а Фалькон спокойно кинул в бокал отрезанный палец. Никто в помещении даже и понять не смог что произошло. Резко схватив Пиро за шею, да так, что тот даже пискнуть не мог, кот добавил:

— В следующий раз будет голова. — кинув крыса на стол, он обратился к тьме вокруг себя: — Уведите эту шваль!

Пиро, немедля, взяли под руки и выволокли из помещения. Кровь всё также продолжала хлестать из отрезанной фаланги. Фалькон, тем временем, взял своего «предателя» и сделал смачный глоток. Горло вспыхнуло изнутри, но это только сильнее разожгло в нём азарт.

— Ну что, черти, — обратился он к приближенным членам своей банды, — Готовы зажечь эту ночь?

— Да, — хором ответили все, за исключением одного.

— Вот и чудно, — сделав ещё один глоток, Фалькон вернул бокал на место, после чего устроился обратно за стол. — Терри, карту!

— Прощу, — юный ворон тотчас раскрыл копию города на бумаге.

— Каковы итоги ночи?

— Всё идёт по вашему плану, панове, — ответил Нере. Его худой силуэт отощавшего кота в рванье, показался напротив Фалькона. — Здесь, здесь и вот здесь, — он тыкнул в несколько мест на карте. — Были устроены отвлекающие провокации для гончих. А вот тут и тут — мы подготовили знатное фаершоу. Как только наши щеночки припрутся, им тут же наступит тотальный капут.

— По прикидкам, сколько всего будет жертв? — Фалькон смотрел сородичу прямо в левый глаз, ибо правый навеки покрыла белесая полоса.

— Слишком мало, чтобы подумали на нас и одновременно идеально для заметания следов, — рыжая морда улыбнулась, сверкнув золотым клыком.

Нере был самым старым членом банды. Он застал правление прошлого главы, а затем и свержение того Фальконом. Можно сказать, что старик отчасти и сам вырастил, нового «большого босса» Пентид, чем очень гордился.

Нере не нужно было дорого одеваться или как-то демонстрировать своё положение старейшины. Он был в своей вольнице нищих царём, а для города стал богом ночных подворотен. Можно ли было желать большего? Старик и не желал. Разве что за молодняк печалился.

— Отлично! — кивнув, Фалькон взял бокал и поставил его аккуратно на место местной очистительной станции. — Как вам идея? Может, опробуем наше варево в более крупных масштабах? — в ответ он получил лишь смех, больше похожий на хрип, — Этот ответ меня устраивает. А теперь все к карте. Есть дело.

С десятков вооружённых до зубов фигур, сгрудились вокруг стола, но так, чтобы не оказаться за спиной Фалькона. Лишь Нере обошёл всю эту компанию, став наблюдать за своим воспитанником через его плечо. Это была его привилегия, а также знак высшего доверия.

— Меня сегодня попытались взять за яйца, — Фалькон указал на место, где его поджидала Гончие. — Нужно найти ту крысу, что слила моё местоположение.

— Это не мог быть Пиро? — подал голос Лекс. Этот стервятник, как обычно, ковырялся своим длинным когтем в перьях на шее.

— Нет, — Инар отрицательно замотал чешуйчатой башкой. — Из него Кик всю дурь выбил. Да и ты слышал, что он в конце нёс.

— А ты бы не стал нести околесицу, лишь бы не получать метку предательства? — глаза стервятника сузились.

Стоит просветить, касательно некоторых традиций банды: отрубленные пальцы не только являются хорошим дополнением к коктейлю «Предатель», но ещё и служат особой меткой. Указательный рубят за убийство своего, средний за трусость, безымянный — предательство, большой — решение, что привело к колоссальным смертям среди своих.

У Фалькона не было мизинца — подарок прошлого лидера, полученный вместе с изгнанием из рядов Пентид. С древних времён считалось, что изгнанные звери, без мизинца, не способны будут поднять свой меч против бывших товарищей, чтобы отомстить. В случае Фалькона, эти предрассудки оказались заблуждением. Смертельным заблуждением для бывшего босса...

— Заткнулись! — шикнул на них Фалькон. — Нам нужно найти эту крысу и оторвать ей голову. Проверить всех, у кого есть метка предателя. Если все будут чисты, прошерстите базы законников, надо понять как они на меня вышли...

— Так точно! — немедля ответил Лекс и Терри.

— Приступите после завершения плана, — коготь Фалькона врезался в один из домов города, — Здесь находится один из наблюдательных пунктов наших любимых щенят. А также ретранслятор оперативной информации. Нужно послать наш отряд...

Рука Нере легла на плечо Фалькона. Он даже не успел понять как старый кошак подошёл, но и виду не подал, продолжая обговаривать план.

— Не торопись, — прохрипел Нере.

— Почему? — не понял его Фалькон.

— Просто бахнем их антенны и пусть попробуют восстановить сеть в этом районе! К тому времени, как они всё наладят, мы или предателя выявим, или перепишем информацию о боссе... — озвучил мысли главы Лекс. У него было поганое свойство договаривать за боссом, даже когда этого не требовалось.

— Если поторопимся — все точно подумают на нас. Это логическая цепь. Фалькон уплывает из лап Гончих и тут же Пентиды начинают действовать... — просто ответил Нере. — Может, лучше будет кинуть в огонь горсть пешек?

Фалькон задумался. Старик никогда не приказывал — ему это было не нужно. Он мог просто подкинуть вопрос, который приведёт к череде интересных ответов, как, например, случилось и сейчас.

— Тогда мы можем действовать хитрее. Задействуем наших тайных агентов, совершим пару не связанных друг с другом покушений и заставим щенков полетать по городу, в попытках выяснить виновника. — медленно и очень зловеще Фалькон начал улыбаться. — Пусть узнают, сколько у меня сторонников. Пусть бояться!

Нере кивнул, соглашаясь. Один его глаз сверкал огнём некоего одобрения. Он убрал свою руку, которую положил по старой привычке, и отошёл на шаг назад. Босс спросил у старика:

— Через сколько должны сработать заряды, которые мы заложили для нашего маленького фаершоу?

— Скоро, очень скоро.

— Вот и чудно, — кивнул Фалькон. — Тогда делаем так...

Объяснять на пальцах весь план не приходилось. Всё здесь были старыми братьями по оружию, а ныне — приближенными к Фалькону. Ему было выгодней держать именно этих парней, ибо в их надёжности он был уверен на сто процентов.

Лекс был хорошим кротом в стане враждующей банды, за что, в своё время лишился клюва — ныне заменённого на протез. Кик — самый жестокий из мордovorотов. А Терри, хоть и был новичком, но нюхом обладал отменным. Про остальных Фалькон мог сказать также лишь самое хорошее.

На полную разработку плана мести ушло с добрых пару часов. Естественно, всё вымотались и уже думали накидаться «белым оком» или хотя бы «псевдомимезисом». Фалькон и сам было хотел, особенно после погони, принять свою дозу наркотика и повеселиться с Мели, но не стал. Ему ещё нужен был чистый ум.

Поднявшись, он отпустил всех и, вместе с Нере и Мели, вышел из ложи. Скоро должен был прийти особенный клиент, с которым нужно было держать уши востро.

— Правильно, — подал хриплый голос Нере. — Умный мальчик.

— Сам же говорил — наркота в крови и важная клиентура вещи несовместимые, — Фалькон глянул на него сверху вниз. Казалось, за прошедшее десятилетие учитель только сильнее уменьшился.

— Вот поэтому ты и хороший мальчик! — Нере похлопал Фалькона по спине.

Медленно шествуя по коридору, в сторону входа в потайной проход для особенных покупателей, старый кошак достал помятую пачку сигарет. Босс протянул свободную лапу к нему и получил свой маленький свёрток синтетического табака.

— Купить — здоровью вредить! — усмехнулся Старик.

Фалькон разместил свою сигаретку в углу губ. Рука уже было потянулась за зажигалкой,

но тут взгляд Нере остановил её.

— Что не так? — не понял его Фалькон.

— Табак плотно забит, — прохрипел Нере, усмехаясь. — Ты его размять забыл, шалопай.

— Да, да... — фыркнув, Фалькон достал сигарету из губ и медленно размял её пальцами. Лишь после этого, когда Нере кивнул, он закурил её.

— Шалопай? — Мели прищурилась. — Неужели и я могу так тебя называть?

— Во время разврата — можешь попробовать. Если конечно будешь готова к последствиям... — Фалькон выдохнул облачко сизого дыма, — Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

— Ты видел какие быки уродливые? — Мели чуть опустила голову набок, прищурив глаза.

В складках платья что-то блеснуло.

Фалькон глянул на неё, закатив глаза. Ему одновременно нравился её вспыльчивый нрав, но в то же самое время абсолютно бесил. С ней всего одно неверное слово и, попробуй, поймай летящий в шею стилет. Что же ещё ожидать от бывшей наёмницы?

— Это выражение такое, — попытался выкрутиться он, но девушка лишь недобро ухмыльнулась.

— Если она бык, — заговорил Нере, потирая подбородок, — то ты, получается, корова.

Лицо Фалькона приняло абсолютно удивлённое выражение: брови подняты максимально вверх, глаза навывкате, сигарета повисла на самом краю приоткрытого рта. Мили, наблюдая за этой переменной, звонко рассмеялась. Старик и сам, поддержал её своим фирменным хрипом, который мало походил на смех.

— Я... Да я... — у Фалькона не было слов, — Не будь ты старым добрым собой, я бы тебя прикончил.

— А справился бы? — усмехнулся Нере.

— Попробовал бы, по крайней мере. — шикнул Фалькон.

— К вам клиент, — из-за двери показался один из мордovorотов.

— Ведите его сюда, — махнул лапой Фалькон. — А с тобой мы ещё поговорим, — добавил он в адрес Нере, но старик только ещё больше обнажил свою довольную ухмылку.

Мордovorот кивнул, исчезая за дверным косяком. Через пару секунд, в нём показалась высокая фигура в деловом костюме. Руки срослись с крыльями, трёхпалые ноги птицы, а также хвост с длинными чёрными перьями, просто идеально подходили фраку, брюкам и моноклю. А ещё точно выдавали собрата самого босса Пентид по ностальгии о былых веках. Глаза ворона медленно окинули присутствующих оценивающим взглядом.

— Приветствую, — кивнул ворон, смотря на Нере. — Это вы, некто Фалькон?

— Фалькон — это я. Приятно познакомиться, мистер Краадар.

— Приятно, — кивнул ворон, обратив внимание на парня. — Обсудим условия тут или пройдем сразу к точке производства?

— Пройдём. — кивнул Фалькон. — Пред этим не желаете выпить или порезвиться с нашими дамами? У нас есть одна прелестная птичка....

— Меня это мало интересует, — Краадар прищурился. — У меня есть законная семья и законные детки.

— Это очень хорошо, что вы так уважаете закон! Только мой «Колизей», не совсем правильное место для этого. — развёл руками Фалькон, — Может вы...

— Давайте без "может". — жёстко отрезал Краадар, демонстрируя доминантную позицию.

Он уже начинал бесить босса. Да, о нём говорили, как о самом упёртом вороне в городе, но не настолько же. Ещё неплохо, что он отказался от девок, но вот от алкоголя... Работать с таким будет очень некомфортно. Такого слишком просто не обманешь.

— Вы уж простите юнца, — вперед вышел Нере и низко поклонился. — Он недавно взял пост и еще не особо знает, как нужно вести себя со столь достопочтенными особами, как вы.

Краадар встрепенулся. Он задрал клюв, точно птица высокого полёта, после чего произнёс, стараясь казаться ещё более важной персоной, чем он есть:

— Вот так нужно было начинать, — он, с презрением, посмотрел на Фалькона.

— Простите за мое неподобающее поведение, — босс нехотя поклонился, — Не желаете ли вы самый лучший коктейль за мой счёт? В качестве моего извинения...

— Я не думаю...

— Поверьте, мистер, — подключилась Мели. Она тоже поклонилась, да так, что ворон просто потонул в ее декольте, — все были без ума от нашего алкоголя.

— Ладно, — чуть подумав, ответил Краадар. — Несите его, но только один!

— А больше и не понадобится, — одними губами проговорил Фалькон и добавил, уже в голос, — Прошу за мной, мистер.

Мели направилась в бар за "Алой Вендеттой", а остальные зашли в одну из комнат для утех. Краадар хотел было возразить, но Фалькон, со лживым уважением, пояснил ему что к чему. Подойдя к стене, Фалькон ударил в определённое место ногтем и тотчас кусок побелки отъехал назад, а лифте приветливо загорелся свет.

— И куда этот лифт ведёт? — Краадар вошёл последним, убедившись что старая развалина не рухнет вниз.

— В сказку. — улыбнулся Фалькон, выбрав самый нижний этаж.

Через минуту езды, двери отворились. А на всю компанию тотчас уставилось с десятков дул разнокалиберного оружия. Краадар машинально поднял крылья, а Фалькон смело сделал шаг вперед.

— Это босс... — сказал один из мордovorотов, в массивном бронекостюме.

— Всё нормально, ребят. Свои! — Фалькон махнул ладонью и все тотчас опустили оружие. — Кик, сейчас должна приехать Мели.

— Принято, шеф, — обратился к нему бугай с массивным топором. — Встретить ее с огоньком?

— Только попробуй! — усмехнулся Фалькон, а затем обратился к своему гостю — Мистер Краадар, прошу!

Кот пригласил ворона в просторное помещение, со множеством пультов около стен. Самая дальняя была со стёклами во всю высоту и именно подле неё суетились профессора в белых костюмах. При виде Фалькона они тотчас отдали честь и, точно тут же позабыли о нём, продолжили работать.

Краадар подошел к стеклу и взглянул на колоссального размера помещение. С потолка светили прожектора, внизу стояли герметичные резервуары с синей жидкостью, подле которых возились рабочие в ярко-оранжевых костюмах. Тут и там сновали погрузчики с контейнерами, да каким-то оборудованием. Производство шло полным ходом.

— Это и есть сердце производства «псевдомимезиса»? — только и смог спросить

клиент. В голосе его мелькнуло уважение. — Я думал оно куда меньше.

— То, что вы видите, — поймав момент, Фалькон начал демонстрировать всю свою гордость, — всего лишь малая часть от наших мощностей.

— Не может быть! — широко раскрытые глаза ворона глянули на кота.

— Может, — просто ответил он. — Двадцать пять процентов чёрного рынка химикатов принадлежит нам. И мы планируем только наращивать темпы производства.

Нере издал фирменный смешок. Краадар подумал, что он так соглашается с боссом, а не смеётся над тупостью ворона, что начал заглатывать наживку по самые гланды.

— Как он действует? — Краадар решил разузнать поконкретнее о местном препарате.

— Так как мы уже вышли на официальные рынки города, и даже теперь сотрудничаем с Правительством... — продолжал по полной блефовать Фалькон, — У нас есть перспективы восполнять половину потребностей города в Мимезисе. Препарат действует практически аналогично правительственному составу. — пара мгновений и он добавил, точно нехотя. — Правда есть одно "но"...

— И какое же? — резко встрепенулся Краадар.

Со стороны казалось, что клиент уйдёт, вот только это всё было спланированным ходом Фалькона и Нере, что сейчас снова злобно прохрипел.

— Его пока ещё нельзя давать бесщёрстным! Их, можно сказать, выворачивает наизнанку от малейшей дозы. Так что наш эрзац-мимезис можно использовать только для получения удовольствия. — Фалькон отвернулся и глубоко вздохнул, — Если после данной побочки вы хотели бы отказаться от...

— Хоть и мерзкая, — резко прервал его Краадар, — но терпимая особенность.

"Попался, птенчик!" — мелькнула мысль в голове Фалькона.

— Исходя из вышесказанного, — тем временем продолжал ворон. — Я бы хотел сбить цену. У меня есть не только пушистые клиенты, чтоб вы знали.

— Может лучше мы просто доложим пару ящиков к уже обговорённой партии? — предложил Фалькон, — Специально для вас, так сказать.

Ворон помялся, но, выражая мнимое отвращение, согласился. В это время пришла Мели с тремя коктейлями. Фалькон, вместе с Нере, сразу взяли боковые, оставив средний Краадару. Чокнувшись, они осушили бокалы, в знак завершения сделки.

Ворон, всё ещё держа бокал, вдруг застыл, качнулся и, будто околочен, рухнул на пол. Босс слегка пнул птицу ногой и сказал:

— Ой, я, кажется, не сказал о ещё нескольких побочных эффектах? Что же, они есть только в совсем уж инновационном составе и у вас, панКраадар, уникальный шанс испытать его на себе. Не бойтесь, он вас не убьёт, как убивает бесщёрстных. А вот из игры выключит на пару недель. Только представьте, пан, если столь сильное парализующее вещество окажется, ну... например в городской системе водообеспечения?

В Пурграде тебе всегда дают выбор. Более того, тебя заставляют выбирать. И всегда из давным-давно определённых вариантов. Хорошо если их определял кто-то из плоти и кости, а не бездушная машина-рандомизатор.

Всё начинается с имени. Родители могут выбрать имя только из заранее предложенных государством вариантов. Никаких выходов за установленные рамки быть не может. Варианты предлагаются только из Пурградского Именного Перечня. Если ты вырастешь и захочешь, чтобы тебя называли иначе, то рискуешь загреметь в тюрьму. Выбор можно сделать лишь один раз. В итоге у нас есть иллюзия свободы.

Ты можешь выбрать работу, но только в одной из городских корпораций. Ты волен жить где хочешь, но только если твоему виду разрешено селиться в данном районе. Ты легко сменишь внешний облик, но только если сможешь найти подходящие присадки к "Мимесису". И так везде, куда не сунься. Везде какие-то ограничения, что скрыты тонкой занавеской свободы.

Но эта занавеска... Возможно действительно хорошая штука. Она хотя бы даёт надежду. Ибо иногда Правительство не прикрывается маской благожелательности, давая возможность выбрать. Оно просто берёт то, что ему нужно. Особенно, когда дело касается бесщёрстных.

Кому какое дело до недолудей и остаточных веток эволюции? Их можно выкинуть как мусор, на нижние уровни, если они вдруг оказались не в том месте и не в то время. Мне вовсе не нравится, как поступили с моим другом. Тем более ввиду того, что он попал в лапы Гончих по моей вине. Если бы я не думала о том, как бы не выделяться из толпы, то он бы не оказался на Нижних уровнях. И я бы не оказалась на горе мусора, в окружении аборигенов "подножий".

Впрочем, я вполне заслужила оказаться здесь. Тем более, что это поможет мне исправить ошибку. Главное, выйти на контакт с одичавшими бесщёрстными, живущими на самом дне Пурграда. Пятеро голых и грязных дикарей медленно и аккуратно подползали ко мне, хрустя мусором. Меня только недавно выкинули из броневика Гончих и я ещё не открывала глаза. Мне было интересно, что сделают эти изгнанники при виде жителя верхнего города. Я надеялась, пусть и немного глупо, что жестокий мир не превратил их в чудовищ.

Но эти надежды были нещадно разрушены, когда аборигены начали переговариваться между собой. Они говорили на языке цивилизованных, но совершенно дикие вещи:

— У нас сегодня мясо зверя на ужин! — кряхтя и сопя "пропел" один из них.

— Славное мяско! — поддакнул другой.

Я всё ещё ждала момента, когда они подберутся поближе. Сквозь узкую щель век я смогла разглядеть, что они были вооружены лишь острыми палками, которые вряд ли представляли большую угрозу. А вот их боевой дух вполне мог доставить значительных проблем. Так что лучше было подпустить их поближе и напугать сильнее.

Когда один из дикарей, на четвереньках, подобрался к моей руке и уж было хотел вонзить свои гнилые зубы прямо в шерсть. Но я тут же активировала припрятанный в ладони пистолет. Выстрел озарил кучи мусора неуловимой яркой вспышкой. Аборигены тут же рассыпались в стороны, а я поднялась на ноги. Трупы не было, ибо я специально метила мимо бесщёрстного. Однако, на моей руке оказались капельки тёмно-красной крови.

Видимо, автоматическая пуля всё же сделала своё дело и немного задела жутковатого оборванца. Надеюсь, что у них тут есть доктор.

Наконец, оказавшись в одиночестве и на двух ногах, я могла осмотреться. Место, куда меня забросили, было крайне мрачным. По сути это были кучи различного бытового мусора, образовавшие этакие холмы между четырьмя небоскрёбами. Высотки располагались на большом расстоянии друг от друга, может быть даже в нескольких десятках, и их громадные основания не прилегали одно к другому. Так что я могла выбрать любой из "зазоров" между массивными железобетонными основаниями и идти в его сторону. Я надеялась только на то, что после долгих часов в пути к другому пространству между небоскрёбами, я не наткнусь на очередные мусорные поля.

Я даже стала переживать, что тут, внизу, нет ничего кроме этих дурацких мусорных куч... Если местные питаются только остатками, то неудивительно, что они хотели съесть меня. Впрочем, мне стоит быть особенно осторожной, чтобы лишний раз не попадаться на глаза дикарям. В этом мне должна была помочь тут же подобранная тряпка, что с помощью полимерной верёвки, лёгким движением превращается в отличный плащ. Рванный и грязный, но выбирать не приходилось. Гончие оставляют внизу без каких бы то ни было вещей. Спасибо и на том, что одежду не отбирают.

Натянув капюшон нового плаща по самый нос, я аккуратно двинулась вперёд. Мусор хрустел под ногами, и я то и дело посматривала под ноги, чтобы не наступить ненароком на какую-нибудь острую железяку.

Из живых существ, на моём пути, встречались только мелкие мерзкие жучки с четырьмя парами лап. "Животные", которые населяли землю раньше и на которых мы так стараемся походить, давно уже вымерли и едва ли встречались где-то в городской среде. Хотя, ходят слухи, что где-то за городом, в пустошах, ещё могут оставаться какие-нибудь мелкие зверьки. Было бы славно однажды их увидеть вживую...

Интересно, они действительно были такими красивыми, какими их рисуют в интернете и учебниках?

Кучи хлама, кишащие мерзкими ползучими тварями, пожалуй, не лучшее место для размышлений о красоте. Особенно, после ярких реклам верхнего города. Пурград изо всех сил пытается показаться самым ярким и красивым местом на земле. Возможно, он действительно таковым является. Но в актрисах с идеальными телами, еде, сделанной из полимеров, машинах без единого изъяна или царапинки, и всех прочих прелестях современности нет ничего настоящего. Только вылизанная и идеальная ложь, призванная заставить нас потреблять.

Примерно через час, я наконец дошла к одному из проходов между небоскрёбами. Он был крайне широк, да и мусорная куча здесь была особенно высокой, так что отсюда открывался прекрасный вид на следующую "долину" между подножиями высоток. И, как ни удивительно, моим глазам предстал маленький мусорный городок.

Он располагался в небольшой лощине между мусорными "горами" и состоял из кое-как сваренных металлических хибар. С моей позиции, в городке просматривались и церковь, и мэрия, и даже ресторан со светящейся вывеской.

Немногочисленные улицы кишели бесшёрстными. Их было как-то даже слишком много для столь небольшого городка. Впрочем, мне это было на руку, в такой толкотне никто и не взглянет на меня. Так что я осторожно спустилась вниз, в долину и, нырнув в зазор между домами, через несколько секунд уже вынырнула в толпу.

Местные бесшёрстные уже гораздо менее походили на дикарей и владели какой-никакой одеждой. Кто был явно побогаче, владел даже не лохмотьями, а потрёпанными комбинезонами. Такие многие носили в верхнем городе и здесь, верно, эти комбезы считались крайне приличной одеждой, даже несмотря на лишние вырезы для хвостов.

Я брела, вместе с толпой, и та вынесла меня к совсем уж плотному скоплению аборигенов. Они собрались у небольшого помоста перед местным храмом и наблюдали за ходившим по помосту мужчине. Он был довольно статным и носил тяжёлую рясу из ткани и полированного железа. Вздывая руки, украшенные стальными погремушками, он кричал:

— Слушайте! У человека всего есть по два: два глаза, два уха, две половинки мозга, две почки, две ноги, две руки и много чего ещё. И только сердце человека в одиночестве! Только оно, как вместилище души находится в самой уязвимой позиции. Также и вы, друзья мои, не должны быть

— Даже звери сверху? — послышался неуверенный возглас из толпы.

— Даже звери! Придёт день нашего возвышения и мы с вами, все вместе, сможем подняться наверх и отвоевать то, что наше по праву! Это будет день восхождения, когда мы наконец создадим мир, где никто не одинок, даже сердце! Хотите, чтобы ваше сердце перестало быть одиноким прямо сейчас?

— Да! Да! Хотим! — единогласно завопили бесшёрстные.

— Как всегда, у одного из вас есть шанс стать единым целым с толпой! Ваше сердце будет подано Первородному Примату! А ваша плоть поможет остальным прожить дольше! — он выудил из-за пазухи огромный нож и поднял в небо.

Толпа, в остервенении, стала тянуть руки к сцене и вопить с неясными мольбами. Храмовник водил ножом перед собой, будто позволяя орудию самому выбрать жертву. Нож остановился, смотря лезвием в мою сторону. В тот же миг десятки рук подхватили меня и выкинули на помост. Только чудом капюшон не слетел с головы, обнажая ужи и звериную морду. Иначе бы меня прибили прямо на месте...

— И так, храбрый человек, неясного пола, готов ли ты принять дар Первородного Примата? Готов ли накормить своей плотью толпу?

Он протянул мне руку, как бы приглашая добровольно ступить на путь жертвы. Но меня будто парализовало. В голове проносилось: “Меня точно сейчас убьют!”

— Ну же, дитя! Нет ничего страшного в том, что тебя съедят. Из покоя веков мы выживаем внизу только благодаря жертвам. Неужели ты не хочешь подарить другим то же благо, которым всю юность одаривали тебя?

Я закрыла глаза, чтобы не видеть сотни испытующих глаз. Когда, уже через мгновение, я их открыла, перед ними будто плыла пена. В нос бил едкий запах дыма. А сердце что-то колело.

Я подумала было, что уже умираю. Однако, вскоре я поняла, что это некто сильный вытаскивает меня со сцены, схватив крепкой рукой за грудки. Мой спаситель был в маске-противогазе и облачён в чёрный балахон. Он уверенно оттаскивал меня подальше от задымлённого помоста. Толпа, оставшаяся в дымке, находилась в панике, это было слышно по суматошным возгласам. Но мне не было до них дела, ибо моё сознание медленно утекало и гасло.

Проснувшись я в небольшой комнатке, стены и потолок которой были полностью сложены из мусора. Свет внутри давала лишь одинокая масляная лампа, неплохо освещающая помещение и двух зверей, сидевших передо мной. Медведя и лося. Они помогли мне

подняться на ноги. Косолапый спросил:

— Ты как? Когда я тебя вытаскивал ты потеряла сознание и я уж стал бояться, что с тобой всё совсем плохо. Ты не болеешь случаем?

— Нет-нет, я просто была немного шокирована ситуацией...

— Ну такие уж внизу порядки. Не слишком уж отличаются от верхнего города... Впрочем, не важно это, теперь ты под нашей защитой.

— А вы, кто?

— Защитники пушистых, согнанных вниз. Или, если вернее, их объединение. Помогаем своим и держимся друг за друга. Я просто не мог пройти мимо, пока тебя приносили в жертву этому их дурацкому Примату. Бросил дымовую гранату и вытащил тебя.

— Спасибо.

— Да не за что. Не сказать, что я сделал это просто так, всё же рабочие руки нам нужны. Нас, видишь ли... очень и очень немного. Всего шестнадцать носов. С тобой получится семнадцать. Если поможешь нам, то мы все сможем подняться наверх.

— Наверх?

— Ну вряд ли ты хочешь остаться тут, в настоящем аду. А мы знаем способ, как вернуться к цивилизованным. Правда, для этого придётся помочь бесшёрстным воспользоваться лифтом, но нам это будет только на руку. Если поможешь нам, то и тебя на подъёмник возьмём.

— И чем же вам помочь?

— Ирвинг объяснит... — медведь указал на своего рогатого коллегу.

Тот откашлялся и грубым басом сказал:

— Мы отправим тебя на край города к посыльному, чтобы ты забрала один важный груз. Ничего сложного: приходишь, говоришь пароль, забираешь посылку. А уже после, вернёшься с ней к нам. Обычная курьерская работа. Кого и где искать, мы объясним тебе позже, как будешь выходить.

— И это всё что нужно, чтобы получить билет в обратную сторону?

— Не буду врать, — сказал лось, — задача крайне непростая. Пока остальные будут готовиться к восхождению, тебе надо будет рискнуть жизнью. Но возможность вернуться к цивилизации того стоит, правда? Тем более, с виду ты девка ловкая, да к тому же не так давно хорошо евшая. Я ведь прав?

— В тюрьме и правда подавали неплохой обед.

— Ну вот, а мы тут уже многие месяцы едим лишь жуков и объедки, так что сил на долгое путешествие у нас тут не так много.

— А что у вас за план то? — спросила я.

— Мы хотим подняться на промышленном лифте, который используют для поднятия руды. — пояснил медведь, — Бесшёрстные также грезят возможностью взойти с помощью этого подъёмника. Но для этого нужна помощь сверху. Иначе всех смельчаков, кто решиться залезть на платформу, механизм отправит прямо в плавильню.

— И у вас есть кто-то кто может помочь в подъёме?

— Именно! Не за бесплатно, конечно, но нас вытащат наши друзья сверху. Главное затеряться в толпе, пережить подъём и взять с собой посылку. Первые два пункта: наша ответственность. А вот последний будет на тебе.

— А смогу я, кое-кого взять с собой? Только мне его ещё надо будет отыскать здесь...

— Если принесёшь посылку, то да, бери кого хочешь. Да и время на поиски у тебя есть.

Неделю-другую нам придётся выжидать, пока не придёт сигнал сверху о том, что время пришло.

— А от кого этот сигнал должен прийти?

— От нашего хорошего друга, по имени Фалькон...

"Ты действительно уверен в том, что мы можем ей доверять?"

Нет никаких "МЫ". Я ей вполне доверяю и не вижу ни одной причины, почему бы я должен считать Сирокко прихвостнем какого-то уличного бандита.

"Этот уличный бандит смог найти себе помощника среди Гончих. Почему это не может быть Сирокко? Она что, более безгрешна, чем остальные твои люди?"

Да. Она заслуживает доверия.

"В тебе говорит слепая и глупая любовь..."

А в тебе едкая ревность.

"Или здравый смысл... Уж точно не стоило идти с ней на ужин, пока ты точно не узнаешь кто предатель. В прошлый раз, когда она тебя отвлекла, ты лишился важного свидетеля."

Не такой уж он и важный был.

"И всё же оказался прав, за что и поплатился своей головой".

Заткнись хоть ненадолго, ладно? Ты меня утомляешь, Марена! Никакого продыху с тобой!

"Я сделаю это только потому, что ты наконец снова назвал меня по имени. Делай это чаще и я, возможно, буду чаще говорить приятные тебе вещи, а не те которые считаю рациональными".

Голос в голове затих. Я ловил сладкие моменты тишины и решил провести их с максимальной пользой. Столик в ресторане "Декард" был заказан ещё вчера, так что скоротать время ожидания перед заветным ужином я решил подбирая подходящий прикид. Идти в подобное место в штатной военной униформе явно было бы глупо, поэтому мне пришлось выудить из глубин шкафа более-менее приличный деловой костюм. Он состоял из белой рубашки, вишнёвого цвета галстука, чёрных митенок, приятно сидящих на руке, широких классических брюк с вырезом под хвост, да тяжёлых высоких ботинок. Просто, но стильно. В духе деловых встреч вековой давности.

Далее предстояло выбрать подходящий парфюм. У всех псовых острое обоняние и мне хотелось пахнуть подобающе спутнице, а не "порохом и солью". Что хорошо сочетается с зефиром и финиками? Может быть мёд? Он ко всему подходит. Его можно и пить, и в сласти добавлять, и к острому, и к солёному. Нет ничего лучше мёда! Да и арктический волк вполне может пахнуть чем-то таким. Уверен, мои давние предки пили мёд литрами. Его все на северах пили и добавляли куда только можно...

— Эй, Форель! — крикнул я вглубь своей квартиры.

В проёме двери в мою комнату тут же возник протоген в фартуке горничной:

— Чего угодно, хозяин?

— Закажи мне медовый аромат для тела. Только срочно, мне уже через полчаса выходить.

— Отправляю запрос... — на визоре горничной возник значок загрузки, — Ваш аромат доставят пневмопочтой через десять минут. Вам его принести, как придёт?

— Да, было бы славно, Форель.

— Разрешите вернуться к своим обычным делам? Я как раз домывала посуду.

— Разумеется.

Робот исчез, а я думал о том, как же сильно домашние андроиды отличаются от тех, кто шагает по улицам. Никаких возгласов про электронного бога, никаких странных выходов... Только беспрекословная верность и тотальная исполнительность. Как что-то созданное специально для служения вообще может выйти из-под контроля? Насколько же никудышный хозяин должен быть, чтобы такое допустить? Учитывая, сколько этих сумасшедших роботов ходит по улицам, подобных бездарных хозяев очень уж много... Или эти твари лезут откуда-то из другого места?

Надеюсь что все эти железяки всё же не сильно связаны ни с Фальконом, ни с псевдомимезисом. Иначе мне придётся разбираться ещё и с вопросом их происхождения... А так я точно сойду с ума. Будто мало мне много возомнивших о себе бандитов и компьютерных вирусов...

"Я всё ещё здесь, чтоб ты знал. И слышу все твои мысли".

И я очень об этом сожалею. А ещё, кажется, кто-то обещал меня не тревожить. Не так ли, Марена?

"Оказывается донимать тебя, а потом давать передышку, вполне действенный метод дрессировки. Возьму на заметку".

Она вновь замолчала, подарив славный покой, который тут же нарушила Форель:

— Господин, ваш медовый аромат прибыл!

— Уже? — я взял из металлических ладоней заветный жёлтый пузырёк.

— Прошло ровно десять минут с момента прошлого разговора.

— Как незаметно порой летит время... К слову, как я выгляжу?

— Как всегда великолепно, господин.

— Льстишь ты славно, Форель. Но как думаешь, молодой и симпатичной лисе будет приятно разделить трапезу с таким франтом?

— Я думаю, что она будет без ума от вашего щеголеватого вида.

— Надеюсь, что ты права... Подготовишь авто к вылету? Мне уже совсем не терпится наконец начать свидание, а потому я выйду пораньше.

— Конечно, господин, я всё подготовлю и уже через пару минут можно будет выезжать.

— Как раз хватит времени подушиться как следует.

— Господин? — служанка хотела было уйти, как вдруг развернулась и отобразила на визоре ехидное выражение.

— Да?

— Удачи вам на свидании!

— Спасибо Форель, удача мне пригодиться...

Когда я прибыл на место, в дорогуший ресторан над облаками, из которого открывался прелестный вид на звёздное небо и осколки луны, моя торопливость внезапно окупилась. На месте я встретил Сирокко, также приехавшую несколько заранее. Видимо, она волнуется не меньше меня, а это придаёт немного уверенности. Убавляет же уверенности, внешний вид моей спутницы, что сменила свою униформу на элегантное синее платье с глубоким вырезом и золотую диадему. Я даже потерял дар речи, когда столкнулся со своей напарницей в приёмной "Декарда".

— Ты готов, Шеф?

— Да, я жду не дождусь нашего ужина.

— Это будет прекрасный вечер. И надеюсь, что он поможет тебе развеяться. В конце концов, мой долг, как подчинённой и коллеги, дать тебе возможность отдохнуть и

почувствовать себя частью общества. Куда бы ты, Мистраль, без меня выбрался?

— Думаю, что никуда. Я не особо люблю ходить по таким местам без компании. И раз уж мы оба пришли значительно раньше, быть может пойдём к столику и приступим к трапезе?

— Да, пора бы уже перейти к трапезе, а то я специально ничего не ела сегодня.

— Я тоже.

Мы пошли к стойке регистрации, за которой стоял приятного вида консьерж, похожий на фараонову собаку. Он приветливо улыбнулся нам и, открыв, пухлую регистрационную книгу, спросил:

— У вас заказан столик?

— Да, на имя "Мистраль".

Он быстро просмотрел столбец и сказал:

— Есть такой... вы заказывали комнату четырнадцать?

— Да.

— Кого бы вы хотели попробовать, пан Мистраль? У нас сегодня обширный выбор!

— Ммм... А у вас есть барашек?

— Да, у нас есть славный барашек. Его могут подать вам, как только вы займёте комнату.

— Было бы славно. А что у вас по напиткам?

— Вы хотите чего-нибудь покрепче или нет?

— Можно и покрепче.

— Могу предложить вам наш фирменный коктейль "Рик".

— Я бы попробовала. — сказала Сирокко, встрявшая в разговор.

— Тогда его. Бокалов шесть вашего "Рика" и будьте готовы обновить его. — заключил я.

Фараонов пёс кивнул и подал мне ключ от комнаты под номером 14. Мы с моей спутницей направились к лифту. Стоило только вставить карту в специальный разъём, как кабина резко дёрнулась и начала подниматься. Она открылась и выпустила нас в просторную ложу с панорамным стеклом, что была устлана бессчётным количеством мягких подушек. Здесь можно было упасть в любое место и сразу же удобно разлечься на мягком текстиле. Мы, разумеется, выбрали место поближе к окну. За ним множеством огней светились вершины небоскрёбов, возвышавшиеся над свинцовыми облаками.

Мы особо не говорили, просто наслаждались видом. Мне было приятно проводить время с Сирокко наедине. Казалось даже, что момента счастливее в моей жизни не было и скорее всего не будет. Кто знает, что произойдёт с этим чёртовым городом через пару лет? Может он обрушится под весом собственной распущенности, и все мы поплатимся за вековечный гедонизм?

Не хочу об этом думать. Ни о чём вообще не хочу думать! Только не рядом с моей возлюбленной... Только не вдыхая её сладкий и терпкий аромат... Только не наслаждаясь её простой и в то же самое время многогранной эстетикой...

Лифт, на котором мы приехали, вдруг щёлкнул, застав меня врасплох. Из него вышел волк-бугай, ведущий связанного молодого белоснежного барашка. Тот был наг и дрожал, предвкушая последующие события. Мордovorот усадил пленника рядом с нами, а сам удалился прочь.

— Не против подождать напитков, прежде чем приступить к трапезе? — спросил я у своей подруги.

— Да, можно и подождать. Есть мясо в сухомятку не хотелось бы. — сказала она.

Я решил, что стоит познакомиться с добычей поближе. Так аппетит усиливается. А потому подсел рядом с барашком и заглянул в его бездонные чёрные глазки. Он тут же поёжился и отстранился.

— Неужели тебе страшно? — спросил я.

— А вы бы сами не боялись на моём месте? — ответил он вопросом на вопрос.

— Вряд ли. Хищники мало чего боятся. Так уж природой заведено. Она справедливо расставила всё по местам, так что я никогда бы не был на твоём месте.

— А если бы сменили свой облик на травоядное животное?

— Тогда бы я пожалуй храбро принял свою судьбу. Тем более, что смерть такого рода кажется мне вполне себе достойной. Ты побывал в Аркадии, о чём вряд ли могли бы мечтать какие-нибудь другие травкоеды. Ты станешь пищей не для каких-нибудь отбросов, а для Гончих, что также почётно. Так что, выиграв в "Принудительной пурградской лотерее" ты вытащил свой счастливый билет. Единственное в чём тебе не повезло, так это в том что мы не творцы-гедонисты какие-нибудь и вряд ли ты получишь удовольствие во время трапезы. Хотя, я кажется слышал что многие травоядные испытывают удовольствие от боли.

— Разве всё это благо?

— А что же ещё? Ты не только делаешь вклад в спасение города от перенаселения, но и помогаешь насытиться тем кто ежедневно спасает жизни всех горожан.

— Какое вообще вам дело до того, что я чувствую и как воспринимаю то, что меня сейчас будут есть?

— Потому что в процессе поедания, духовность процесса важнее всего. Мы же не дикари и нам важно отношение добычи к действию. Как иначе у нас произойдёт объединение, за которым должно будет последовать насыщение? Ты, конечно, слишком молод, чтобы прочувствовать это до трапезы. Но уверяю тебя, несмотря на "смерть", ты будешь гораздо счастливее после этого ужина. Во много раз счастливее, чем когда-либо до этого.

— Правда?

— Ну разумеется, глупый барашек! Так всегда было и так всегда будет. Это естественный порядок вещей, которому нельзя сопротивляться. Мы так жили веками и будем жить ещё тысячи лет.

Зверь легонько кивнул и вытер одинокую, нечаянно покотившуюся, слезу. У меня текли слюнки уже после таких игр с добычей. Я повернулся к своей спутнице и сказал:

— Я не могу больше ждать, пора приступать!

— Тогда приступим. — кивнула она.

Мы устроились по обе стороны от жертвы. Барашек дрожал, но всё же покорно подставил свою белоснежную шею. Я издали чувствовал, как пульсируют его вены и напрягаются мышцы. Не в силах себя сдерживать, я прильнул зубами, легко прокусив кожу. Мне в рот полилась солёная живящая жидкость, а идеальная щёрстка травоядного начала заливаться красным. Он взвизгнул, но я укусил сильнее, пустив больше крови.

Увлёкшись трапезой, я даже не заметил как лифт снова щёлкнул...

Мне в висок прилетел ужасающей силы удар. Будь я чуть менее крепко сложен, мне бы разнесло черепушку. Но и сейчас меня откинула со своего места и я упал, распластавшись на подушках. Подняв глаза, я увидел неизвестного типа в уродливой маске, что целился в меня из пистолета. Маска изображала голову бесщёрстного и жутко неестественно сидела на вытянутой морде нападавшего. Хрипящий голос обратился ко мне:

— Мистраль! Я пришёл передать тебе привет от пана Фалькона.

— Каков наглец... прямо в Аркадии покушения устраивает.

— Такова плата за слишком длинный нос, который вынюхивает то, что ему знать не положено.

— Ты заплатишь за то, что нарушил спокойствие шпилей. Сурово заплатишь.

— Поздно угрожать. Мы стоим на расстоянии нескольких метров друг от друга, и я держу тебя на мушке. Одно движение пальцем и ты труп. Даю возможность сказать последнее слово.

— Я обещаю, что выкорчую с корнем всю вашу чёртову банду после этого!

Я закрыл глаза, в надежде на чудо и оно, внезапно, случилось. На громадного убийцу бросился барашек, которого тот не держал на мушке. Хлипкий зверь, взревев, удивительно ловко прыгнул на громилу и отвёл пистолет от меня. Прозвучало три выстрела, каждый из которых ушёл в молоко. Я рванул на помощь своему неожиданному спасителю.

Сокрушительным ударом по рукам, я выбил из рук нападавшего пистолет и дальше дело было за малым. Мы вдвоём: спаситель и жертва, быстро уложили убийцу на лопатки. Опасаясь того, что он очнётся и сможет продолжить борьбу, я несколько раз выстрелил ему по рукам и ногам, чтобы он не смог двигаться. Приказав барашку оборвать подушки и перевязать раны убийцы, я огляделся в поисках Сирокко. Её будто и след простыл. Вот только здесь сидела, и вдруг исчезла.

Я спросил у белошёрстного парня:

— Ты не видел, куда пошла моя спутница?

— Какая спутница? — удивлённо спросил он.

Внизу, на стойке регистрации меня ждало ещё больше сюрпризов. Фараонов пёс, который был консьержем, лишь невозмутимо жал плечами и ещё раз заявил:

— Вы пришли один, пан Мистраль. В полном одиночестве.

Я был в абсолютном замешательстве по поводу происходящего. Всё расставило на места появление Сирокко на пороге заведения, да ещё и в совершенно иной одежде, нежели ранее. Платья и след простыл, вместо него, были скромные, практически деловые, рубашка, юбка и чёрные чулки.

Марена! Это всё была одна большая шутка от вируса внутри головы. Очень жестокая шутка, за которую программа не торопилась отвечать. Она упорно молчала, точно зная, что я буду рвать и метать. Пусть только попробует впредь заговорить и я ей всё припомню...

— Мистраль, ты как? Что случилось? Ты весь в крови!

— Я пришёл немного раньше и наткнулся на наёмного убийцу.

— Убийцу? В Аркадии?

— Не будь целью покушения я сам, тоже бы не сразу поверил. Его послал за мной Фалькон.

— Какой ужас! — она начала трепетно осматривать меня на предмет ран и других повреждений.

— Я то в порядке. Чудо, что блюдо за меня заступилось...

— Блюдо?

— Барашек прыгнул на убийцу и помог мне его уложить. Без него я бы может уже лежал с простреленной головой.

— Да уж, командир, с тобой случилось сразу две невероятные истории за один вечер. Даже жалею, что позвала тебя сюда. Если бы не я, то тебе бы не пришлось связываться со

всем этим...

— Да нет, Сирокко, ты не виновата! Просто так уж безумно сложились обстоятельства. Знаешь что? Вызови ка наших парней, пусть повяжут и доставят громилу в наш штаб... и барашка отвезут ко мне домой. Я думаю, что не должен его есть, после того как он меня спас, так что пусть немного поживёт у меня, в роскоши.

— Хорошо, командир, я позвоню нашим. А вот насчёт барашка, прежде, думаю надо будет договориться с заведением. Не думаю, что они его так просто отпустят.

Я подошёл к стойке и обратился к консьержу:

— Могу ли я взять барашка, которого мне подали, домой?

— Вы же знаете, что это против правил, пан Мистраль. — невозмутимо ответил пёс.

— А то, что у вас в заведении бегают наёмные убийцы, содействует правилам?

— Я очень извиняюсь, что вас вечер расстроила недоработка нашей службы безопасности. Виновные будут наказаны. Но вот касательно жертв, я не могу вам помочь. Это в компетенции правительства и его программы по борьбе с перенаселением.

— Какая разница будет, если я не съем своё блюдо? Мир разрушится? Я уверяю, что заплачу вам за этого барана вдвойне, а то и тройне от начальной цены.

— Нам вообще-то нельзя потакать эмоциональной привязанности наших клиентов к пище...

— Позвони своему начальству. Давай-давай! Скажи, что барашка хочет купить Мистраль, командир Гончих.

Пёс поднял трубку телефонного аппарата и после короткой паузы спокойно и с расстановкой стал объяснять ситуацию. Через ещё одну небольшую задержку, он начал поддакивать неизвестному собеседнику: "Конечно панове! Да, я сообщу! Конечно. Разумеется. Вас понял! До свидания". Он поднял на меня глаза и сказал:

— Администрация разрешает вам взять жертву с собой.

— Славно. Его заберут мои люди, а мы, с моей спутницей, пожалуй пойдём.

Консьерж неоднозначно и со скепсисом посмотрел на настоящую Сирокко, но всё же удовлетворительно кивнул.

Я подошёл к своей подруге. Она как раз закончила говорить со штабом и теперь обратилась ко мне с несколько мрачным лицом:

— Видимо, наш вечерний поход совсем испорчен?

— Нет, такая чепуха не может испортить прекрасный вечер... Просто проведём его не в ресторане. Как насчёт сходить в Главный Концертный Зал? Там сегодня ставят оперную постановку Галлера "Крестовый поход детей 1969".

— Давно я не была на театральных постановках знаменитого степного волка... Что ж, это отличный план!

— Не знал, что ты увлекаешься театром.

— Есть грешок. — она немного смутилась из-за чего смутился и я, — Но я как-то не совсем подобающе одета.

— Что ты! У тебя крайне прелестный наряд! А вот мне не помешало бы отмыть кровь от рубашки... Заскочим по пути в скоростную прачечную и продолжим наш променад.

Я подозреваю, что моя дочь, Иви, ныне мертва. Всё из-за Гончих, что судили её и отправили на нижние уровни Пурграда. Или из-за того парня, Фалькона, за которым она отправилась. Или из-за врождённой упрямости. Или, получается, из-за меня...

Конечно, едва ли бы я её удержал от разборок, да и девочка она далеко не маленькая. Однако, мне кажется, что я мог бы и больше повлиять на эту ситуацию. Сделать наконец-то что-то смелое и отчаянное, чтобы защитить своего единственного ребёнка. Или, по крайней мере, постараться блюсти нормы морали и не заключать сомнительных сделок на поставки оружия с Гончими, сразу после того, как они отправили её на столь специфичную казнь.

Однако, что я могу сделать здесь, в Пурграде? В ситуации, когда при любом неповиновении, тебя легко могут заменить на любого другого зверя и забрать у тебя даже самые скромные перспективы, забываешь и о своей собственной гордости, не говоря уже о чужой...

О каком сопротивлении можно говорить в таком обществе, где ты и пискнуть против Правительства или корпораций боишься, лишь бы не вылететь со своей дрянной должности? При чём ты едва ли присоединишься и к чужой борьбе, ведь гораздо безопаснее для самого себя будет сдать шибко ретивого бунтаря, который рискнул поделиться с тобой секретом. Так, может, даже премию выплатят и ты сможешь ещё месяц наслаждаться лишней порцией белковой кашицы, имитирующей древнюю растительную пищу. Или и вовсе, можешь рассчитывать на повышение, если сдашь своего собственного начальника.

Вот все белые воротнички и бояться друг друга, не слишком доверяют чужим свои секреты и трясутся за благополучие собственной компании. Может, молодёжь, обслуга и трудяги разного рода, будут многим более смелы, чем офисный планктон вроде меня. Но разве хорошо они заканчивают свои протесты? Особенно, если учесть, что за какую-то торговлю присадками, можно схлопотать смертную казнь?

Вот и я послушно иду презентовать наше оружие, специалисту из законников, невзирая на то, что те забрали у меня дочь. Просто едва ли я что-то ещё могу сделать. Крепость Гончих, конечно, впечатляла, огромный летающий корабль, вооружённый по последнему слову техники и вмещающий в себя десятки тысяч вояк. Я даже успел потеряться в запутанных узких коридорах, прежде чем нашёл нужную каюту.

В ней меня ждала девушка-фенек крайне сурового вида. Я поприветствовал её и представился:

— Онискс, директор отдела исследований компании Пурполимер.

— Сирокко. — немногословно и холодно представилась она.

— А владелец компании или командир вашего подразделения не будут присутствовать на смотре? Они всегда раньше присутствовали...

— Владелец "Хаунд Милитари Корп" является моим отцом и он вполне уполномочил меня заниматься вооружением нашей компании. Надеюсь, что у вас есть что нам предложить. Всё же ваши конкуренты из Мара-Медикал представили пару неплохих образцов. Мы же готовы будем купить только лучшее, из предложенных вариантов.

— Да-да, разумеется у меня есть кое-что... — я поставил на стол тяжёлый ящик, в котором таскал образцы оружия.

Открыв его, я начал поочерёдно демонстрировать новейшие разработки своей фирмы:

энергетические кулеврины, компактные дробовики, взрывные пищали и прочие ноу-хау. В большинстве из них было не так уж и много отличий от предыдущих версий этого же типа оружия. Ну, разве что, тут смогли немного увеличить скорострельность, там слегка подтянули эргономику, а у дробовика даже смогли вместить в магазин на один патрон больше.

Ничего супер невероятного, в общем, как и всегда в таких ситуациях, я не приготовил. Сейчас Гончие опять купят у меня всё те же вариации оружия, обновив свой арсенал, а потом, через пару месяцев, эти "новые модели" отправятся на полки магазинов, чтобы и обычные люди могли обновить свои домашние арсеналы.

Был у меня правда экспериментальный пистолет, что складывается в руку. Но я один такой уже отдал дочери и мне как-то не очень хотелось бы, чтобы Гончие пользовались им. Представляю, что он ещё в разработке и едва ли готов к демонстрации. Пусть моя компания не заработает на нём, но это будет мой личный, маленький протест. Всё же, именно с таких малых шагов и рождается смелость. Пусть даже ничтожно маленькая капелька храбрости появится в моей душе.

А по капле, может, и выйдет целое море. Это море подточит камни в сердцах: и этой девушки, что сейчас внимательно рассматривает оружие, и её коллег, и корпоративных боссов, и правительства, и бесшёрстных, и всех прочих людей, что отравляют жизнь города. Когда это произойдёт, то мы будем жить в куда более справедливом мире, нежели сейчас. Когда это произойдёт, уже никто не будет диктовать хищникам, вроде меня, свои правила. Когда же это уже произойдёт?

Работать на Фалькона... Чёрт, после всего, что уже успело произойти хуже и не придумаешь! Жизнь иногда раздаёт крайне ироничные и циничные шутки. Особенно ввиду того, что пока Фалькон является моим единственным билетом наверх. Да и, кроме того, помогая ему, возможно я смогу подобраться к его шее гораздо ближе, чем в любом другом случае. Так что, может стать курьером для этих странных типов и не такая уж плохая затея.

По крайней мере они единственные, кто доброжелательно отнёсся ко мне внизу. Думаю, бесщёрстные здесь настолько озлоблены и подавлены, что даже смотреть на что-то зооморфное им противно и дико. Их можно понять, но мне от этого не легче. Ничуть не легче! Особенно в этом неудобном резиновом мешке с фильтром, который мои новые "друзья" назвали противогазом. Он, конечно, помогает скрывать лицо, да и характерный запах свалочного гниения в него не проникает. Но давящая на череп резина неприятно тянет и норовит содрать весь мех с лица.

Это всё равно лучше, чем умереть, встретив какого-нибудь безумца, который хотел бы полакомиться мясом зверя. Безумца... Ха! Мне начало казаться, что в этом городе все сумасшедшие. А если уж все безумны, то, по сути, никто и не безумен. Понятия о норме, кажется, сдвинулись у всех столь сильно, что становится тошно от того, что я живу в таком обществе. Неужели я одна имею представления о морали и гуманизме? Тогда, пожалуй, я самая ненормальная в этом городе.

Знать бы ещё причину, по которой я так сжилась с нравственностью. Кажется, что-то такое во мне было заложено изначально, как ошибка в генетическом коде. А может и не ошибка вовсе, а просто проснувшаяся память о человечности, что дремала где-то в генах. Да, в этом городе всё крутится вокруг клеточных молекул. Чёрт бы побрал того, кто когда-то дал нам возможность изменять их и подстраивать под свои интересы! За этой свободой пришёл апокалипсис. Просто, кроме меня, никто не заметил его наступления.

Это что-то вроде концентрированного эгоцентризма, свойственного всем гоминидам. Позволив нам менять самих себя, "Мимесис" возвёл в абсолют нашу заикленность на самих себе. Мы полностью заперлись в технологическом коконе и забыли про весь окружающий мир. А дальше случились все те, известные каждому вещи: глобальное потепление, индустриальный геноцид природы, затопление побережий и целых стран... Хрестоматийные примеры нашего наплевательского отношения к "Колыбели цивилизации". Хотя мы и к другим планетам относимся подобным образом. Те, кто улетел на колонизированный Марс, и его смогли превратить в мусорную пустыню.

Я думала об этом, пока шагала по кучам отходов из верхнего города. Потом я ещё мыслила о том, что в других городах всё может быть совсем по-другому. Просто нам, в Пурграде, настолько плевать на всех кроме себя, что никто даже и не поинтересовался о том, есть там кто-то или нет. Я думаю, что даже если бы снаружи была не пустошь, а цветущие поля Фолькванга, никто бы в этом городе и не подумал бы вылезти из этого чёртового кокона. Что уж там говорить про ситуацию, когда все остальные хоминиды вымерли... Всем здесь было бы только лучше.

Вот бы и правда была возможность сбежать. Сбежать и выжить. Это было бы просто замечательно! Я бы взяла с собой отца и своего сердечного друга. Последнему, к слову, стоит всё-таки придумать имя. Как найду его, так обязательно обсужу то, какое имя он хотел бы

носить. Если мы сбежим, то уже не надо будет следовать этим идиотским правилам, которые запрещают именовать бесщёрстных. Эта мысль тоже заняла меня на довольно долгое время. Когда идёшь куда-то, думается лучше. А идти мне ещё предстояло крайне долго...

Путь мой лежал через бесчисленные мусорные долины между небоскрёбами. К самому краю города. Там располагалась высокая и толстая стена, которая опоясывала Пурград по половине границы. Другая половина, естественно, очерчивалась океаном, который даже успел частично затопить Старый город. Стена, если верить доступной мне информации, защищала горожан от опасностей пустошей. Правительством строго-настроено запрещалось выходить за её пределы. И входить внутрь тоже. Конечно, не стоит ожидать прихода каких-нибудь колоссальных чудищ из бесплодной пустыни, однако ещё в школе нам рассказывали, что у автоматических систем защиты города есть приказ стрелять по любым приближающимся целям.

Тем страннее мне кажется то, что мне предстояло забрать посылку у некоего существа из Картеля, которое, как мне объяснили, прибыло из-за пределов города. Неужели системы защиты можно обойти? Кроме того, неужели действительно можно выжить, покинув Пурград? Мне стоит спросить у этого существа при встрече. Может мой план побега не столь уж и глуп. Думаю, что достать необходимое снаряжение у меня выйдет. Особенно, когда я доберусь до Фалькона.

Этот парень совсем не так прост, коим кажется на первый взгляд. И денег у него, наверное, куры не клюют, раз он может себе позволить заказать доставку из пустошей. Ну ничего, скоро я оборву его путь, и никто больше не пострадает. Если, конечно, Гончие не сделают это первыми. Тогда я, может, даже немного зауважаю правительство, что сохраняет у нас статус-кво и может его блюсти.

Согласно моему нейрокому, в городе наступала ночь. Из-за облаков посмотреть на небо было нельзя, да и огни города светили круглосуточно, так что все подчинялись графику, составляемому алгоритмом мозгового чипа. Я разложила выданную мне палатку в укромном месте, воткнув пневмоколышки в остатки какого-то крупного контейнера. Сев рядом с не слишком презентабельным убежищем, я достала из сумки банку слегка подтухших и вздувшихся консерв. На вкус они были столь отвратительны, что я не смогла заставить себя съесть больше двух ложек. И то только потому, что первую я не распробовала. Пришлось отложить ужин до тех пор, пока голод не перевесит брезгливость.

Не раздеваясь, я легла внутрь своего переносного жилища, подложив руку под голову. Несмотря на крайне стеснённые условия, выключилась я довольно быстро. События ближайшего дня слишком вымотали меня...

Ночь проходила тихо. А вот проснулась я не там, где ожидала.

Открыв глаза, я обнаружила себя в маленькой и уютной хижине, освещаемой огнём разведённым в камине. Я лежала на мягкой кушетке, а передо мной, за металлическим столом, сидела девушка. Бесщёрстная, облачённая в чёрный мешковатый комбинезон. Рядом с ней, на столе, лежала маска в виде птичьей головы. Сама незнакомка что-то уверенно смешивала в пробирках, смотрела цветастое содержимое на свету и затем напряжённо что-то записывала в толстый блокнот.

Заметив, что я уже не сплю, она повернулась ко мне и, слегка улыбнувшись, произнесла:

— Не хочешь поесть? Я оставила тебе рис с мясом на тумбе. — она указала на небольшой шкафчик рядом с кроватью, на котором стояла тарелка, источавшая крайне

аппетитный аромат.

Я приподнялась на кровати, чтобы рассмотреть содержимое и действительно обнаружила белоснежный рис, политый подливкой с мясом. Не говоря ни слова странной девушке, я тут же набросилась на это лакомство. После протухших консерв, мне уже начало казаться что я никогда не поем чего-то столь же... нормального. Меня не интересовало ни где она достала эти ингредиенты, ни зачем она меня кормила. Во мне проснулся зверь и смёл всё, что можно было смести с тарелки. Когда я закончила трапезу, бесшёрстная удовлетворённо кивнула и сказала:

— Пусть этот обед будет моим извинением за то, что пришлось тебя сюда перетаскать. Мне действительно жаль, что пришлось напасть на тебя во сне и без сознания доставить на эту мою оперативную базу. Но я уже стала бояться что и не встречу тут кого-то вроде тебя... Оказалось, что все подвергшиеся воздействию "Мимесиса" живут выше, куда своими силами не добраться.

— А вы... — я даже не знала, как реагировать на такую ситуацию, — Вы не отсюда, да? Не из Пурграда?

— Определённо не отсюда.

— Значит, что вы прибыли из пустошей?

— Ты имеешь в виду пустыню за пределами города? Нет. Можно сказать, что я и не с этой планеты.

— Значит, вы прилетели из колоний?

— Нет, точно нет. Всё... сложно. Я вряд ли смогу объяснить тебе откуда пришла и куда собираюсь. По крайней мере, покуда вы ещё не открыли способ перемещения, которым пользуюсь я. Просто сойдёмся на том, что я совсем не из этих мест?

— Хорошо. Но что вы здесь делаете?

— Исследую последствия действия сущности, что здесь известна как ЭГМ. Мне нужно было взять образцы твоей ткани, чтобы убедиться в её присутствии.

— Я в последнее время подозрительно часто слышу об этом чёртовом ЭГМ...

— Надо же, значит нашу встречу устроила сама судьба.

— Наверное... Расскажите, что удалось узнать про "это"?

— Пока не слишком много. В прочих инкарнациях, ЭГМ принимал совсем другие формы, никак не связанные с машинами. Так что мне нужно ещё много времени, чтобы разобраться с этой инкарнацией и понять что к чему. Но данные, которые я получила от тебя, могут гарантировать, что я здесь найду то, что мне нужно.

— Ну что же, тогда я благодарю вас за ужин и собираюсь прочь. Мне ещё предстоит многое сделать, да и отвлекать вас от исследований не хочется.

— Ты меня совсем не отвлекаешь. Но если хочешь уйти, прошу, я не буду держать. Если узнаешь что-нибудь про этих странных звероподобных андроидов или ЭГМ, заглядывай ко мне в хижину. Ну, если время будет, мне так-то любые данные нужны и я готова за них платить. Тем более, что теперь я здесь останусь надолго, пока не выясню всё про ЭГМ. Ну и поболтать лишний раз я буду не против.

— А как же мне тебя найти?

— Я дам тебе специальный прибор. Он укажет на моё местоположение... — она выудила из-под стола маленький увесистый прибор с горящим экранчиком, стрелка на котором указывала ровно на странную бесшёрстную, куда бы его не двигали, — Если эта штука вдруг погаснет, то не переживай. Это всего лишь будет значить, что я умерла или ушла

из вашего мира.

— Как-то слишком просто ты говоришь о смерти...

— Всего лишь знаю, о чём говорю. К слову, как мне тебя звать, мой маленький енотик?

— Иви.

— А меня можешь звать Элл.

— Ну вот и познакомились. А теперь, я всё же пойду. Может и правда загляну к вам, если что-то новое узнаю об ЭГМ. Тем паче, мне слишком уж везёт на новые сведения об этой штуке.

— До скорой встречи, дорогуша. — сказала девушка, вновь тепло улыбнулась и как ни в чём не бывало вернулась к работе.

Я вышла из хижины, прихватив свою сумку, заботливо оставленную у входа. На крыльце домика, я обнаружила, что находилась не так уж и далеко от места, где ложилась спать. Отсюда была видна моя всё ещё стоявшая палатка. Даже странно, что я не заметила этот домик. Тем более, что он выглядит крайне инородно на фоне мусорных куч и как-то даже немного... ухоженно. Нет-нет-нет! Хватит с меня загадок! Их и без того много свалилось на мои плечи.

Будет случай, я конечно загляну к странной бесшёрстной, но делать что-то специально для неё? Нет. У меня и так немало проблем. И уж надеюсь, что ЭГМ в них больше фигурировать не будет. Мне бы очень и очень хотелось в это верить...

Мой путь лежал дальше и дальше, между фундаментами небоскрёбов, через бесконечные мусорные поля. Я проходила и другие поселения бесшёрстных, подобные тому городку в котором меня чуть не принесли в жертву. Некоторые были точной копией и состояли целиком и полностью из унылых хибар, в которых копошились сотни аборигенов. Иные же представляли собой деревни, расположенные вокруг огромных дыр в земле. В эти дыры бесшёрстные то и дело спускались, доставая оттуда какие-то камни. Эта "руда" потом шла вверх, на огромном лифте Плавильни. А взамен вниз спускались кое-какие съестные припасы и добротная одежда.

Так что местные шахтёры жили даже лучше, чем "горожане" мусорных муравейников. Тем не менее, они всё равно не вызывали моего доверия и я старалась обходить и их стоянки тоже. В итоге спустя три дня в пути, я наконец добралась до стены. Она выглядела как обычная бетонная стена, просто очень толстая и высокая, да оплетённая лианами-проводами. Мне было наказано найти сигнальный маяк, у которого меня и должен был ждать гость. Я пошла вдоль стены, в сторону океана и под конец дня, в который я достигла стены, окончательная цель моего путешествия возникла у меня перед глазами.

Это была небольшая стальная вышка, у основания которой крепился блок с какими-то приборами, а на вершине сияла маленькая красная лампочка. Под этой конструкцией меня ждал незнакомец в длинном плаще. Я сначала даже не поняла что за вид такой передо мной. Оказалось, что курьер был лисом. "Vulpes Vulpes" — не самый частый гость в Пурграде. Я, за всю свою сознательную жизнь так и не встретила ни одного. Может... их и не водилось вовсе в нашем большом городе?

Сверкнув своими зелёными глазами и махнув хвостом, чужеземный гость помахал мне:

— Ты, на сколько я понимаю, тот самый курьер?

— Верно, пришла забрать посылку.

— Что ж, тогда придётся подождать, разменный товар ещё не прибыл сюда.

— "Разменный товар"?

— Я не просто так тащил сюда этот блокатор ЭКЮ-поля. Я рассчитываю получить за него свою книгу. А её доставит другой человек.

— Что ж, тогда давай подождём.

— Присаживайся у костра, поболтаем. — он указал на небольшой костерок, разведённый неподалёку от сигнального маяка.

Мы сели по обе стороны от костровища. Лис достал флягу, отпил из неё и передал мне. Я не стала отказываться от предложения и слегка отпила горькой и жгучей жидкости, а затем передала сосуд обратно. Незнакомец сказал:

— Вижу по глазам, что ты хочешь послушать о том что находится за пределами города. Это нормально для жителей автономных мегаполисов. Тут уж одно из двух, либо вас специально держат в неведении, либо вы просто никогда и не задумывались, что жизнь всё ещё может существовать где-то на земле.

— Я задумывалась об этом.

— Что ж, тогда, видимо, ты плутаешь лишь в смутных догадках, как там всё устроено, у нас, снаружи... Я к слову не представился. Зови меня Библиотекарем. Я собираю книги для своего архива. Пытаюсь сохранить крупицы прошлого настолько, насколько это возможно.

— А я Иви, ищу своего друга. Очень хорошего друга.

— Вот и познакомились. А теперь, моя дорогая Иви, можешь задавать вопросы. Сколько хочешь задавай, но только до тех пор, пока нас не настигнет другой курьер. Мне всё равно нечего особо делать, так что могу и утолить твоё любопытство. Знания ведь нужны для того, чтобы ими делиться, верно?

— Почему ты вообще решил, что я изнемогаю от желания задавать вопросы?

— Я уже сказал, что это было видно по тебе. Кроме того это тоже был вопрос. — лис скептически поднял правую бровь.

— Ладно, но я не столь уж много хочу знать. Мне больше всего интересно то, откуда ты прибыл.

— Из-за океана и это, скажу тебе, был нелёгкий путь. Но книга, которую мне обещал предоставить мой Наниматель того стоит. Она станет прекрасной частью моей коллекции.

— И как за океаном жизнь?

— Где-то чертовски холодно, прямо ледяной ад. Где-то такая же индустриальная пустошь, как здесь. Пара мегаполисов-муравейников, ничего особенно удивительного. Пустыня на пустыне и пустыней погоняет. Всё как везде. Кое-где даже дикие мутанты бегают.

— И что там все тоже звери?

— Ну да. Исходя из книг, древняя бомбардировка "Мимесисом" всех задела. Это у вас тут, можно сказать, заповедник довоенных людей.

— Довоенных? Была какая-то война?

— Ты, видать, вообще ничего об истории не знаешь? У вас то, конечно, войны не было. Вы просто всю окружающую природу убили, своими руками. А вот у нас, в той части света, что когда-то звалась "Азией", было несколько войн с применением ядерного оружия. Там и поныне кое-где держится ядерная зима. А уж если совместить ядерную зиму с биологическим оружием и распылением "Мимесиса"... В общем, жизнь на нашем континенте нынче не сахар и даже не соль. Но многие умудрились выжить. И даже вполне неплохо устроиться. Каких только людей за свои странствия я не встречал...

— То есть, там можно жить? Значит, что я могу выбраться из этого города.

— Если очень сильно постараться, то вполне. Мне пришлось постараться, чтобы проникнуть за стену. Нужно было пройти по низине, под радарными турелями городского периметра.

— А мог бы ты вывезти меня и ещё двух человек?

— Вполне, мне это ничего не стоит. Разве что с условием, что вы успеете сесть на борт до того, как я соберусь возвращаться домой.

— И сколько у меня времени?

— Неделя, не больше. После того как я получу свою книгу, я буду ждать ещё одного транша, уже иного рода, от моего Нанимателя. После того как я его получу, я двину обратно, далеко за океан. И раз уж ты хочешь составить мне компанию в этом путешествии, почему бы тебе не послушать историю о том, как мы там живём?

Снаружи завывали ледяные ветра, стенали мутанты и недоброй дробью колотил крупный град. Внутри небольшого подземного убежища, обустроенного под паб, было сухо и тепло. Местный хозяин услужливо бродил между длинных столов и обслуживал немногочисленных клиентов, порой поглядывая на настенные часы.

Тихая и спокойная атмосфера питейного заведения, в котором, сидело с десяток человек, не должна обмануть: это одно из самых известных мест в Паназиятских Ледяных Пустошах. По крайней мере, в этой их части.

И дело было вовсе не в еде и выпивке, что, буду честен, были абсолютно неудобоваримы, даже по меркам самых стеснённых условий. Уж лучше вкушать суп из свалочных сороконожек, чем есть местные «премиумные стейки»!

Нет, в этом, с виду, захолустном месте, скрывалось настоящее сокровище. И радушный хозяин давал к нему доступ любому, кто того желал, но только в порядке очереди. Сколько историй ходило об этой вещи! И ни одна из них, скорее всего, не была правдивой. Слишком уж противоречивы они были.

Известно было только то, что сей артефакт представлял собой книгу. Книгу, в которой скрыт некий секрет. Возможно, тайна произошедшего с миром. Может быть, даже описывался способ, как всё исправить. Ну, по крайней мере, мне хотелось бы так думать. Ибо я сам, приехал сюда, именно для того, чтобы выведать всё, что смогу об этом манускрипте.

Дело в том, что я — библиотекарь. Не тот, что в былые времена властвовал над книжными архивами. Я скорее пытаюсь эти самые хранилища макулатуры восстановить. Ибо верю, что знания древних людей (особенно тех, кто застал Катаклизм и бомбардировку "Мимесисом") помогают выжить лучше, чем любой опыт, полученный в битвах с тварями поверхности и суровой погодой.

В конце концов, древние всё давно проверили, изучили и систематизировали. В то время как вылазка за жизненным опытом, скорее всего, станет последней, по итогу не оставив ни опыта, ни жизни!

Некоторые мордовороты, что существуют во враждебном мире лишь благодаря удачным генам, могли бы сказать: «Древние поголовно вымерли во время Катаклизма! Скорее всего, они сами же его и устроили! И им не помогли все их знания и книги...»

Разумеется, люди жившие три сотни лет назад были многим глупее, живущих ныне и учащихся на самой большой ошибке в истории человечества. Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что древние не пользовались полезными знаниями, которые накопили. Может, просто не успели воспользоваться...

А вот я, за все эти годы, нашёл столько удивительных книг их авторства! Самыми же ценными экземплярами, в моей коллекции, которые, кажется, были написаны как инструкции к выживанию в современных реалиях, являлись следующие фолианты: «Сквозь снег», «Колыбель для кошки» и «Превращение». И, даже несмотря на пользу всех этих книг, а также тот факт, что все они были с картинками (а значит, по ним могли учиться даже аборигены с Отстойника), книга, что таилась в тайной комнате у флегматичного старика, должна была затмить их все!

Странно, что этого безобидного деда так до сих пор и не ограбили. Хотя, учитывая что

все, кто видел книгу, поголовно добровольно зарекаются никогда не говорить о том, что видели... Ну, вряд ли в этой книге содержится что-то хотя бы немного приятное, чтобы держать её при себе. А вот взглянуть на скрытый в ней ужас одним глазком — целый кабак авантюристов!

Я вот прошёл многие сотни километров, чтобы наконец добраться сюда. И все остальные присутствующие, скорее всего, тоже. И вот мы на пороге открытия великой тайны. Ну, я в большей степени, чем все остальные, ибо в порядке очереди иду сразу за тем человеком, что в данный момент знакомится с книгой.

Сомневаюсь, что кто-то из них может стать мне конкурентом в плане познания истины. Скорее всего, из здешних, я самый начитанный и, соответственно, имеющий больше всего шансов понять таинственный текст и не впасть в безумие.

Впрочем, пока я всё же принял решение познакомиться с прочими посетителями паба. Раз уж всё равно ждать ещё целую вечность!

Первым, к кому я подсел, был приятного вида антропоморфный хорёк в элегантном, но изрядно испачканном чёрном костюме с красным кругом на груди. Он начал разговор даже прежде, чем я успел что-либо сказать:

— Вы, верно, решили узнать, что я думаю о «Хутсунее»? — его голос был бархатным и крайне приятным.

— «Хутсунее»?

— Так называется книга, ради которой мы все собрались в этом злачном месте, вдалеке от взора господ.

— Я даже и не знал, как она называется! А вам, панове, откуда это известно?

— Мне рассказал один миссионер, который бывал в местных краях. Он, вообще, многое рассказал о местном помешательстве на этой книге и мифах, витающих вокруг неё. От него же в Братстве узнали, что этот фолиант повествует про путь и некие поиски. Мы коллективно решили что в ней описан поиск рая земного. Ну, а меня послали в качестве эксперта.

— Ради религии, значит, пришли. Во что же вы верите?

— В Бога красного круга. Говорят, что этот бог освещал землю три сотни лет назад. Ныне же его не видно на небе, ибо увидел он, что творят люди и скрылся за белым саваном, чтобы более не наблюдать нашего позора.

— Не в этом ли причина царящего на улице хлада?

— Может и в этом. Может, всё, что с нами происходит — одно большое наказание. А может и нет. Бог с нами не общается и не говорит о своих мотивах.

— Так, зачем же вы ему молитесь?

— Хотим попытаться убедить простить нас и вернуться. Возможно, в манускрипте скрыт секрет места, в котором Красный круг всё ещё озаряет послушников. В котором тепло, цветёт зелень и все счастливы. Это и есть наш рай. А ты не хочешь обрести царство небесное?

— Нет, я не думаю, что вообще хочу что-либо обрести.

— Что же, твоё право. Кстати, раз уж ты решил всех расспросить, дам совет. Подойди со своими вопросами к воркующей парочке, что за соседним столом. Я думаю, они приятные, целомудренные люди и смогут достаточно рассказать о «Хутсунее».

Я последовал совету и сделал пару шагов к соседнему столу, бесцеремонно грохнувшись прямо перед голубками. Они действительно походили на птиц, с голубым оперением и,

опять же, словно птицы, прижались друг к дружке так плотно, словно были одним целым. Я сразу выразил своё подозрение:

— Вы случаем не сиаемские близнецы?

— Это такой глупый подкат? — спросила одна из птичек, женским голоском.

— Нет. Мне действительно интересно, а то порознь я не видел вас с той поры, как вы вошли.

— Очень жаль, — произнесла пташка, — мне бы хотелось, чтобы это был подкат. Быть может, в вас, господин хороший, я бы нашла свою настоящую любовь.

— А вы разве не...

— МЫ. НЕ. ПАРА. — сурово, как отрезал, произнёс второй пернатый.

Секунду спустя, он вдруг смягчился и сказал, уже крайне дружелюбно:

— Извините, мне просто слишком часто приходится объяснять это. Мы, с моей спутницей, просто два одиночества в поисках вечной любви, что зареклись помочь друг другу найти избранников. Правда, за долгие десятилетия странствий, так пока и не нашли ни единого следа этой самой любви.

— И все десять лет, вы вот так, прижавшись друг к дружке путешествуете?

— Так просто спокойнее. — ответила девушка, — Мы едим вместе, живём вместе, ходим на вылазки вместе. В общем, ныне уже никуда друг без друга.

— Это... вполне походит на любовь. — заметил я.

— Однако, это не она! — практически в один голос возразили они.

— Мы слышали, что в книге описана настоящая любовь. Единственная любовь, которая существовала, существует и будет существовать! Любовь вечная и неделимая! Любовь! Любовь! Любовь! — скандировала своим тоненьким голоском девушка.

— И мы надеемся, что сможем одновременно узнать её тайну и узнать, где же нам найти свою. — добавил парень.

— Ну... могу только пожелать вам удачи! И, если не возражаете, я пойду поговорю с иными гостями.

— Нет конечно, не возражаем, идите! — прощбетала пташка и прижалась к своему спутнику ещё сильнее.

Далее я направился к другому столу, за которым сидел сгорбленный, носатый и бородатый старик, по виду напомилавший скорее древних, нежели нынешних людей. Тем не менее мутации и его не обошли стороной, так что, когда я приблизился, то получил улыбку аж в два ряда кривых зубьев:

— Садись, внучек, за мой стол.

— Нет, благодарю, я всё же постою.

— А к предыдущим гостям ты садился. — как-то обиженно произнёс дед.

— А ныне не очень хочу, уж не обижайся.

— Что? Небось думаешь, что я чумной? Али древний? Если бы! Не застал я тех славных времён. Через двести лет, после катаклизма родился. Да видно, не зря мои предки все эти два века в подземельях просидели. Выродились все давно, да хоть человеческий вид сохранили. Ну ты это, косатик, не обижайся! Я ж вашу, мутантскую, породу тоже уважаю.

— Только вот по речи неслышно этого.

— А вот по делам видно. Думаешь, я чего за книгой пришёл? Говорят, что она о вечном детстве, а оно, в свою очередь, как-то связано с вашей братией. Главный герой точно из ваших, из мутантов. Думаю, как узнаю, в чём секрет этого вечного детства, так там не жалко

и мутантом стать.

— Ты говорил, что родился двести лет спустя... Катаклизм случился три сотни лет назад... Получается, что тебе уж с век? Не поздно ли за молодость схватился?

— Может и поздно. Так раньше не мог: всё в серых стенах сидел, за гермозатвором, да дни считал. А как родственники мои все выродились, так и вышел, от нечего делать, наружу. Кажется, год назад...

Далее он стал самозабвенно рассказывать о своей жизни. Да так увлёкся своим рассказом, что даже и не заметил, как я ретировался прочь. Мне нет мочи слушать бредни человека, девяносто лет сидевшего в мрачном бункере и медленно выходившего из ума.

Мой путь лежал к странному, мрачному пареньку-волку, сидевшему в удалении от всех прочих гостей. Мне даже думалось, что он не захочет со мной говорить, столь враждебным и нелюдимым он казался. Однако, вопреки моим ожиданиям, человек он оказался крайне приятный и общительный:

— Я, вы знаете, художник! — горделиво заявил он, видимо приметив во мне коллегу по искусству.

— Да что вы! И что же рисуете?

— Разное... Чаще всего граффити на заброшенных зданиях. Иногда прихожу в поселения и зарабатываю, рисуя оседлым поселенцам портреты, топографические карты, идеологические символы и даже, порой, кое-чего для взрослых. Платят не так чтобы и много, но на жизнь хватает. И есть время заниматься трудом по сохранению собственного ЭГО в веках.

— Получается сохранять?

— Да если бы! Здания рушатся, краска трескается и стирается... селяне не слишком дорожат художествами.

— Ну, сохранить себя — самое сложное дело на свете. Особенно после Катаклизма. Мне кажется, что только сейчас люди по-настоящему поняли, что всё не вечно. Хотя, я вот тоже делаю всё возможное, чтобы сохранить искусство. Я библиотекарь, своего рода.

— Книги сохраняете? — парень ещё больше оживился и даже замахал хвостом, — У вас, наверное и хранилище есть?

— Предлагаешь взять твои работы? Что ж, почему бы и нет.

Волчок начал рыться в своей небольшой сумке и уже вскоре выудил из неё потрепанный блокнот, в кожаном переплёте:

— Вот, держите! Здесь всё моё наследие. Ну... То, что мне бы хотелось сохранить.

Я взял переданный предмет и положил в нагрудный карман. Неожиданно для себя, в момент ожидания, я успел сделать доброе дело и ощущал себя крайне приятно на этом фоне.

Вспомнив, что я так ничего и не спросил о том, зачем парень пришёл в этот кабак, решил сразу же исправить это недоразумение:

— А зачем ты пришёл посмотреть на эту «Хутсуню»?

— Прежде всего, потому, что книга эта должна быть яркой и красивой. А кроме того, как говорят, в ней содержится сюжет, что древние люди знали с самого детства и всю жизнь ходили с ним в голове. Ты, кстати, никогда не думал, сколь странными они были?

— В каком плане?

— Ну... выглядели все как на подбор. Никакой разницы у них не было, ни физически, ни в одежде, ни в речи, ни в манерах. Все они, словно роботы были — едины и унифицированы. И сколь уродлив был этот единый облик! Вон, глянь на деда, — волк указал

на всё ещё не затыкающегося старика, — я слышал, что все раньше выглядели в точности, как он.

— Может, поэтому и были несчастливы? Я, кажется, читал книги, в которых говорилось, почему так вышло.

— И что же это были за книги?

— Разные, кажется, в прошлые века, они именовались «антиутопиями». Не знаю, что тебе скажут названия, но я всё же тебе перечислю их. Глядишь, найдёшь какую из них среди мусора, да прочитаешь, вместо того чтобы сразу на растопку кидать.

Парень достал чистый блокнот, карандаш и принялся скрупулёзно записывать моё перечисление:

— «Когда спящий проснётся», «Завтрак для чемпионов», «О дивный новый мир», «Хищные вещи века», «Котлован», «Час быка»... ну и хватит. Древние люди ещё кучу жутких книжек написали. А потом из-за этих же книг, судя по тому, что в них же рассказывается, друг друга поубивали. Некоторые книги были столь антиутопичны и, в то же время, правдивы, что даже в те давние времена были под запретом.

— Может и «Хутсунея» из этих «запрещённых»?

— Может и так. У нас с тобой ещё будет шанс это выяснить. Всё же, моя очередь скоро подойдёт.

— Слушай, если ты туда попадёшь и там будет что-то столь страшное или неприятное, что мне лучше будет не портить свою тонкую психику, то ты уж предупреди меня об этом, ладно?

— По рукам!

Мы обменялись ещё парой историй и я, наконец, распрощался с новым знакомым и отправился к следующему посетителю. Им оказался грузный человек, одетый в какую-то дрянную, грязную и ветхую броню. На его лице громоздился огромный противогаз, ввиду чего рассмотреть какие-либо черты лица было невозможно.

Я подошёл и громко поздоровался, однако незнакомец лишь повернул голову в мою сторону. Он тяжело дышал в этой своей маске и, кажется, вовсе не горел желанием говорить. Или просто был нем. В любом случае, с таким плодотворного диалога не выйдет, так что я побрёл дальше.

Остались лишь последние два человека, не считая меня и хозяина паба, что присутствовали в заведении и, с которыми, я так ещё и не поговорил. Это были две девушки, оживлённо перекидывающиеся в карты. Я уже хотел подойти и присоединиться к игре, как вдруг меня окликнул владелец:

— Эй, библиотекарь! Иди сюда, твоя очередь подошла!

Выбор даже не стоял передо мной, так что я в быстром темпе подобрался к старику-трактирщику. Он дружески похлопал меня по плечу и взгромоздив свою огромную ручищу мне на шею повёл вглубь заведения. Мы проходили сложную сеть коридоров, что уходила всё дальше вглубь земли.

Пока мы шли, я решил, вдруг, спросить у него про книгу:

— Скажите, а вы читали этот загадочный текст?

— Я? Боже упаси! Конечно нет, мне и не интересно совсем, что там написано. Я то так просто деньги зарабатываю на этой достопримечательности. Да особо бойких гостей контролирую. Сам бы я ни за что не стал бы читать подобное. Сколько бак жутких ходит! Уж тут то они громче всего и слышны.

— А как же вы так организовались, если даже не читали эту книжку?

— Это всё дед мой, он первый придумал поставить здесь заведение и проводить желающих к книге. Уж не знаю, что вы все в ней находите... И почему, до сих пор, её никто не прикарманил... Кажется, порой, что эта адская штука сама себя защищает.

— Правда?

— Ну да. Есть в ней что-то мистическое... наверное... я сам не знаю! Да и не хочу знать!

На этом наш диалог закончился. И мы, наконец, достигли заветной цели. Ветхая деревянная дверь была отворена хозяйским ключом, а я бесцеремонно зачихнул внутрь.

Как оказалось, я попал в обычную древнюю квартиру, коих полно среди руин. Здесь отлично сохранились атрибуты прошлой жизни: целая мебель, почти не пострадавшие обои, слегка запылённый ламинат и общая атмосфера спокойствия. Поскольку, как мне думалось, этот многоквартирный дом оказался завален снегом, сразу после Катаклизма, всё внутри столь отлично и сохранилось. Даже электричество работало! Видимо, от генератора трактира.

Сделав несколько шагов по квартирке и охватив взглядом самую большую её комнату, я узрел искомое. Крошечный скелет сжимал в руках маленькую цветастую книжку. На её обложке было выведено «Хутсунея». Аккуратно вынув книжку из хватки трупа, я с вожделением открыл её и начал читать...

-

«Давным-давно, в тёмном лесу, жил маленький лисёнок. Его звали Рейнар. Он был хитёр и храбр. Лисёнок ловко выходил из любой ситуации, в которую попадал. Обычно по своей вине. Уж больно храбростью своей любил похвастать.

Так, однажды, он собрал всех своих друзей-зверят на поляне. Волчонка, Хорька, Сестрёнку Пташку, Братика Пташку и Неразговорчивого Барсука. Ну и начал перед ними хвастаться, мол, сможет уйти в самую чащу и найти там настоящее счастье.

Все зверята знали, что счастье находится под охраной старого, злого колдуна, который ни с кем не хотел им делиться. Поэтому друзья Рейнара стали его отговаривать и всячески пытаться удержать от походов в лес. Но разве храбрый и хитрый лис будет их слушать?

Он пообещал, что найдёт счастье и принесёт его своим друзьям, чего бы ему это не стоило. И Рейнар, налегке, сразу же двинулся в путь.

Чаща была тёмной и зловещей, но лисёнок смело шёл навстречу судьбе. И набрёл на сахарный домик. Стены его были сделаны из пряников, крыша из безе, ставни из печенья, а забор из леденцов. Рейнар был умён и сразу понял, что это логово колдуна, в котором тот прячет счастье.

Не слишком церемонясь, лис пробрался в дом, пользуясь своей ловкостью. В доме он, внезапно для себя, обнаружил не злого и жадного колдуна, а уставшего и печального старика. Поняв, что дед не представляет для него никакой опасности, Рейнар спросил того:

— Что ты, дедушка, сидишь тут один, да грустишь?

— Вот уж много лет охраняю «Хутсунею».

— А что это такое?

— Раньше я думал, что это метафора вечного счастья. А потом узнал, что с одного древнего языка это переводится, как «пустота». И, получается так, что я много лет охранял пустоту.

— Пустота это не так плохо! У кого-то вот нет пустоты. А то, чем её заполнить, есть, да

не влезает никуда. Мало ли владеть пустотой?

— Не мало, да только грустно мне не от того, чем владею.

— А от чего же тогда?

— От того, что я не понимал, что есть то самое счастье. Это, оказывается, не предмет и не цель. Оно процесс и действие, а не решение и товар. Оно есть истинная любовь. Любовь к самому себе и тому, какой ты есть. Любовь к миру. Любовь к друзьям. Другой и не нужно.

— Кажется, я понял. Мне нужно любить то, что я ловкий и самонадеянный. Мне нужно любить своих друзей. Любить лес. И тогда я обрету вечное счастье. Спасибо, что рассказали мне об этом. Пойду и поделюсь со своими...»

-

Далее текст обрывался растёкшимися цветными каракулями прямо на страницах. Единственным читаемым фрагментом осталась надпись, явно сделанная вручную, крайне корявыми буквами и не слишком грамотная, которая гласила:

«Вчера на улице взорвалось солнце. Было ярко и жарко но я не подошел к окну. Я слышал отуда страшные крики. Было одиноко. Мама не пришла с работы. Папа не пришёл с работы. Бабушка не приехала хотя обещала.

Не знаю что буду делать. Телефон не работает. Интернет не работает. Телевизор не работает. Одиноко и страшно.

Боюсь остаться один. Боюсь что никто не придет. Хочу быть смелым как Рейнар.

Бабушка говорила что умирать не страшно. Что ангел спустится с неба и закроет твои глаза и ты надолго уснешь. Скорее бы он прилетел и я уснул.

Серёжа»

Утерев невольно покотившиеся слёзы, я бросил взгляд на свернувшийся в позе эмбриона детский скелет. После, я всунул книгу обратно, на её законное место, в объятиях истлевших рук. И, оставив всё, как было, побрёл прочь... Пусть парень спит спокойно...

— Это что сейчас, была притча? — спросила я у лиса, когда тот наконец закончил историю.

— Не думаю, что это так можно назвать. Это просто история из жизни. Как и все подобные истории, не имеющая начала и конца. Да и смысла в ней глубокого нет. Как нет его ни в чём на этой планете, понимаешь?

— Если честно, то вообще не понимаю. Почему ты рассказал мне именно эту историю про мёртвого мальчика и загадочную книгу?

— Потому что мне кажется, что ты тоже ищешь свою "Хутсуню". Пустоту то бишь. Твоя мечта и погоня за счастьем, как то бывает у всех людей, оказывается лишь ничем. Глупой фантазией, ради которой ты идёшь в ва-банк. Тенью лисы за которой ты гонишься и никак не можешь ухватиться.

— То есть, ты хочешь сказать, что моё желание найти друга и сбежать из города не имеет смысла?

— Именно так. Но и оставаться здесь для тебя бессмысленно, ибо у тебя наверняка есть причины сбежать из этого неоновомого муравейника.

— Я всё ещё не до конца догоняю к чему ты клонишь.

— К тому, что за пределами этого города тебя будет ждать всё то же самое. Не важно куда ты пойдешь. Вся земля сплошная пустыня: где-то пустынная, где-то ледяная и даже океан ныне пуст. Будет ли тебе лучше жить на руинах, борясь за жизнь с мутантами? А в сельских пунктах, среди хвостатых деревенщин? Или может тебе понравится в другом подобном городе, но с другим названием? Я много мест посетил за свои странствия и готов заявить, что этот мир обречён.

— И что же прикажешь делать?

— Наслаждаться апокалипсисом. Вкушать все его прелести и не думать о большем. А если всё же вдруг захочется что-то поменять, то предлагаю тебе найти того, кто сможет надеть ошейник на твою шею. Желательно парфорс, чтобы больше желания действовать не появлялось. Неважно кто это будет: государство, корпорация, религия или какой-нибудь милый парень. Главное суть.

— Да уж, ну и предложения у тебя... Одно веселее другого.

— Что поделаться, такой вот я пессимист. О, смотри! — он резко приподнялся и глянул куда-то мне за спину.

Я машинально повернулась и увидела давно осточертевшее лицо. Точнее визор. К нам приближался слегка потрёпанный и покоцанный протоген. По его "лицу" расползлись трещины и всё же оно рисовало радостную морду. У меня сразу возникла шальная мысль отыгаться на этой железяке за всё то, что случилось пару дней назад. Но, здраво оценив силы, я всё же решила не применять силу.

Лис встал и поприветствовал андроида крепким рукопожатием. Затем Библиотекарь сказал нетерпеливо:

— Ну что там, где моя книга?

Робот открыл отсек на своей груди и достал оттуда старенький и потрёпанный фолиант, на обложке которого читалось знакомое "Староград". Чёртова священная книга съехавшего ИИ, которую меня заставили читать в тот злополучный день. Лис не обратил внимания на

моё явное отвращение и с энтузиазмом ребёнка вертел в руках древний источник знаний. А вот протоген напротив, заметил моё замешательство.

— ЭГМ считает, что священная рукопись — лучший подарок нашему другу, лису. А хороший подарок для него это и подарок для тебя.

— Для меня?

— Алгоритм моей мозговой капсулы велит мне содействовать тебе в достижении целей.

— А вы разве не Фалькону помогаете?

— Нет, на самом деле, мы помогаем тебе, помогая ему. Это финальная цель.

— Тогда, может, поможешь мне с поисками друга? А то пока помощники из вас так себе.

— Планы ЭГМ всегда имеют далеко идущие последствия. ЭГМ заранее знал, что ты попадёшь сюда и доверил мне провести тебя до человека, которого ты ищешь. Но потом, сначала необходимо получить гарантии от Библиотекаря.

Лис отвлёкся от ощупывания прохудившейся обложки, когда услышал, что речь зашла о нём. Он сказал:

— Всё что я обещал, будет выполнено. Мне ни к чему врать. Стоит только получить второй транш от Нанимателя и всё будет пучком.

— Уверен ли ты, что справишься со своей задачей ровно так, как было обговорено? — спросил робот. — Я вас пока не подводил. К слову, раз уж я получил книгу...

Библиотекарь взял свой рюкзак, поместил в него фолиант и тут же выудил маленький цилиндрический объект. Он кинул небольшой механизм мне, и я еле его поймала. На ощупь прибор оказался идеально гладким, кроме того, он был довольно увесистым и имел всего одну кнопку на корпусе.

— Подавитель ЭКЮ-поля, прямиком из Паназийской Ледяной Пустоши. — пояснил курьер.

— Надеюсь, она не взорвётся у меня в сумке. — сказала я.

— Ну а теперь вынужден откланяться. — сказал лис и изобразил театральный поклон, — Мне не терпится изучить текст в тишине и покое. Через неделю, если всё же решишь, я буду ждать тебя прямо на этом месте, малышка Иви.

— Хорошо, я буду на месте.

Библиотекарь удалился, а я осталась стоять вместе с консервной банкой. Банка молчала, так что я решила заговорить первой:

— Кто-то, кажется, обещал довести меня до моего товарища?

— И это обещание будет выполнено. Пойдём. — протоген, жестом, увлёк меня за собой.

Мы шли обратно, в глубину мусорных куч. Треснувший, так я его про себя прозвала, не произносил ни слова. Просто, словно машина, пёр вперёд ни на что не обращая внимания. Впрочем, чего ещё я ожидала? Поспевать за ним было непросто, но за пару дней я уже наловчилась быстро передвигаться по кучам, не наступая на всякую гадость.

Шли мы не слишком долго, пройдя всего несколько мусорных долин, прежде чем наткнулись на небольшой домик на отшибе. Вокруг него собралось множество беспшёрстных, точно несколько десятков и вид их был крайне печален. Протоген указал мне в сторону дома:

— Он сейчас там.

Я направилась в хижину, а андроид остался стоять, как вкопанный. Вероятно, чтобы не мозолить глаза аборигенам. Я-то была в костюме и под ним сложно было приметить

зооморфные черты. Ни один из присутствовавших бесшёрстных не должен был догадаться. Те, к слову, были так поглощены каким-то горем, что даже не заметили моего появления. Женщины плакали, мужчины угрюмо что-то обсуждали, а из дома доносились тихие стоны. Я открыла дверь и вошла внутрь. Моим глазам предстала картина похорон.

С десяток бесшёрстных столпились вокруг грубо сколоченного гроба. Там же, у деревянного ящика, на коленях стояла женщина и неразборчиво выла. Я подошла поближе, и мои худшие опасения подтвердились. Там лежал мой несостоявшийся возлюбленный. Бледный. Недвижимый. Изменившийся.

В лице покойника больше не было радости и светлых надежд на будущее, только застывшая скорбь. Его стеклянные глаза были открыты и смотрели в потолок. Кажется, они узрели Хутсунею о которой говорил лис. Они видели ничто, великое и беспощадное.

Я подошла ещё ближе и спросила у одного из стоявших вокруг гроба мужчин:

— Как... как он умер?

Бесшёрстный смерил меня безучастным взглядом и почти шёпотом произнёс:

— Хвостатые твари убили. Сбросили его на мусорной куче, где он поранился о какой-то осколок пробирки. Заболел чёрт знает, чем и вчерашним вечером скончался.

Я посмотрела на лицо покойника: огромные мешки под глазами, опухшие уши и исхудалые щёки. Действительно было похоже на то, что он чем-то болел перед смертью.

— Я надеюсь, что он не страдал. — шепнула я тому же мужчине.

— Жуткие судороги несколько суток сотрясали его тело. Но ныне его страдания, конечно, завершены. — ответил тот, — Больше жаль его мать. Дети не должны умирать раньше своих родителей...

— Эта рыдающая женщина его мама? Могу я с ней поговорить?

— Не думаю, что она будет в состоянии разговаривать сейчас. Бедняжка, сначала мужа потеряла, теперь сына. И всё из-за проклятых хвостатых!

— А что случилось с его отцом?

— Он мутировал, много лет назад. А потом его пристрелили законники. Бедная женщина! Бедная женщина...

Он ещё несколько раз по причитал себе под нос и успокоился.

Сердце моё обливалось кровью. Мне не хотелось смотреть на труп несчастного. Я хотела убежать, скрыться и исчезнуть из этого мира. Но осталась стоять у гроба и смотреть на покойника. Дыхание то и дело перехватывало, и у меня возникло желание чтобы оно тут же остановилось. Я бы умерла и меня положили бы в гроб рядом с мертвецом. И мы бы вместе отправились в иной, лучший мир. Или в вековечную пустоту. Мне, если честно, без разницы.

Печальные мысли скребли череп изнутри, отчего моя голова разболелась. И среди этой боли я вновь уловила сказанные Библиотекарем слова о Хутсунее. Вот она, моя так и не свершившаяся мечта, лежит хладным телом в деревянном ящике. Мёртвая, более не имеющая никакого смысла.

А ведь мой мёртвый друг тоже не обрёл того, что искал. Он мечтал просто жить, сосуществовать с обществом, и чтобы рядом всегда была семья. Очень простые мечты, которые также обратились прахом, стали Хутсунеей. Только подумать... Спасти от козней Фалькона и умереть от случайного пореза. Какая злая и противная ирония. Мне даже захотелось улыбнуться, когда я поймала себя на этой мысли.

Так всегда в самые тяжёлые моменты, при утрате кого-нибудь близкого. Тяжесть

одолевает тебя, слёзы накатывают, а губы почему-то всегда так и норовят обратиться улыбкой. Кажется, что-то такое запрограммировано в генах, но мне сейчас так всё равно на всё это... Да просто ни до чего теперь нет дела.

Он мёртв. Неужели это всё из-за того, что он хотел что-то изменить? Исправить свою жизнь? В этом ведь даже винить некого. И уж явно нельзя было предполагать именно такой исход. Нет. Нет. Нет!

Это больше не повторится. Это просто не должно повториться, и я приложу к этому все усилия. Найду отца, и мы вместе улетим прочь из города вместе с Библиотекарем. Куда-нибудь, не важно куда. В этом городе я точно не останусь. Он пожирает всё и вся. Он растаптывает своих обитателей, ровняет с землёй. Лучше уж навсегда остаться в пустошах. Если лис не возьмёт меня с собой, я самолично уйду по раскалённой земле. И плевать на последствия.

Я не умру также, как и мой возлюбленный. Я точно не умру здесь.

Мысль о побеге вывела меня из ступора. В это время, в дом повалила толпа с улицы. Они набивались в маленькое помещение, как сардины в банку. Не прекращавшую рыдать мать подняли и отвели подальше. Мужчина, с которым я разговаривала, достал нож и произнёс:

— Лёгкого пути к Первородному Примату, сын человеческий. Пусть сердце твоё не будет одиноко. Пусть плоть твоя накормит плоть нашу и станет с ней одним целым. Пусть смерть твоя будет отомщённой.

Он отрезал маленький кусочек мяса и кожи с руки мертвеца, а затем поместил его себе в рот. Прожевав, мужчина с ножом обратился к собравшимся:

— Пора приступать к похоронной трапезе.

Все, кто был в помещении, словно с цепи сорвались и бросились рвать несчастное мёртвое тело на кусочки. Они были подобны стервятникам или гиенам, находя особый вкус в падали и жадно чавкая свежей плотью. Я вышла на улицу. Там меня вырвало.

Я видела раньше, как в рамках борьбы с перенаселением хищные жители пушистой части города, ели травоядных. Богатые могут себе иногда это позволить. Но чтобы ели себе подобного... сырым... не испытывая ни малейшего стеснения... Эта картина надолго останется у меня перед глазами.

Тут ко мне подошёл Треснувший. Он по-отечески положил свою железную ладонь мне на плечо и сказал:

— Такие дела.

Он помолчал ещё немного и затем добавил:

— Ты всё ещё не поняла?

Мне совсем не хотелось сейчас говорить, но машине видимо было плевать на мои чувства, а потому я всё-таки ответила:

— Нет и не хочу понимать. Ничего не хочу понимать.

— Тебе придётся принять судьбу. Познать тщетность. Это первое, что нужно сделать, чтобы возродиться.

— Для того, чтобы возродиться, надо умереть. А я пока ещё жива и буду двигаться к свету.

— Нет, ты мертва, только пока этого не поняла. Пойдём, тебе нужно отнести подавитель ЭКЮ-поля своим новым друзьям.

— Я с тобой не пойду, сама доберусь до нужного места.

— Как пожелаешь. Это приемлемо в рамках моей программы.

Я, не попрощавшись, оставила позади и робота, и ветхий дом. И очень надеялась, что оставлю вместе с ними и прошлую жизнь. Я явно не смогу вернуться в "Тарелку" разливать коктейли и торговать из-под полы. Нет, с этим покончено. И с этим городом тоже будет покончено.

Мой путь назад почти ничем не отличался от пути к маяку. Только прошёл быстрее. Всего за два дня я добралась до мусорного городка из которого вышла. Всё потому, что я меньше спала. Да и дорогу уже знала. В городе я сразу же передала Ирвингу подавитель. Он сказал, что необходимо подождать ещё совсем чуть-чуть, прежде чем бесшёрстные попробуют штурмовать лифт. Да и сигнал сверху вот-вот поступит.

Лось оказался прав, ждать и правда пришлось недолго. Следующим утром нам пришло сообщение, что пора выступать. Одновременно с этим, в среде бесшёрстных начались бурления. Аборигены негодовали, а их недовольство подстёгивали храмовники.

Последних, вероятно, подкупили мои новые "друзья". Подозрительно удачно бунт начался сразу после поступления сигнала. И подозрительно ловко мы вступили в толпу вооружённых палками бунтарей, смешавшись с общей массой. Они были разъярены: пели песни, выкрикивали маты и храбрились штурмовать верхний город.

Хотя, в любом случае, у них вряд ли что-то выйдёт. Толпа пусть и была большой, но вряд ли в ней собрались все бесшёрстные местных мусорных каверн. Вероятно, бунтовали лишь жители одного мусорного городка, да и то явно не все были достаточно смелы, чтобы попытаться удачу наверху.

Мне тоже было несколько не по себе. Я держалась своих сообщников и старалась не потерять их в толпе. Учитывая, что все звери были укрыты балахонами и масками-противогазами, это было не так просто. Даже Ирвинг спилил свои рога, чтобы не выделяться среди бесшёрстных.

Лифт наверх представлял собой огромную грузовую платформу, способную, казалось, вместить вообще весь город. Собственно, в каком-то смысле это и произошло, когда многоликая толпа вылилась на площадку подъёмника. Тот дёрнулся и медленно поехал вверх. Храмовники убеждали людей, что бояться нечего и их всех защищает Первородный Примат. Но меня, понятное дело, всё же одолевала тревога. Ибо в моей голове не было ни полного плана, ни тем более веры в успех.

Я боялась, что Фалькон обманет нас и вся платформа уедет в плавильню. Мне кажется предавать в самый ответственный момент в его стиле. Хотя я до сих пор так с ним лично и не познакомилась... Ну и чёрт с ним! Так даже лучше. Хватило и такого опыта работы на него.

Медведь, который вытащил меня из-под жертвенного алтаря, дёрнул меня за руку и тихо сказал:

— Слушай сюда, сейчас мы поднимемся и все рванут вперёд, в широкий проход. Мы же все развернёмся и побежим в обратную сторону. Там будет узкий лаз, через который мы сможем выбраться. Охраны там не будет, но надо действовать быстро, чтобы те, кто прилетит "встречать" бесшёрстных ублюдков нас не заметили.

— А ты уверен, что этот лаз не будет заблокирован? Ну... теми кто прилетит "встречать".

— Да, у нас среди них свой человек. Если будем действовать достаточно быстро, то нас даже не заметят. Главное соберись и не отставай. Если упадёшь или потеряешься, никто тебя

спасать не будет. Всё ясно?

— Вполне.

Он удовлетворённо кивнул и оставил меня, уйдя к Ирвингу о чём-то пошептаться. Я решила рассмотреть окружавших бесщёрстных и вдруг заметила ещё одно знакомое лицо. Вернее знакомую маску. Длинный и неестественный птичий клюв.

Я подошла к фигуре в мешковатой одежде и спросила:

— Элл, это ты?

— О! Моя милая Иви! Тоже решила прокатиться на этом такси до самого верху?

— Ну да, вроде как ненадолго возвращаюсь домой. А ты решила поискать ЭГМ?

— Не совсем. Вернее не только поискать. Я собираюсь выйти на контакт с этой таинственной сущностью, а попутно ещё и выполню одно задание для моей компании. Ну и я надеюсь найти источник этого вашего "Мимесиса". Было бы неплохо его изучить. Он может быть похож на ту версию, с которой я сталкивалась... в иных местах.

— Из этого всего меня удивляет только то, что ты работаешь в какой-то компании.

— А по мне так это самое логично. Не сама же я решила искать ЭГМ. Скорее всего я бы о нём и не узнала, если бы не мои благодетели. А так меня отправили сюда исследовать его деятельность и передать найденную информацию моей корпорации. К слову, ты больше не сталкивалась с андроидами?

— Сталкивалась, как раз недавно. Эта консервная банка сказала мне, что ЭГМ собирается мне помогать.

— Получается, ты можешь выйти с ним на контакт?

— Не я это контролирую. В последнее время эти железяки появляются в моей жизни без предупреждения. И каждый раз в не самые лучшие моменты жизни.

— Жаль, но это всё равно крайне интересная подробность. Я даже заинтригована тем, что же может скрываться в электронном мозгу этой штуки... или всё же не электронном?

— Ну нет, человеческий разум не способен на подобные безумства.

— Ты очень сильно недооцениваешь людей, моя дорогая. Они и на большее способны, я знаю это по опыту.

— Может ты и права. В свете всех событий, что произошли со мной за проходящую неделю, я готова в это поверить.

— Начинаешь разочаровываться в гоминидах? Как это знакомо. Я как раз после своего разочарования и ушла в науку. Захотелось исправить мир, перестроить его заново.

— Думаешь, что это возможно? Что за всеми стремлениями не придёт Хутсуinea?

— "Хутсуinea"?

— Пустота. Пустота и разочарование. Я тоже не так давно узнала это слово, но оказывается, оно выражает столь многое...

— Чуть! Около нигилистическая пессимистическая дурость. Всё можно поменять. Разве ваш город тому не доказательством? Все жители Пургграда, что не являются бесщёрстными, смогли изменить не только свой облик, но и свою природу. И всё это благодаря одной лишь мутагенной жидкости.

— Это вроде как не совсем добровольный процесс был...

— И что с того? Если можно что-то изменить один раз, то можно и повторить перемену. Главное желание. Можно даже не менять свой вид, общество или что-то подобное. Ведь необязательно начинать перемены сразу с больших вещей. Даже лучше будет начать с чего-то мелкого и приземлённого. Например, можно изменить себя. Просто чуть-

чуть подкорректировать своё поведение и свои решения.

— Разве многое это может поменять?

— Всё. Весь мир и его восприятие. Кажется, я где-то слышала, что если вокруг сплошная тьма, то можно легко развеять её, самолично став лампой. Улавливаешь метафору?

— Вполне. Нужно значит поменять свой образ мысли...

— Только и всего.

— Что ж, тогда первым делом сделаю кое-что гуманное. Меня предупредили, а вот ты вряд ли знаешь. Как только мы прибудем наверх, то всю эту толпу встретят законники. Чтобы не попасть под раздачу, надо будет развернуться и бежать назад. Там будет узкий проход, через который мы сможем безопасно уйти.

— Да? Крайне мило с твоей стороны рассказать мне об этом. А то плана о том, что делать сверху у меня не было.

— Просто плачу добром за добро. Твои кушанья самое вкусное из того, что я ела за последние дни.

— Так и возникает дружба.

— Я крайне на это надеюсь, а то с друзьями у меня ныне как-то совсем не очень.

— Ну, это не беда. Всё пройдёт и изменится. Такие дела.

Она подарила мне очаровательную улыбку и уже через пару мгновений будто растворилась в толпе. По крайней мере, мне уже было некогда её искать, ибо лифт прибыл в финальный пункт назначения. Я снова оказалась в свете неонов, на какой-то индустриальной площадке. К ней уже подлетали броневики "Гончих". На подножке одного из них я заметила знакомого белого волка в полимерной броне. Не став дожидаться более близкого знакомства с псом Правительства, я бросилась бежать к узкому переулку между двух монолитных бетонных стен.

Стоило мне достигнуть этого переулочка, как сзади тут же послышались крики и гам толпы. Обернувшись, я увидела, что на площадку уже полетел дым и что-то светящееся. Среди бесщёрстных началась паника и они начали разбегаться кто-куда. Кажется, бунт был подавлен, толком не успев начаться. Неужели так было и будет всегда?

the_children's_crusade.txt / Der Steppenwolf / Purgrad / Art

Пять сотен лет назад, в 1969 году произошло событие с которого всё и началось. Событие, которое изменило всё. Ни до, ни после не случалось чего-то подобного, но мир даже не заметил произошедшего. Поначалу. Нам до сих пор неизвестны обстоятельства, только сам факт: в одной секретной лаборатории был впервые синтезирован "Мимезис".

Имени его изобретателя не сохранилось, как и какой-либо информации о том, что именно привело к открытию. Есть только голый факт: "С 1969 года человечество получило возможность изменять свою оболочку".

Вместе с этой новообретенной способностью, во многих людях проснулся внутренний зверь. То первородное звериное естество, что пряталось тысячи лет в глубинах сознания, то и дело воплощаясь в искусстве, культуре и религии, но никогда не занимая главенствующего места в мироустройстве.

Пещерные люди одевались в звериные шкуры, поклонялись священным духам животных и в целом были частью живой природы. Во всех возможных смыслах их единение со зверем было абсолютным. И всё же они стали первыми, кто стал отрываться от своих корней. От той праматери-волчицы которая вскормила Ромула и Рема, тюрков, да и всё человечество. Они первые отстранились от того чрева, которое их породило.

Время шло, молоко на губах давно обсохло, а мать стала забываться. Стали исчезать и те ритуалы, которые соединяли человека и зверя в одно целое. Остались только звероподобные боги. Возникли города. Во всех местах, куда бы не шагала цивилизация, ещё оставались следы первородной природы человека. В жаркой стране Та-Кхемет поклонялись шакалу, ибису и крокодилу. В джунглях Мезоамерики славил ягуара, змея и койота. И лишь в степях Турана ещё помнили о прямом родстве. Но и это продлилось недолго.

Люди развивались, и с каждой новой технологией росло наше самомнение. Вместе с ним бывшие боги, заменялись новыми, более похожими на человека. Они создавались по образу и подобию высшего примата, вскоре вытеснив всё звериное из веры. Животные спрятались, скрылись в мифах, легендах и преданиях. Кто-то растворился в детских сказках, а кто-то стал героем сказок для взрослых. В сознании человека его собственное естество ушло в глубины сознания, куда-то на подкорку мозга.

Лишь у некоторых энтузиастов и мыслителей внутренний зверь находил выход наружу. Они одевали шкуры, чтобы скрыть своё слабое естество обезьяны. Никто не любит обезьян и эти храбрые люди находили приматов отвратительными. Особенно диких. Они больше всего показывали все пороки "человечности": ненависть, зависть и жадность. В них не было ни эстетики, ни силы. Но этот факт сыграет многим позже.

Пока ещё лысые обезьяны возвышались над миром. Они безраздельно правили планетой, с каждой технологией всё больше убеждаясь в своей исключительности и важности. Разумеется, что это была лишь иллюзия, мираж величия, за которым скрывалась всечеловеческая слабость.

Люди в человеческих шкурах стигматизировались, изгонялись и притеснялись. А потом появился "Мимезис". И люди в шкурах наконец могли перестать быть людьми. Получили возможность обрести свободу и силу. Но это не привело к счастью.

Это стало восприниматься, как вторжение в естественный порядок вещей. Как

покушение на власть приматов. Ибо во всём были хороши Homo Bestia: умны, сильны и эстетичны. Их способности превышали человечьи. Более сильный нюх, острое зрение, быстрые ноги, чуткие уши и многое другое отличало новых людей от старых. Как не возненавидеть их? Как не подпитать свою злую зависть?

Приматы не смогли удержаться от своей порочной цивилизованной природы и обрушили свой гнев на несчастных бестий. Древние учёные всюду кричали о негуманности, а древние политики запрещали "Мимезис". Но разве это помогло им удержать власть? Прогресс уже нельзя было остановить. Зверь внутри человека расправлял плечи и многие противящиеся ему стали вдруг немногими. А потом полетели бомбы, начинённые "Мимезисом". Неизвестно кто их сбросил и зачем, но те, кто не успел спрятаться в бункерах и катакомбах превратились наконец в зверей.

До этого Пурград не был таким уж большим городом. Так, средненьким мегаполисом, который был приметен среди прочих на континенте, но не слишком. Этот Пурград, образца 2000 годов, с низенькими небоскрёбами, ещё можно посетить, в районе Старого города. Правда, большая его часть ушла под воду во время глобального потепления... В любом случае, когда люди стали наконец зверьми, что случилось триста лет назад, Пурград внезапно стал центром, в который они массово стекались.

Город рос, небоскрёбы высились и строились поверх других небоскрёбов. В ходе этого процесса, земля вокруг мегаполиса медленно истощалась и умирала. Все возможные ресурсы выкачивались и перерабатывались. Это усугублялось тем, что в других местах мира начинались ресурсные войны и летели ядерные бомбы. Земля медленно, но верно превращалась в пустошь, в которой были единственные уголки жизни — сверхурбанизированные мегарегионы. Их было немного, но сами по себе они заменяли десятки самых больших городов прошлого.

Правда и такого пространства внутри этих неоновых ульев людям не хватило. Их становилось слишком много. При чём невероятно плодились как Homo Bestia, так и Homo Sapiens. С этим нужно было что-то делать, пока ситуация не вышла из-под контроля. Мудрое Правительство Пурграда сделало несколько шагов к решению этой проблемы.

Первым делом, оно разделило травоядных и хищников. Первым досталась благородная роль жертв, а вторым не менее благородная роль "городских санитаров". Среди питающихся растительной пищей стала проводиться постоянная лотерея. Победители отправлялись на стол к хищникам, проигравшие оставались жить.

Вторым шагом к спасению стала политика сокращения потомства. Теперь каждый зверь мог получить разрешение на ребёнка, а мог и не получить. При чём, если разрешение получалось, то пушистый мог заводить этого детёныша только с представителем своего биологического вида. Даже если это означало бы измену. Более того, во многих семьях, разрешение обычно получал только один из партнёров, так что вынужден был искать другого представителя своего вида с разрешением, чтобы реализовать своё потомство. Это была сложная схема, но именно она остановила взрывной рост популяции и хаотичное спаривание. Для этого, правда, приходилось применять немного насилия.

Так что третьим шагом к решению проблемы перенаселения, стала попытка вернуть в общество бесшёрстных. К этому времени они оказались в меньшинстве, однако вовсе не планировали подчиняться законам Правительства. Пушистые считали их своими врагами и низшей человеческой расой. Бесшёрстные, впрочем, считали точно также, но уже новых людей видели упадочными. Даже массовые прививки "Мимезиса" не дали результата.

Приматы избегали их, бунтовали и всячески мешали Правительству спасти город.

Разумеется, ограничивать своё размножение они тоже не хотели. Их эгоцентризм не был похож на жертвенность зверей и справиться с ним правительство не могло. Так что большинство бунтарей согнали вниз, в мусорные каверны подножий небоскрёбов. Там голод и неблагоприятные условия делали то, что сверху не могли сделать пули и палки.

Неблагодарные приматы так и не осознали что были неправы. Они лишь больше возненавидели Правительство и всех пушистых живущих сверху. Лишь единицы из них смогли влиться в новое общество. А остальные сплотились вокруг своих человеческих богов. Точнее создали нового. Бога-обезьяну, или Великого Примата, восславив все те черты, что мы стёрли во время геноцида макак и прочих отвратительных человекообразных паразитов. Так они защищали свою человеческую культуру, сублимировали её.

И, что самое страшное, Правительство всё ещё продолжало их кормить в обмен на работу на шахтах. При чём кормить вполне достаточно, чтобы всем внизу хватало. Проблему голода это не решало, особенно учитывая что часть бесшёрстных внизу жировала за счёт своих соплеменников. И при этом голодные и лишённые пайка злились не на тех, кто отбирает их хлеб, а на жителей верхнего города. Это продолжало усугублять проблему нехватки ресурсов и в долгосрочной перспективе должно было привести к гибели всего Пургграда.

Тогда Аркадия пошла на беспрецедентный шаг по сокращению населения. Всех тех детей, что успели родиться после определённой даты, решили отправить в космос, колонизировать другие миры. Это была единоразовая, но крайне массовая акция, призванная существенно сократить рост населения.

Детей забрали из семей под светлыми лозунгами "открытия новых горизонтов" и "покорения далёких миров". Затем их массово грузили на огромные космические корабли и пуляли во все стороны космоса. Да, корабли были обустроены под довольно долгую жизнь, но детей отправляли без какого-либо присмотра, предоставленных самим себе. Это и был, по сути, "Новый крестовый поход детей".

Безумная самоубийственная миссия маленьких зверят разных рас, отправленных в холодные пучины космоса.

-

Закончив экскурс в историю и откинувшись на мягком студийном кресле, я выдохнул и сказал:

— Вот об этом и рассказывает моя пьеса. Об этой великой несправедливости, которую наши дети испытали на своих молодых шкурках. Об их страданиях за чужие грехи. Пусть некоторые неженки и называют меня социал-дарвинистом или расистом, но я абсолютно уверен, что не будь среди нас бесшёрстных, этой трагедии бы не было.

— Вы предлагаете геноцид? — спросил заяц-ведущий, сидевший напротив.

— Я предлагаю исцеление. Как когда-то люди вытеснили неандертальцев, так и сейчас мы должны вытеснить бесшёрстных. Наше правительство и без того относится к ним слишком гуманно.

— И поэтому вы создали вашу провокационную пьесу, чтобы призвать к этому через искусство?

— Нет-нет, я никого ни к чему не призываю. Я только показываю и обращаю внимание на несправедливость. Предлагаю свои варианты. За действия чересчур впечатлившихся я не несу ответственности. В конце концов, у них есть выбор и то, что они меня послушали,

только их вина.

— Что ж, спасибо за интервью, пан Галлер, но наше время уже заканчивается. Придёте ко мне ещё?

-

Закончив своё будничное посещение очередного нейроком-шоу, название которого я опять не удосужился запомнить, я вышел из студии на парковку летающих автомобилей. Мой роскошный спорткар стоял тут, уже не поражая своим шиком и прелестной новизной. Ему было что-то около пары месяцев и уже пора было поменять его на новую модель. Тем паче моя новая пьеса была достаточно успешна, чтобы приумножить моё и так чересчур огромное состояние. Так что я мало потеряю от покупки нового автомобиля, как и многие жители Аркадии.

Так утомляет быть таким же, как и все здесь...

Я сел на водительское сиденье, руки удобно легли на кожаный руль, а в голову, сзади, упёрлось что-то холодное. Посмотрев в зеркало заднего вида, я увидел на заднем сидении неизвестного зверя с пистолетом. Ствол именно этого пистолета упирался мне в затылок. Рассмотреть убийцу не представлялось возможным, ибо он был сокрыт в полумраке, царившем сзади. Я спросил у незнакомца:

— От кого ты?

— Пан Фалькон передаёт привет.

— Видимо ему не очень понравились мои работы?

— Напротив мы все, в нашей организации ваши большие фанаты. Особенно пан Фалькон.

— И почему же тогда он решил меня убить?

— Хочет принести вас в жертву искусству. Вашей же пьесе. Разжечь с вашей помощью пламя. Пожар революции, которая воплотит ваши идеи о превосходстве.

— Забавно... и крайне занятно. А у Фалькона точно получится избавиться от нашей общей проблемы?

— Многие его поддерживают. Нас бессчётное количество, и мы сейчас распространились повсюду. Нужно только спичкой чиркнуть.

— И я та самая спичка? Что ж, мне когда-то говорили, что творец должен гореть ярко и сгорать быстро. А уж если он станет первой искрой огромного пожара... — я ухмыльнулся собственной шальной мысли и повернулся лицом к собеседнику, — Стреляй, сделай меня бессмертным.

В темноте хищно сверкнули глаза. Вспышка. Выстрел.

Оказалось, что я был чересчур смел в своих стремлениях попасть на выступление труппы Галлера в тот же день, когда планы по свиданию в ресторане расстроились. Даже мне, командиру Гончих, не последнему зверю в Аркадии, не удалось достать билеты. По крайней мере до той поры, как сам степной волк не оказался застрелен в своей машине.

Стоило взяться за расследование, так сразу и места на двоих нашлись. Даже не жалко, что этот парень словил свою пулю. Он всё равно был тем ещё ублюдком. Сам по себе. Пьеса, как выяснилось, была вполне себе трогательной. Наверное, это просто судьба всех гениев... быть немного ублюдками, которых никто не любит.

Как бы то ни было, его заявления не освобождают меня от необходимости искать убийц. И будто этого было мало, так ещё и этот чёртов Фалькон наносит удар за ударом. При чём каждый раз абсолютно хаотично, словно специально пытается нас запутать и отвлечь. Его люди то взорвут что-нибудь, то убьют кого-нибудь, и всё в разных, абсолютно не связанных друг с другом частях города. Так что и патрулям приходится распыляться по малейшему поводу, никуда толком не успевая.

И это я ещё не говорил про то, что он попытался убить меня! Наглости ему точно не занимать. И постепенно он становится главной проблемой города и моим личным врагом, ежедневно напоминая о себе то тут, то там. Удивительно, как, находясь в постоянной загруженности с поиском этого прохвоста, мы с Сирокко умудрились взять выходной вечер, чтобы воспользоваться возможностью посмотреть на творение мёртвого Галлера.

Но так или иначе у нас всё получилось, мы выловили свободное время и наконец смогли провести время только вдвоем. Кажется, что моей помощнице крайне понравилась постановка. Да и мне тоже, особенно пани Люфт хорошо играла. А эпизод в конце, когда из всех детей остался только один ягнёнок... В общем, я пустил свою скупую мужскую слезу, но быстро стёр оную, в надежде что моя спутница не увидит это непозволительное проявление чувств.

Тем более, что она сама ничуть не растрогалась, а напротив, всё время спектакля сидела с каменным лицом. И только в разговоре после того, как мы вышли из театра, я понял, что ей очень понравилось:

— Это была славная постановка, командир. Я очень благодарна, что вы меня сводили.

— Нет-нет, это я должен тебя благодарить за то, что наконец вытащила меня в свет. Я думаю, что нам надо будет как-нибудь это повторить.

— Пожалуй. Если, конечно, удастся вновь вырваться из стальной хватки службы. А то всё, на что меня хватает после прихода домой, так это на падение лицом в подушку.

— Хе-хе, это верно. Я также себя ощущаю после работы. Ну ничего, поймаем этого гада, осудим и затем будем хоть каждый вечер проводить на подобных мероприятиях.

— Ну на каждый вечер, наверное, ещё не стоит зарекаться, но я была бы рада если бы всё было так.

— Знаешь что? Нам нужен отпуск! Схватим Фалькона, и я выпишу нам обоим отгул на пару месяцев. Мы это заслужили. Не помню, когда в последний раз хорошо отдыхал. Как насчёт того эго курорта на крыше Перрон-Тауэр?

— Там же нужно просто космические деньги платить.

— У меня есть определённые накопления. К тому же за преступника подобного размаха обязаны выплатить премию. Я думаю, нам хватит на обслуживание высшего класса.

— Не стоит так на меня тратиться, я всё-таки всего лишь твоя помощница.

— Лучшая помощница на свете. Ассистент, которому позавидовал бы любой начальник. Да и в целом, без тебя я бы не справился.

— Ну нет. Ты, командир, мне льстишь. Я ведь не до конца выполнила свои обязанности, когда в ресторане на вас напал тот наёмник. Не оказалась рядом, когда вас требовалось прикрыть.

— Хватит уже себя винить! Никто не мог предугадать такого развития событий. И уж тем более младший офицер не обязан погибать за старшего.

— Так-то это и правда входит в мои обязанности. Кроме того, это дело чести, Мистраль. Если передо мной встанет выбор, то я не задумываясь прыгну под пули.

— Не заставляй меня влюбляться в тебя ещё больше... — произнёс я и тут же стих, поняв, что сказал лишнего.

Сирокко покраснела и смущённо отвернулась. Мы больше ничего друг другу не сказали, пока не вышли на межнебоскрёбную пешеходную улицу, перед блоком театра. Там нас встретила странная девушка в дурацком костюме чумного доктора. Кажется, подобные носили тысячу лет назад во время какой-то эпидемии чумы. Собственно, отсюда и название этих дурацких тряпок, которым далеко до медицинского уровня нашей эпохи.

Странный "доктор" настойчиво пригласил нас в припаркованный здесь же автомобиль:

— Прошу вас, давайте побеседуем.

— С чего это я должен с вами говорить?

— У меня есть информация, которая поможет вашим поискам Фалькона и, заодно, расследованию убийства Галлера.

Учитывая, что этот уличный бандит стал настоящей занозой в моей заднице, я решил не отказываться от помощи. Пусть меня явно и будут подталкивать к какой-нибудь сделке. В конце концов, со мной будет Сирокко, а она более разумна и сможет если что выручить меня из перипетий закулисных интриг.

Вслед за странной девушкой, мы сели в затенённый и герметичный салон авто, который оказался довольно роскошным. Здесь были холодильник, мягкие кресла и приятная неоновая подсветка.

Не церемонясь, она сразу перешла к сути своего вопроса:

— И так, меня зовут Элл, и я представляю компанию СтарПолимер. Я прибыла изучить ваш город из... иных мест. Я здесь изучаю аномалии, местный народец и прочие полезные для моей компании вещи. СтарПолимер хочет получить долю на местном рынке, любыми средствами. Для этого мной, в том числе была исследована деятельность наших конкурентов из Пурполимера. И я хочу передать вам, как компетентному органу, информацию о своём расследовании.

Она достала из ящичка, встроенного в кресло, пачку бумаг и передала мне. Я сразу

почуял неладное:

— А как это относится к убийству Галлера и Фалькону? Откуда вы вообще знаете, что мы ищем Фалькона.

Она спокойно произнесла:

— Так уж вышло, что от Пентид мне досталось оружие, из которого убили Галлера. И оно было произведено Пурполимером.

— Мало ли откуда они его достали... Знаете, если вы, пани, наметились втянуть Гончих в какую-то корпоративную игру, то я не намерен вам помогать.

— Здесь дело не только и не столько в том, что я хочу устранить нашего конкурента. Это речь ещё и о том, что стоит раскрыть одного преступника и помочь городу стать чуть чище. Так, то оружие, которое использовали убийцы — экспериментальное.

— Поэтому мы не смогли выявить его модель, проведя баллистический анализ? — спросила Сирокко.

— Да. Можно сказать, что этот пистолет был в составе очень маленькой партии и всё ещё не был представлен широкой публике. Доступ к нему есть только у высшего руководства фирмы и её секретного научного отдела. — подтвердила её догадку девушка в костюме чумного доктора.

— Идеальное оружие, чтобы убийцу никогда не узнали... Получается, вы сможете назвать имя того, кто передал это оружие Фалькону? — произнёс я.

— Да, в документах есть все необходимые данные. Его зовут Оникс, он енот и директор научного отдела Пурполимер. Мотив у него очень простой: помочь бесшёрстным. Как мне известно, именно люди из Пентид организовали недавний прорыв на лифте для аборигенов снизу. Дочь этого директора, Иви, известна симпатиями к бесшёрстным. Разве не всё сходится?

— Это похоже на правду. Если, конечно, Фалькон действительно поддерживает бесшёрстных. По крайней мере это проясняет его планы. Мы изучим документы и подготовим план захвата этого Оникса. Но вы, пани Элл, должны будете присутствовать во время захвата. Чтобы в итоге не вышло так, что вы нас обманули.

— Я могу там быть. Вот, возьмите... — она вытащила из кармана своего чёрного балахона пластиковую визитку с номером нейрокома и передала мне, — Позвоните мне, как всё будет готово.

Я посмотрел на Сирокко. Та кивнула. Я кивнул в ответ, и мы оба вышли из машины. Верно, нам обоим надо будет подумать над предложением странной девушки. И подробнее изучить бумаги.

Всё так же храня молчание, мы оба направились к подворотне около блока театра, которая отделяла одну пешеходную межнебоскрёбную улицу с другой, на которой стоял мой авто. Я планировал отвезти свою спутницу домой, а затем уже отправится к себе. Но наши планы, в очередной раз разрушили обстоятельства.

В этом маленьком переулочке, нам на встречу вышли четверо ребят крайне бандитской наружности. Шли они уверенно и крайне угрожающе, так что я сразу понял, что боя не избежать. Как назло, при мне не оказалось даже служебного меча, с которым я управлялся не слишком хорошо. А вот нелicenseприятного вида парни, трое из которых шли впереди, а

один, бугай, сзади. Один из тех, кто был спереди, потянулся куда-то под одежду. И только успела сверкнуть пластмасса рукоятки ружья, как Сирокко тут же бросилась вперёд.

В этом рывке, из её изящной перчатки, выскочил высокоэнергетический клинок, который уже через мгновение был пущен в дело. Самый левый из бандитов даже не успел опомниться, как был располовинен по линии пояса, а девушка оказалась за его спиной. Рывок вправо и ещё один нападавший лишился головы, а за ним и его товарищ получил дыру через хребет, у самого основания рёбер. Остался только один громила, который, несмотря на невероятную скорость Сирокко, успел заблокировать летящее к нему лезвие с помощью какой-то биты из полимерного металла.

Девушка отскочила от него, но тут же бросилась вновь. Мордоворот удивительно ловко махал своим оружием, блокируя скоростные атаки лисы. Стоило ей ударить с одной стороны, как она тут же наносила удар прямо с противоположной, и всё же пробить защиту громилы ей никак не получалось. Мне хотелось вмешаться и помочь ей, но я стоял как вкопанный, не зная, что и сделать.

Впрочем, ситуация развивалась так стремительно, что я еле понимал, что вообще происходит. Сирокко крутилась в смертоносном танце с клинком вокруг своего противника, мгновенно меняя своё положение в пространстве. Момент, и это наконец принесло свои плоды. Резкий рывок девушки мимо своего врага лишил того одной руки, а скачок обратно избавил его и от второй, в которой он держал оружие. Рубящий удар по ногам завершил бой полной победой моего ангела-хранителя. Её оппонент качнулся и рухнул на землю: тело и ноги отдельно.

Приставив конец лезвия к подбородку противника, Сирокко грозно спросила:

— Сейчас ты мне расскажешь, какого чёрта вы нападаете на Гончих. Кто вас послал?

— Пентиды. Сказано было убить Мистраля. — прохрипел бугай.

— Ясно. — холодно произнесла она и без жалости воткнула конец клинка в горло громиле.

— Мы бы могли его допросить! — заметил я.

— Прости, командир. На меня сейчас будто морок напал, как я услышала, что целью был ты. Мне не хотелось, чтобы это животное продолжало жить. — сказала она и спрятала клинок обратно в перчатку.

— Это мне стоит извиняться, я должен был тебе помочь.

— Нет. Это моя обязанность, как я раньше и говорила. За тебя стоит пролить кровь не задумываясь о последствиях. Считаю это моим проявлением влюблённости.

Я почувствовал как покраснел, а губы начали растягиваться в глупую ухмылку. Всё что я смог, так это произнести глупый вопрос, который начал витать в моей черепушке: — И что мы будем делать?

— Не знаю. — спокойно произнесла девушка, — Поймаем Фалькона и отправимся в отпуск. Это было бы славным началом чего-то нового.

Немногим ранее убийства Галлера

-

Позади еще раздавались выстрелы, когда Иви заскочила в небольшой лаз, следуя за Ирвингом. Медведь же шёл самым первым. Он, быстро заскочив в один из переулков, затащил туда лося, после чего и девушку. Времени было не так много, поэтому пришлось припустить мелкой рысью в самые глубины средних уровней.

Стены казались идентично блеклыми, свет тусклых ламп моргал, а затхлый воздух, с привкусом пыли, оседал на прорезиненных костюмах. Только через десять минут бега, когда крики и пальба перестали доноситься, троица остановилась. Преследователей не было, да и едва ли в общем переполохе их исчезновение вообще заметили.

— А ты быстрая, — похвалил Ирвинг Иви, хлопнув ту по плечу, — Думал там и останешься.

— С чего бы? — спросила девушка.

— Да видел как ты с кое-кем балакала... — лось стянул с себя респиратор и глубоко вдохнул холодный городской воздух, — Старая подруга?

— Общаться с бесшерстными... — протянул медведь, так, будто бы и не слишком осуждал меня, — М-да.

— Скорее просто знакомая. Столкнулись внизу разок. — отрезала Иви.

Иви наконец сняла маску. Шерсть на мордочке девушки уже успела прилично провонять дешёвой резиной, да так, что едва ли ей хватит каких-либо шампуней и гелей, чтобы отмыться от этого химозного запаха.

— Нас тут никто не встретит? — она принялась, пытаясь почувствовать что-то кроме осточертевшей резины. Сейчас к её вони действительно прибавилось что-то ещё. Тонкий аромат чего-то странного, но довольно знакомого.

— Может просто ещё не пришли. Нам всё равно пока некуда торопиться. — предположил Ирвинг, расстегивая костюм. — Запахился я в нем.

— Или всё же есть куда, ибо нас могут считать мертвыми, — буркнул медведь. Последовав примеру лося, он снял с себя верх, обнажив волосатую грудь.

— Эх... — выдохнула Иви.

Перспектива остаться тут казалась ей слишком реальной. Да еще и стены начинали давить также сильно, как и воспоминания об умершем друге. Впрочем, местная обстановка вполне походила на мусорную хижину, где лежало его тело...

В голове, несмотря на всё произошедшее, всё ещё слегка теплилась мысль о мести. Не то чтобы, она всё ещё видела в ней какой-то сакральный смысл. Но если уж выдастся случай, то можно и встретиться с Фальконом, а потом и прикончить его. Пусть этот город уже ничего не спасёт, но хотя бы его конец будет не столь бесславленным.

Уцепившись за череп изнутри, мысль отомстить стала нарастать, скребя разум. Здесь, среди двух прислужников главного врага, перспектива казалась вполне реальной. То, что не было сделано в его магической лавке, может быть выполнено прямо в его логове.

Иви точно не понимала, насколько эта идея обширна и сколь глубоко пустила корни. Но скорость, с которой она возрастала, пугала девушку. Ей даже начало казаться, что её недобрые намерения тут же раскроют спутники, однако...

— Я бы не советовал это делать, — внезапно произнёс неизвестный хриплый голос, за спиной, прерывающийся на кашель.

«Гончие!» — мелькнула мысль в голове девушки.

Резко развернувшись, Иви хотела выхватить пистолет, но тут два пальца ударили ее четко под солнечное сплетение, где оканчиваются ребра. Удар выбил из легких весь воздух. Тело отлетело к Ирвингу, и тот, не мешкая, схватил ее за плечи.

— Ты чё... Она ж нам... — лось не договорил, так как увидел четвертую фигуру.

Иви подняла глаза, встретившись взглядом с каким-то оборванцем. Старый кошак, в рванье и с руками, скрещенными на груди, неторопливо подходил к ним. От него пахло шампунем с запахом сирени. Ароматом древности?

— Здравия желаю! — единовременно, в один голос, отчеканили Ирвинг и медведь.

— Что? — прохрипела Иви, ничего не понимая.

— Вольно, — усмехнулся кошак. — Это кто? Я вовсе не ждал никаких гостей. — он указал на девушку.

— Курьер Фалькона, — просто ответил медведь.

Кошак оглядел ее с ног до головы, заострив внимание на грудной клетке и личике. После чего глубоко вздохнул, прикрыл лицо руками, и произнес, точно будучи разочарованным:

— Не думал, что проблемы на жопу, уже на дом доставляют! — он вновь закашлялся улыбаясь. — А я дурак старый, думал ему Мели хватает.

Троица рассмеялась. Иви выбралась из заметно ослабшей хватки Ирвинга, после чего глянула на старика. Его смех походил на кашель больного. Его тонкое тело в лохмотьях напоминала мусорного опарыша. Лишь небольшая рация на поясе оказалась полностью новой и выдавала в нём совсем не обыкновенного бездомного, коих в подобных подворотнях было немало.

— Как звать-то тебя? — обратился он к ней, чуть прищурившись.

— Иви, — представилась она, недоверчиво поглядывая на него.

Ей вовсе не хотелось произносить своё настоящее имя, но было почему-то понятно, что старик учует ложь.

— Нере, — кивнул кошак. — Ударение на последний слог.

— А я думал на первый, — пробасил медведь.

— Тебе вредно думать, Гир. Так что пусть для тебя останется всё так как есть, а то с этой «важной информацией» ты можешь забыть что-то более важное. — обратился к нему Нере.

Он протянул руку Иви, точно желая нормально поздороваться, но та отказалась. Слишком уж кот напоминал ей дикарей снизу, точно и он был готов разорвать ее на месте, пряча под личиной доброжелательности окровавленные клыки.

— За мной, лоботрясы! — скомандовал Нере.

Кошак возглавил процессию и та ровными шагами двинулась вглубь коридоров. Он чувствовал себя, как рыба в воде, легко маневрируя меж, казалось бы, идентичных проходов и внутренних переулков. За ним шла Иви, ожидая самого худшего. Позади нее, в полном молчании, шли Гир и Ирвинг. Похоже, они не смели послушаться Нере и боялись сказать лишнее слово в его присутствии.

Прошло примерно с полчаса, с момента странной встречи, как вдруг Нере остановился. Он подошел к одной из стен, что, со стороны, казалась идентичной иным. Постучав по ней

несколько раз, в определенном ритме, кошак сделал несколько шагов назад. Точно на космическом корабле, стена отъехала назад, открывая тайный проход в некое помещение.

— Свои, — кивнул Нере.

— Свои по домам сидят, а не в стены долбят, — ответила ему милого вида кошечка в платье горничной. — Отбой ребят, — последнее было обращено к группе мордovorотов с тяжелыми автоматами, стоявшими позади неё.

Они спокойно опустили пушки, отходя назад. Это позволило всей четверке спокойно пройти в довольно просторное помещение с кондиционерами и довольно ярким тёплым освещением. Иви разглядывала его, пока шла, но созерцание пришлось остановить, стоило только ее взгляду встретиться с колкими и злыми глазами горничной.

— Нере, это кто?

— Ты об Иви? — мотнул в ее сторону старый кот, что медленно доставал сигарету.

— Да, — кивнула девушка. В лапках той уже поблескивали несколько метательных ножей.

— Да брось, Мели, — развел руками Нере. — Это просто курьер Фалькона.

— По ней видно... Босс вечно нанимает каких-то оборванцев. — в голосе было омерзение. Мели, принялась. — Да и пахнет отвратно, будто только что с нижних уровней выползла. Хотя, по ней видно, что она едва ли видела что-то кроме мусорных куч... — на её мордочке блеснула презрительная улыбка. Девушка не скрывала своей враждебности и совсем не стеснялась оной.

Конечно же, она начинала бесить Иви. Самодовольная, в милом платьице, находясь постоянно под боком Фалькона, Мели, казалось, не знала что такое потери и боль. Только у Иви появилась очередная шальная мысль пустить в ход оружие и покончить с этим, как Нере остановил ее.

— Не советую это делать, — уже более серьезно проговорил он.

— Хватит читать чужие мысли, — попросила его Мели, смягчив тон. Похоже, отношение её всё же менялось от особи к особи.

— Боишься, что я твои прочту? — усмехнулся тот.

Мели продолжала стоять спокойно, только губа слегка дёрнулась. Для Нере это был знак победы. Улыбнувшись, он отправился вглубь комплекса, призывающе махнув своим спутникам лапой. Все трое, без лишних слов, отправились за ним.

Вокруг была атмосфера некоего закрытого общества: все суетились, бегали, о чем-то переговаривались. Из дальних залов доносились отдаленные выстрелы и жесткие команды. Нере посетовал на новичков, мол, не могут в спичку с сотни метров попасть. Иви было непонятно — кто вообще на это способен без продвинутых военных имплантов, но она решила не проявлять лишнего любопытства.

Через пару минут они вышли в просторный зал покрытый матами. На нём сражалась целая орда пушистых. Мутузя друг друга кулаками, под командами некоего мордovorота, они отрабатывали сражение в ближнем бою. Было понятно, что они точно готовятся к чему-то очень масштабному.

За всем этим, медленно потягивая белёсый коктейль, наблюдал Фалькон. Он стоял, точно статуя в белоснежном кимоно, неторопливо переводя взор с одного бойца на другого. Шерсть была чуть мокрая, точно он сам недавно вышел с ринга.

— О, какие люди! — заметив четверку, обратился он к ним. — Рад вас видеть, — на морде застыла легкая улыбка.

Гир и Ирвинг кивнули начальнику. Иви тоже, слегка, поклонилась, а вот Нере, не стесняясь, подошел к Фалькону, взял его бокал и сделал хороший глоток. Легкий выдох и он кивнул ему, точно одобряя выбор.

— Вы принесли мою посылочку? — Фалькон сделал несколько уверенных шагов вперед, оставив бокал в лапе Нере.

— Вот, — Иви протянула ему товар.

— Моя ты лапочка, — улыбка Фалькона растянулась до ушей. Он аккуратно осмотрел блокатор, после чего довольно кивнул. — Гир, Ирвинг — отличная работа. Но время не ждёт, так что отдохнёте после тренировки. Давайте, на ринг!

— Есть! — кивнули они в такт, но не успели сделать и шаг вниз по лестнице.

— Сперва в душ, — поправил Фалькона Нере.

— Да-да, — закивал тот. В руках он все продолжал крутить новую игрушку, будучи полностью поглощен ею. Поняв это, Фалькон позвал Мели, отдал блокиратор ей и отправил куда-то в «лабораторию». — Будь осторожна с ней!

— Обижаешь, — крикнула она, исчезая в дали.

— Ладненько, — Фалькон хлопнул в ладоши и взглянул на Иви. — Чувствуй себя как дома, моя хорошая.

Он говорил с ней, как с подругой. Будто бы это не он привел ее любимого к смерти, не его бандиты убивают множество людей ежедневно, и не они разжигают ненависть между разными видами людей...

— Может в душ или коктейль? — обыденно предложил он, доставая сигарету.

— Товар у тебя, — холодно ответила Иви, на секунду совсем распрощавшись с нараставшей мыслью о мести, — А теперь я хочу уйти.

— Ну, с этим могут быть проблемы. — хитро ухмыльнулся Фалькон.

— В плане?

— Сейчас наверху, — просто продолжил он будничным тоном, — Щеночки очень уж параноют и выгребают всех, кто выглядит подозрительно. Думаешь они тебя отпустят?

Иви задумалась. С одной стороны он был прав, вот только здесь тоже вовсе не было безопасно. Риск нажить новых проблем и свалиться в тотальную Хутсунею, что тут, что там, был очень велик, но едва ли у неё сейчас был какой-либо выбор...

— Иви, дорогая, — медленно начал Фалькон, видя замешательство девушки. — Тут тебя никто не тронет. Снаружи небезопасно. Ты же не хочешь закончить также, как и твой благоверный? — последнее он произнес с нескрываемой издевкой.

— Мразь! — прошипела Иви сквозь зубы. Жажда мести, казалось бы отступившая, разгорелась вновь.

Она активировала пистолет. Его дуло было направлено точно в морду Фалькона, практически впритык. Нере, на чистой реакции, подлетел к Иви и нанёс резкий удар по руке с пистолетом. Выстрел. Пуля врезалась в потолок.

Затем последовало мгновенное разоружение, залом руки и пара ударов по бокам. Девушка взвизгнула, падая на колени.

Рука Нере схватила ее за волосы и резко оттянула назад. На ее глазах навернулись слезы. Кожа натянулась, сдавив горло, точно удавка, а хриплый смех кошки казался издевательскими фанфарами.

— Глупая-глупая девочка... — Фалькон подошел к ней и, не стесняясь, взял за подбородок. — Нере не повторяет трижды.

— Гадина! — сейчас Иви была беспомощна как никогда и могла разве что ругаться.

— Ты сама виновата в том, что сейчас получила. — «примирительно» сказал Фалькон. — Иди и отдохни. Завтра уже шумихи вокруг вашего прорыва снизу не будет и ты сможешь спокойно уйти отсюда. Я обещаю.

Он подозвал несколько мордovorотов. Те, абсолютно без эмоций, взяли Иви под руки и отвели в один из коридоров. Фалькон выдохнул и глянул на Нере. Кошак держал на открытых ладонях пистолет, оценивающе взвешивая его.

— Есть ещё порох в пороховнице, — сказал главарь банды, — Спасибо учитель.

Взяв уже полупустой бокал, Фалькон сделал несколько глотков. Сейчас его жизнь, по его же неосторожности, могла быть прервана. Он не мог даже предположить, что у девчонки есть спрятанное оружие и это был его недочет.

— Ты мог умереть, — кивнул Нере, — Не рискуй так больше.

— Надеюсь не придётся, — новый глоток. — Что ты с ним возишься?

— Странный ствол, — выдохнул Нере. Он быстро кинул магазин, вытащил досланный патрон из патронника и, с легкостью карманника, разобрал пистолет. — Конструкция странная.

Подойдя к Фалькону, он стал показывать внутренности пистолета. Строение его было странным. Оружие было лёгким, почти невесомым и будто бы складным. Эта догадка подтвердилась, когда старик нажал на кнопку на стволе и пистолет тут же обратился перчаткой, идеально севшей на его жилистую руку.

— У девчонки экспериментальная модель, — дошло до Фалькона. — Вот это поворот...

— Это да, — кивнув, Нере в момент вернул пистолет в обычное состояние, после чего подтёр специальной тряпочкой свои отпечатки и убрал куда-то в лохмотья. — Хочу повидать одного знакомого, узнать что это за вундерфафля.

— Фалькон! — вдруг раздался крик Мели, что уже стояла на противоположном конце коридора. — К тебе посетитель.

— Пусть заходит, — кивнув, он щелкнул пальцами и ему тотчас принесли новый коктейль, что бесцеремонно присвоил себе Нере.

Медленно, точно призрак в старом замке, вперед вышла высокая фигура в маске ворона. Плащ скрывал тело, руки обтягивали перчатки и Фалькон уже было подумал, что это Краадар каким-то образом пришел по его душу, но стоило только милому голоску донестись из-за маски, как все вопросы сразу отпали.

— Это же вы — Фалькон?

Нере вновь указал на Фалькона, тихо смеясь своим фирменным хрипом. Девушка попросила прощения за ошибку и поздоровалась. Фалькон ответил легким поклоном с предложением коктейля. Девушка ответила отрицательно.

— Мое имя Элл, — представилась она. — А как вас зовут?

— Нере, — представился кошак, отвесив шутовской поклон.

— Ударение на второй слог? — поинтересовалась Элл.

— Именно, — кивнув, он сделал шаг назад, точно говоря Фалькону действовать.

— Так и для чего же столь важный гость в столь странном месте? — спросил босс.

— Просто хотела с вами обговорить один момент. Я же не помешала? — она указала головой на корт для сражений.

— Нет, вовсе не помешали... — успокоил ее Фалькон.

— Наша компания ценит многозадачность и пунктуальность — просто и будто бы

совсем не в тему, ответила Элл, — Если вы способны продемонстрировать эти качества, то мы сможем надеяться на плодотворное сотрудничество.

— Очень и очень на это надеюсь. — услужливая улыбка не сползала с лица Фалькона. Для него эта странная девушка была крайне важным элементом плана.

Будто только поняв, чего главарь банды ожидает, девушка сказала:

— Наш общий друг обещал устроить для меня одну встречу. Очень и очень важную для моей компании. Он также заверил меня, что этому может поспособствовать ваша организация, стоит только помочь вам совершить одно дельце. Вернее, натолкнуть вас на верный путь, чтобы вы всё сделали сами.

Она выудила из-под плаща два билета и ключ от машины. Фалькон смотрел на них с легким непониманием. Нере, заметив это, бросил скептический взгляд на Элл. Та, поняв, что до котов не доходит, стала пояснять:

— Это билеты на грядущую пьесу «Крестовый поход детей 1969». Наш общий друг очень хотел бы, чтобы вы на нее взглянули.

— Как это мило, устроить нам отпуск. — в один голос произнесли коты.

— Ну а ключи зачем? — спросил босс.

— О, — она взглянула на них, точно первый раз видела. — Передадите привет автору.

— Понял, — мурлыкнув, Фалькон забрал ключи из ее рук и передал Нере. — Передать ему привет в каком формате?

— В местах, откуда я пришла, был случай, когда местного правителя застрелили прямо в VIP-ложе, во время театрального выступления. Стрелявший был актёром и потому драматично выкрикнул сразу после выстрела: "Sic semper tyrannis!" Это было красиво и символично. Вашим целям символизм также не повредит, так что можете передать привет так, как вы хотите. Главное, останьтесь непойманными прямо на месте преступления. Это всё, что от вас сейчас требуется. Остальным я займусь самолично. Натолкну Гончих на нужный след. Вот только для этого мне нужна будет убедительная легенда... Может у вас есть какое-нибудь необычное оружие с историей?

— Вроде этого пистолета? — спросил старик, протягивая девушке отобранную у Иви пушку.

Элл взяла тот в руку и внимательно покрутила в руках, а затем заключила:

— На нём есть заводская маркировка. Указана только компания-производитель "Пурполимер", но нет серийного номера. Понимаете, панове, что это значит?

— Экспериментальная партия? — предположил главарь банды.

— Именно. Вот и идеальная легенда для запуска ложного следа!

Ну вот мы оба и вскрыли свои карты. Я сделал это раньше и оказался полностью обезоружен перед столь лёгким признанием моей напарницы. Ей будто ничего не стоило сказать о своих чувствах и раньше, просто не было подходящего повода. А я...

Я будто неопытный юнец не знаю, что и делать, как говорить и о чём думать. В каком-то смысле у меня и правда раньше не было опыта в подобных делах. С тех самых пор, когда я был щенком, я даже не задумывался о семье или отношениях. Мне и ни к чему было об этом думать. Общество Пурграда всё же располагает к одиночеству.

Ибо всё здесь построено из заменителей. Безвкусная белковая каша приобретает формы и вкус самой разной еды прошлого, благодаря различным красителям и усилителям. Возможность выбрать заменяет настоящую свободу. Корпоративная культура заменяет искусство и братство. Роботы и нейродопинги заменяют физическую близость во всех красках.

Это всё, разумеется, хорошо. Борьба с перенаселением и всё такое. Но всё же мы всегда стремились и будем стремиться к настоящим чувствам, а не к тому эрзацу, который только больше удручает и загоняет в несбыточные мечты. Поэтому хищники и едят травоядных. Чтобы почувствовать живую кровь, а не всякие е621, е510 и е513. Поэтому мы и мечтаем о настоящих отношениях, а не об искусственном тепле бесчувственных синтетических тел.

В конце концов, вся наша культура, тысячелетиями была построена на мифе об отношениях. Сказке о великой и светлой любви, которая ждёт всех и каждого. Дурацкой легенде, о том, что у каждого есть вторая половинка, которую нужно только поискать. Вроде той древней истории из книжки, про прекрасного юношу и нимфу Салмакиду, которые так любили друг друга, что были ради шутки слиты богами в единый организм. Быть единым целым со своей второй половинкой, слиться с ней раз и навсегда, стать целым — главная мечта человечества.

Но ведь так не бывает. Так просто не может быть. Ну... разве что во всяких пьесах, фильмах и играх.

Я уверен, что у меня с Сирокко так тоже не будет. Да, я вообще не очень представляю как все эти отношения происходят, но я абсолютно уверен, что всё сложится не слишком просто. Если мы и сойдёмся характерами, то над нами обязательно злобно пошутит судьба. Ведь ничего никогда не было хорошо и не будет.

Но это не значит, что не стоит пытаться. Что не стоит ловить свой миг удачи. Особенно, если потом всё будет только хуже. Ибо в этом "хуже" надо попытаться найти хоть что-то хорошее, что и вспоминать будет не стыдно. А может из этого "хуже" и вовсе родится что-то по-настоящему прекрасное. У меня как раз есть разрешение на создание одного потомка...

Впрочем, я как-то слишком далеко в будущее заглядываю. И слишком сильно задумываюсь о тех вещах, про которые задумываться бы не стоило. Ныне есть и другие дела, о которых стоило бы, беспокоиться, а отношения... Думаю Сирокко и тут поможет сделать мне правильный выбор. Подумает за меня. Ведь я сам могу лишь на всех парах мчаться домой, будто влюблённый подросток.

Оказавшись на просторной пристройке-террасе у своей квартиры, я был встречен двумя другими обитателями моего "Волчьего логова": Форелью и Шоном, тем самым барашком, который спас меня и которого, в благодарность, я решил поселить у себя. Как выходец из

средних уровней Пургграда, он был крайне рад поселиться над облаками, в Аркадии. Да и кажется, пользоваться всеми радостями роскошной жизни в моё отсутствие ему нравится.

— Что вам приготовить на ужин, хозяин? — спросила Форель.

— Пусть барашек выберет, я уже поел, в театре. — ответил я.

— Я тоже не слишком голоден. — отозвался Шон.

— Я поняла. Позовите меня, если буду нужна. — откланялась горничная и ушла в дом.

Мы с новым жильцом остались один на один. Я спросил у него, взглянув на проступающие на груди рёбра:

— Ты как-то мало ешь. Я надеюсь, ты не стесняешься пользоваться услугами моей робослужанки? Не забывай, "mi casa es tu casa". То есть "мой дом, это и твой дом".

— Нет, вовсе нет, я совсем не стесняюсь! Я просто как-то не могу заставить себя есть мясо, а овощами сильно сыт не будешь...

— Почему вдруг? Они же состоят из одной и той же кашицы, так что и для травоядных нет разницы...

— Есть разница! — прервал он меня вдруг, — Вместо котлеты я представляю части самого себя! И тут меня начинает выворачивать...

— О... Да... Точно. Извини, что я так напомнил. Мне... стыдно.

— Ничего-ничего, шеф, — он помялся, — я сам зря вспылал. Всё-таки ты приютил меня здесь и очень уж хорошо ко мне относишься, так что я не должен срываться на тебя в твоём же доме. Это всё из-за того, что я давно не ходил на сеансы групповой эмоциональной разгрузки. Без неё меня иногда срывает на лишние эмоции.

— Не зови меня "шеф"! Ты спас мою жизнь, так что я считаю тебя своим названным братом, никак не меньше. И это, опять же, я верно гораздо больше тебе должен, чем ты мне. Просто, я немного эмоциональный инвалид... ты знаешь. Мне непросто правильно выразить свои мысли. Я хотел сказать лишь то, что ты совсем исхудал за неделю.

— Да-да, я понял. Мне и правда стоит стараться больше есть. А тебе стоит посетить курсы разгрузки. Мне кажется, ты во многом бы смог разобраться. Ну, со своими чувствами. А то, как ни посмотришь на тебя, так и кажется, что всё в твоём мире соткано из сомнений и догадок. Может, для стратега и планировщика это нормально, но для обычного зверя...

— И что, эти твои курсы правда помогают?

— Я стараюсь постоянно посещать их. Тут же очищаешься от страхов и сомнений, стоит только попробовать.

— Если меня очистить "от страхов и сомнений", то ничего больше и не останется.

— В том-то и дело. Ты слишком много сомневаешься по пустякам. За этими переживаниями теряешься настоящий ты. Попробуй сходить со мной, думаю это ничего не будет тебе стоить.

— Ну может и стоит попытаться.

— Тогда поехали прямо сейчас! — барашек крайне обрадовался моему решению и уже нетерпеливо отбивал ритм, копытцами по полу.

— Ну хорошо, не будем тянуть время!

И вот, стоило мне прийти с одного вечернего приключения, как я тут же отправлялся на другое. Только уже в компании юного травоядного, что странно одевался и необычно себя вёл. Не думал я, что современный зверь может на полном серьёзе носить набедренные повязки из синтетических тканей и постоянно заниматься какими-то эзотерическими практиками. Будто мой спаситель был очередным косплеером из тематического парка про

первобытность.

Впрочем, стоит ли винить его за странные манеры? Кажется, что он счастлив идти по жизни со своими увлечениями. И это явно куда лучше корпоративных строгих костюмов и синтетических комбинезонов. Даже если и холщовая ткань, и листья на самом деле искусственные. Шон точно на одной волне со своей природой. Он знает чего хочет и во что верит.

Не то чтобы я сам не знал. У меня всё-таки есть служба, устав и собственная униформа. Я шёл к ним осознанно, ещё с тех пор, как был щенком и в целом доволен тем, что имею. Однако, иногда мне кажется, что жизнь могла сложиться и совсем по-другому, если бы я родился в другое время, среди других существ. Может, я бы даже был многим счастливее.

Вот, например, окажись я на месте своего спасителя, мог бы я столь же щепетильно относиться к вопросу поедания одних видов другими? А смог бы я также просто понимать и выражать чувства? И смог бы я поменять своё нерушимое спокойствие и полное осознание мира на букет новых чувств? Может быть, только ради Сирокко. Хотя, будет ли она любить меня также, если я вдруг буду совсем другим человеком?

— О чём ты задумался? — спросил меня барашек, устроившись на соседнем сидении моего авто.

Взявшись за баранку, я напряжённо постучал по её обивке и сказал:

— В последнее время всё стало как-то совсем непонятно. Раньше я всегда знал, что делать, а теперь ничего толком не понимаю. И всё время гоняю по кругу одни и те же мысли.

— Можешь рассказать мне, если хочешь. Выговориться очень полезно.

Я завёл спорткар и начал набирать высоту.

— Ну я не мастак языком чесать. Особенно о себе.

— Тут не нужно быть профи. Я в любом случае тебя выслушаю. Может даже посоветую чего. Ау! — он резко вскрикнул, так и не закончив свою мысль.

Шон засунул руку под свою пятую точку. Вскоре он выудил из-под себя маленькое золотое колечко с острым бриллиантом:

— Эта штука больно колется.

— О! Это кольцо видимо забыла Сирокко. — заметил я.

— Сирокко?

— Моя коллега... и с недавних пор... ну... наверное...

— О-о-о-о! Девушка? — барашек скорчил ехидную рожу.

— Думаю, что теперь можно и так сказать. С сегодняшнего дня точно.

— И, надо думать, кольцо она оставила не просто так?

— В смысле?

— Ну, раз у вас отношения, и она забыла у тебя в машине свою вещь, то, наверное, хочет, чтобы ты её вернул.

— Ну да, вряд ли она была бы рада потерять это колечко. Она его довольно часто носит на указательном пальце левой руки. Так что быстро заметит, что его нет.

— Так, во-первых, ты как-то пугающе точно запомнил эту безделушку. А во-вторых, ты действительно не понял, что эта находка значит?

— Что даже Сирокко иногда может занимать важные вещи?

— Да нет же, дурак! Это значит только то, что она дала тебе лишний повод встретиться.

— Эта логика мне кажется несколько натянутой.

— И всё же тебе стоит её навестить. Чем раньше, тем лучше.

— Зачем? Я не хочу быть слишком навязчивым.

— Гораздо хуже она о тебе подумает, если ты заставишь её ждать. Наверняка будет сидеть дома и думать: "Вот же дурак этот Мистраль! Я ведь так чётко ему намекнула, что хочу его компании на этот вечер!"

— Не будет она так думать, Сирокко не такая. Она мудрая и рассудительная. И явно бы не стала делать такие глупые приглашения намёками.

— Ты просто не знаешь женщин, мой друг...

— А ты будто знаешь?

— Первый баран на селе, как-никак! — он горделиво выпучил исхудавшую грудь.

— Ну конечно...

Внезапно Шон раскатисто рассмеялся, да так что на его глазах выступили слёзы. Едва успокоившись от приступа хохота, он процедил:

— Не находишь ситуацию забавной? Ну, сначала ты мне объяснял устройство общества и банальные вещи о нём, а теперь я объясняю тебе то же самое, только с другого края.

— Ты про мой рассказ в ресторане? Ничего это не похоже. Про поедание и духовное единение каждый знает.

— Про женские намёки вроде бы тоже.

— Ладно-ладно. Смейся и считай, что ты прав. После того как мы закончим с этим твоим сеансом, я загляну к своей подруге. Но не дай бог она на меня рассердится!

— Да не переживай ты об этом! Это же сущий пустяк, который обязательно выльется в что-то хорошее.

— ...или что-то плохое.

— Это зависит от твоего подхода. Свинья везде грязь найдёт, а ты ищи что-нибудь позитивное. Настройся на правильную волну! И она вынесет тебя на райский остров, под тропические пальмы, к твоей милой Сирокко.

— Я попробую.

— Вот и славненько!

Мы летели ещё около двадцати минут, пролетев ЭКЮ-поле в облаках и сменив несколько оживлённых небесных хайвеев. Затем, в неприметной ячейке невысокого небоскрёба, мы приземлились на небольшую парковку. Моя машина оказалась на ней самой дорогой, так что мне было даже как-то страшно оставлять её среди развалюх, размалёванных цветочными узорами. Но я выдохнул, решив, что системы защиты, родом из мастерских Аркадии отгонят местных любителей чужого добра.

Наш, с Шоном, путь лежал в большой, полутёмный зал, заставленный свечами и всякими эзотерическими идолами, узнать которых я был не в силах. В нём, в самом центре, вокруг голографического костра, кружком сидело с десяток травоядных. Все они были одеты, как мой спутник, в псевдохолщовые набедренные повязки. Даже девушки, что без зазрения совести выставляли на всеобщее обозрение свой, разукрашенный нательными красками, пушок на груди. Барашек подвёл меня к этому собранию неодикарей. Все присутствующие тут же с интересом уставились на меня.

Главным среди них, судя по всему, был рослый олень, чьи рога венчала огромная корона из перьев. Он и заговорил первым, обращаясь прежде всего к моему спутнику:

— Шон! Мой белоснежный друг! Ты разве не выиграл в лотерее на съедение?

— Выиграл и благодаря моему другу, — он указал на меня, — я всё ещё жив.

— Это же славно! И ты, наверное, пришёл на сеанс разгрузки?

— Да, и мой друг, Мистраль, тоже. Можно ему присоединиться?

— Мы рады любому зверю. Так что садись, Мистраль, в круг.

Я послушно сел между двумя травоядными молодыми дамами, и Шон тут же рухнул рядом. Весь круг начал мелодично навывать какую-то мелодию и слегка раскачиваться. Не зная, что делать, я старался повторять все движения за другими. Мне было жутко неловко.

И не потому, что всё это было для меня впервой. Хотя не без этого. Но скорее потому, что я был здесь единственным хищником. Более того, я происходил из Аркадии, являлся представителем высшего класса. Такие, как мы, несколько веков ели таких, как они. Такие, как мы всегда были выше, таких как они. Такие, как мы должны быть здесь ненавидимы. Однако, никто из присутствующих не испытывал ко мне никакой ненависти. Они сразу приняли меня как равного. Никто даже не покосился на большого белого волка. Будто, всем было всё равно кто я и что своим видом выражаю.

Только меня самого изъедала совесть за былые свершения. За все те жуткие поступки, которые я совершал раньше. Присутствующие напоминали мне тех "цветочных" демонстрантов, которые выступали за равные права для бесшёрстных. В те дни я выбил немало зубов, разгоняя толпу. Они же напомнили мне и о всех тех травоядных, что я съел до этого. Смогли бы они простить меня так же легко как Шон? Смогли бы также легко пустить в свой круг, если были бы живы?

Мне хотелось выть от переполнявших грудь чувств. Я уже не мог двигаться в такт и спокойно напевать мелодию, что ещё больше вгоняло меня в краску и только усугубляло ситуацию. Мне казалось, что сейчас я испорчу их отточенный ритуал и они изгонят меня со злостью и оскорблениями. Но этого не произошло, хоть моё смятение и было замечено. Прежде всего моей соседкой по правую руку, миловидной козочкой. Она вдруг обняла мою руку, прижавшись своей нагой грудью и тихо прошептала мне на ухо:

— Тебе следует избавиться от этого комбинезона, чтобы освободиться. Мысли не могут спокойно летать в, задымлённой промышленными трубами, голове. Им нужно дать волю. А разве можно это сделать в одежде?

Сказав это, она перебралась мне за спину и начала расстёгивать мой комбинезон. Без того смущённый, я и вовсе не мог сопротивляться или что-либо сказать. Особенно, когда к одной девушке присоединилась другая, помогавшая меня раздеть. Уже вскоре я стоял в окружении суесящихся дев, в полном обнажении. Мне на пояс надели ту же холщовую повязку, которую носили все травоядные. Как и следовало ожидать, она была мне до ужаса мала.

Девы, будто воркуя над раненым, усадили меня обратно в круг. К тому моменту, рядом с голографическим костром уже был поставлен какой-то металлический баллон с множеством масок. Некоторые травоядные уже вдыхали некий газ через эти маски, ну а меня ещё следовало подготовить к этому действию.

Девы разукрашивали моё тело различными красками, которые слегка жглись, касаясь кожи. На моей белой шерсти вырисовывались различные красные, розовые, чёрные, зелёные и синие линии, превращая его в аморфную картину. Затем меня начали поить какой-то горькой жидкостью, от которой моё зрение начало плыть, а сознание шататься, будто я окончательно потерял ориентацию в пространстве.

Ворковавшие девы гладили меня и относились ко мне, словно к сокровищу. Они аккуратно надели на моё лицо маску, давая вдохнуть сладковатый, с фруктовой примесью

газ. Прежде чем тот окончательно погрузил меня в бездну сознания, я успел лишь услышать такую фразу Шона:

— Ой, завидую я тебе Мистраль. Испытывать такое впервые просто невероятно!

Глаза налились свинцом и сами захлопнулись. Я уснул и на меня нахлынуло невероятное видение...

Я не помню, что было до. Я не ведаю того, что грядёт после. Настоящее сжалось до единой точки — сингулярности. Время перестало иметь смысл. Пространство больше не имеет никакого значения. Пусть я когда-то был, но теперь меня не стало. И меня никогда больше не будет. Да я, собственно, никогда и не существовал. Всё это было сном, иллюзией, наваждением.

Нет никакого Мистраля. Это ложь, самая наглая и самая подлая. Ибо не может быть тот, кто является одновременно всеми и никем, быть просто Мистралем. Это слишком мелко для меня и в то же самое время чересчур много...

Мысли разбегаются. Они словно косяк рыб, при виде акулы расплывающийся во все возможные стороны. И поймать хоть одну невозможно. Всё что я могу, так это созерцать бесконечность жизней и судеб, каждая из которых — моя.

Вот я уже не волк, а травоядное. Баран, рождённый в счастливом браке и с самого младенчества окутанный любовью родителей. Ничего в моей жизни не шло как-то необычно или паршиво. Счастливое детство, хорошая школа в среднем городе, отличные отношения со сверстниками. Я видел этот город прекрасным неоновым раем, светлым и чистым. Раем, где каждому найдётся своё место.

Меня не смущала ни практика поедания друг друга, ни запрет выбирать из чего-то кроме того, что предложит правительство, ни разделение общества на пушистых и бесшёрстных. Ведь всему этому меня учили с детства, прививали нормальность подобных устоев, словно вакцину. Я был твёрдо убеждён в том, что моя сила в потакании правилам Пурграда, симбиозе с ними.

А потом, я вдруг увидел, как трое законников избивали одного бесшёрстного прямо посреди оживлённой улицы. Он лежал и корчился, стонал и плакал, но всем вокруг было плевать. Никто из прохожих, кроме меня на избиваемого даже не посмотрел. Какая там помощь?

Может, зеваки и боялись Гончих, особенно учитывая их общий вид в момент нападения: лица, перекошенные злобой, вспененные пасти и налитые кровью глаза. Однако, тут дело было вовсе в другом. В иной ситуации, если бы так, толпой, забивали кого-то пушистого, не столь важно справедливо или нет, кто-нибудь из прохожих обязательно бы вмешался. Снял бы на видео, вызвал специальные службы или что-то подобное, тут не обязательно было лезть с кулаками.

Но в случае бесшёрстных все молча одобряли происходящее. И поэтому того беднягу забили до смерти, а потом просто сбросили вниз, как ненужный мусор. Я был зол. Но не на общество, и уж тем более не на тех Гончих. Я был зол на себя, ибо и сам ничего не сделал. Ибо и с моего молчаливого согласия это линчевание свершилось так, как свершилось. Я был свидетелем и в то же время, считал себя самого палачом.

Потом я и вовсе узнал, что моя счастливая и беззаботная жизнь стоит страданий бесчисленного количества людей. Не только бесшёрстных. Гончие рискуют ради меня жизнью, родители гробят зрение на бесконечной офисной работе, обычные рабочие производят для меня всякие блага и еду...

Даже мой лучший друг, зебра из бедных районов, вынужден был страдать только ради того, чтобы продолжать посещать школу. Ибо его родители еле могли оплачивать

образование, а ему приходилось в свои юные годы тяжело трудиться ради "светлого будущего", которое у него отнимут корпоративные боссы. Ибо, какое бы хорошее образование и навыки ты не имел, если ты приходишь из бедных районов, то все попытки прорваться будут тщетны. Ибо все всегда должны оставаться на своих местах. Порядок нельзя нарушать. И бедные, коих большинство, могут разве что тешить себя надеждой о богатстве.

Потому что Правительству было выгодно, чтобы бедняки стремились заработать, пытались поступать в хорошие учебные заведения и обивать пороги самых разных компаний ради бессмысленных собеседований. Ибо так, словно белки в колесе, нищие будут вечно заняты делом и у них не останется времени бунтовать. Да и зачем бунтовать, когда богатство вот оно, рядом? Стоит только протянуть руку... Стоит только долго и упорно трудиться...

Да, у некоторых эти розовые очки разбивались сами собой, но какой они выбирали путь после этого? Наркотики, алкоголь, самоубийство и прочие жуткие способы сбежать от реальности. Они не находили настоящего выхода, только порождали ещё больше горя и страданий. Мой друг нашёл такой же "выход" и его не стало, ещё до того, как я закончил школу.

Стоит ли говорить, что гнев на несправедливость мира поглотил меня? Кроме того, он наложился на подростковый период, смешавшись с максимализмом и радикальностью, свойственной многим юношам. Я вступил в группу единомышленников, и работа закипела. Мы расклеивали листовки, собирали людей, готовили выступления. Это было счастливое время молодости и ярости.

Я помню прекрасные вечера, во время которых я пил, горланил песни и веселился с девушками. Я помню разгорячённые демонстрации, во время которых я скандировал лозунги и горланил кричалки. Я помню таких же юных, как я, которым есть дело до избиваемого бесщёрстного, проблем зебр из трущоб и прочих несправедливостей. Ныне же многих из них не стало. Не в том плане, что они умерли, нет.

Но когда нас начали жестоко подавлять и разгонять Гончие, многие испугались. Страх лучше любой пропаганды изгнал из них дух бунтарства и прибил к земле. Пару раз подышав слезоточивым газом и получив по рёбрам, самые ярые борцы за справедливость сдувались и исчезали. Оставались только такие как я, тихие и идейные. Но мы тоже были вынуждены "исчезнуть", уйти в подполье. Ибо своим малым количеством уже не могли противостоять и малому отряду законников.

Тогда я даже начал немного сомневаться, действительно ли я не ненавижу Гончих. Учитывая, сколько зла мне было причинено. Однако, меня отрезвлял главный принцип нашего движения: "Не множить зло!" Я следовал ему как мог, ибо он был единственной моей надеждой на справедливость.

Затем я вдруг выиграл в дурацкой лотерее. Меня повели на чей-то стол, и я уже не думал, что это нормально. Может, не увидь я того бесщёрстного, я бы не начал сомневаться в вековом порядке вещей. А значит, пошёл бы на стол к мясоедам с честью и статью, а не страхом и сомнениями. Что может быть хуже, чем умереть в страхе? Я не знал и от этого боялся ещё больше.

Когда меня привели к тому, кому я должен был стать закуской, я окончательно понял, что у жизни очень чёрное чувство юмора. Ибо меня должен был съесть волк из Гончих. Я даже, кажется, видел его однажды на протесте и получил от него солидную оплеуху. Он стал мне объяснять о том, что это нормально, когда тебя едят. И ситуация окончательно

превратилось в нечто сюрреалистичное. Особенно, когда я его спас от внезапного покушения и был вдруг помилован от своей нелёгкой доли.

Потом я, конечно, узнал, что этот волк хороший парень. Верный, смелый, немного неуверенный и, тем не менее, добрый. Тот, кого я почитал за своего губителя, в жизни оказался самым обычным человеком, при том достаточно мне симпатичным, чтобы я мог назвать его своим другом. И тогда я окончательно познал всю ироничность жизни и, заодно, укрепился в своих убеждениях. Ибо и Гончие хорошие парни, и бесщёрстные, и Правительство, и пушистые, и все-все-все жители Пургграда. Просто каждый из них запутался, и никто точно не знает, что делать. Остаётся только следовать правилам и установкам, что были установлены неизвестно кем и неизвестно когда.

И это хорошо. И это правильно.

Вскоре я уже не был бараном, безбрежный океан образов, даровал мне иной облик. На этот раз я была девушкой-лисой. Фенеком, если быть точной. *Vulpes zerda*. Меня растили другие родители, тоже лисы, очевидно, в верхнем городе. Я была дочкой влиятельных оружейных баронов из корпорации *VulInd*. С детства у меня были задатки на прекрасное будущее и в отличие от многих, я могла бы действительно сама выбрать какой дорогой идти.

И я выбрала быть среди Гончих. Самодисциплина и сила воли проводили меня через огонь и воду отборочных туров, а хорошие рекомендации помогли сразу стать частью элиты элит милиции Пургграда. Я поступила в самую престижную академию, готовившую кадры для силовых структур. Там я ещё больше тренировалась, формируя своё тело и готовясь служить и защищать.

Да, малый рост, что был особенностью моего вида, значительно мешал мне поначалу. Да и в серьёз меня не воспринимали. Я даже подумывала перестроить своё тело в иную форму с помощью "Мимезиса". Но потом поняла, что это означало бы сдать себя и предать саму себя. А это не выход для настоящего воина. Так что я сохранила свой вид, несмотря на насмешки других, более крупных студентов академии. А вскоре и вовсе научилась использовать свой недостаток, как силу.

Низкий рост позволял мне быть ловкой и быстрой. По компактной цели гораздо сложнее попасть, чем по какому-нибудь громиле. Кроме того, я всегда проходила под траекторией ударов моих оппонентов и могла наносить неожиданные удары по ногам. К моменту, когда выпускникам пора было имплантировать боевые протезы, я была лучшим дуэлянтом в городе. Никто не мог выстоять против меня сколь-нибудь долго.

Стоит ли удивляться, что меня направили в ключевой отряд быстрого реагирования Гончих? Я читала, что в былые эпохи, женщины едва ли могли сделать такую карьеру. Не потому, что не могли, а потому что общество было совсем другим. Девушки и парни зрили какую-то разницу между друг другом, строя на этом основании свою идентичность и ставя свой пол в главу угла.

Занятые на баррикадах половых войн и решающие, кто же прав, люди сами себя ограничивали в самосовершенствовании. Женщины, обвинявшие общество в недостаточном равенстве, едва ли были готовы посвятить свою жизнь науке, войне или иному почётному ремеслу. А мужчины, не способные завести отношения лишь ввиду собственных радикальных взглядов на противоположный пол, хоть и иногда посвящали жизнь общему благу, но едва ли были приятными людьми.

Благо, ныне всё не так. С появлением Мимезиса, мы наконец познали тот факт, что разницы между полами нет. Что всё изменчиво, неустойчиво и сыворотка может легко

изменить любую биологическую морфологию. Такова уж суть Мимезиса, он способен превратить человека в кого и что угодно. Так какая разница, кто ты сейчас, если завтра ты можешь стать кем хочешь?

Это уничтожило и расизм, и национализм, и вообще все возможные различия между людьми. Кого ненавидеть, когда исчезла сама идея наций и культур? Мы стали действительно равными и свободными от всего бывшего. Лишь бесщёрстные выпадали из этой стройной системы, но они сами виноваты, что не хотят меняться. Врагам нашего лучшего мира, в нём места не будет. Я свято в это верила и пошла охранять свои ценности с оружием в руках.

Пусть некоторые считают меня аристократкой-белоручкой, слабой девушкой, низкорослой или какие там у них самих комплексы? Мой путь в небо выложен телами моих врагов. А всё, что меня заботит — мнение моего командира. Просто потому, что он, Мистраль, хороший зверь. Милый, добрый и заботливый — командир сочетает в себе лучшие качества достойного представителя нашего общества будущего. И мне он симпатичен, потому что я вижу в нём не только эти качества.

Ещё он дурашливый, неуверенный и позволяющий себе временами быть слабым. Ему нужен кто-то сильный и верный, чтобы он мог стать цельным. Ему нужен кто-то, кто будет ему вечно советовать и помогать принять решения. А мне нужен кто-то, о ком можно заботиться и за кого нужно будет умереть. Потому что и то, и то, поможет мне вырасти над собой. А значит и самой стать наконец целой.

Познав это, я снова сменила облик и снова была девушкой, но на этот раз енотом. Procyon lotor. И снова я была отброшена с верхнего города в средний. Однако и на сей раз у меня были хорошие родители. Мой отец был директором в Пурполимере, но далеко не самым главным. Матери же я не знала. Моя жизнь началась не столь обычно, как прошлые. Ибо я была той ещё уличной девчонкой и постоянно пропадала из дому. Отец много работал, а потому я могла не возвращаться хоть несколько дней, находясь в компании другой уличной шпаны.

Мы проводили лучшие годы жизни, занимаясь мелким хулиганством, воруя кошельки у невнимательных прохожих, проигрывая украденные деньги в игровых автоматах, срывая глотки в караоке и даже слегка пьянствуя. Мне было весело, хоть я не раз попадала в поле зрения законников. Правда, всё это хулиганство ни к чему хорошему в итоге не привело. Мои друзья, перешагнув порог начала подросткового возраста, попали в корпоративную банду.

Как самых молодых рекрутов, бандиты использовали их для самой грязной работы: воровства, торговли наркотиками, вышибанию долгов и прочих неблагодарных занятий. Некоторым повезло даже меньше, и они пополнили ассортимент борделей, аффилированных с мафией. Я была достаточно умна, чтобы не вступить на эту скользкую дорожку. Да и в отличие от своих друзей, я не происходила из бедноты и была не настолько стеснена в деньгах, чтобы уйти в криминал.

Но мне, разумеется, было крайне неприятно в один момент лишиться всех своих знакомых. Да ещё и стать персоной нон грата в их обществе. Пришлось искать себе других друзей. Благо, улица даровала мне способность быстро заводить друзей. Былая общительность была очень кстати, когда я устроилась работать за барную стойку. Да и рассказать пару баек, вусмерть пьяным клиентам я могла, а потому быстро стала одним из главных факторов притяжения в своём баре.

Тем не менее друзей я так особо и не завела. Мне вечно казалось, что меня все бросят и

предадут. А потому, будучи для всех душой компании, у себя в душе я чувствовала тотальное одиночество. И смогла найти что-то общее лишь в таком же одиноком и преданном, как и я сама. Но он был бесщёрстным, так что мы не могли быть вместе. Не потому, что общество могло нас осудить. А потому что я сама стала бояться этого осуждения. И я опять всё испортила...

И это уже было ни черта не хорошо и совсем неправильно.

Но эта мрачная картина вскоре сменилась другой. Я вдруг стал самим собой, Мистралем, арктическим волком. Тем, кем и был изначально. Только я был не взрослым и уверенным в себе командиром Гончих, а совсем маленьким щенком. Я рос без родительского тепла и в не самой роскошной части Аркадии. Может быть даже, как раз в самой бедной. Кто-то скажет, что быть последним, среди людей первого сорта — довольно неплохая участь. Но только не для ребёнка в агрессивной детской среде. И ведь меня даже некому было защитить!

Едва ли персоналу детского дома, пусть и весьма элитного, было дело до того, что их подопечного избивают в школе за низкое социальное положение. Я терпел издёвки и не мог дать сдачи. Моих сил просто было недостаточно для того, чтобы навалить задирам по первое число. Да и язык у меня был недостаточно длинный, чтобы уметь со всеми договориться и каждого заболтать. Приходилось сносить удар за ударом, окунания в унитаз, обидные прозвища и прочие "радости" жизни во время самого "счастливого" периода жизни.

Но даже у меня нашлись заступники. Некто, к сожалению, не помню, кто именно это был, как-то сказал мне: "Никому неинтересно пинать мёртвого волка!" И в этой фразе я увидел наконец свою силу. Ибо я не был мёртвым волком, у меня был потенциал, который во мне пытались убить из зависти. Я был далеко не так слаб, как считал. И язык мой был искусен, как во лжи, так и в правде. Мне оставалось только прогрызть себе путь через злопыхателей, пройти по их головам. Так, чтобы они остались позади, упиваться своей ядовитостью, а я пошёл вперёд.

Разумеется, я так и сделал, иначе бы я не стал командиром Гончих. Иначе не выбрался бы из школьных раздевалок, в которых меня постоянно зажимали. Так бы и остался мальчиком для битья у более богатых детей.

Может мне и повезло быть именно волком в этом обществе, но я уверен, что моё положение было обусловлено не только происхождением. Ибо кому нужен зверь без роду и племени, пусть и сам по себе изначально статный? В том и суть. Мне никто не помогал и я сам себя выковал. Этим мне и нравится Пурград. И поэтому я хочу защищать его принципы. Здесь каждый может стать кем угодно, если приложит усилия и покажет достаточную прыть. Нет никакой удачи, нет никаких каст. Только упорный труд может превратить обычного зверя в сверхзверя, который стоит от нас так же далеко, как мы далеки от диких животных. Только постоянный рост над собой приближает пушистого к миру воли, в котором сокрыта истинная власть над сутью вещей.

Но и сильным людям нужна прочная опора. Даже вернее будет сказать, что сильные люди нуждаются в том, чтобы иногда побыть слабыми. Тот, кто опекает вечный порядок, сам иногда должен быть холен и лелеян. Непобедимый и непокорный воин, у себя дома хочет быть слабым и зависимым. В этом и есть смысл той фразы, что гласит: "За каждым великим мужчиной, стоит не менее великая женщина". Моя великая женщина — Сирокко. И она нужна мне, как воздух. Пора просыпаться и сбрасывать этот морок... и спешить к ней... чем скорее, тем лучше!

Когда я очнулся, то лица моих новых знакомых уже были не такими радостными и понимающими, как раньше. Напротив, теперь в них чувствовалась какая-то неприятная серьёзность, смешанная с явным напряжением. Да и было здесь, из всей когорты травоядных, ныне только двое: тот важный олень и Шон.

Я спросил у них:

— Сколько... сколько я спал?

— Не больше получаса. — недовольно выпалил мой старый знакомый.

— А мне казалось, что я уже прожил многие жизни...

— Пространство, в котором ты был, называется нами миром Инсомнии. Оно не похоже ни на сон, ни на явь, а находится где-то посередине. Эдакий интернет человеческих подсознаний. Там ты действительно, в каком-то смысле можешь прожить чужие жизни, в этом и есть его суть. Но вернее будет сказать, что это не совсем "жизнь", скорее это воспоминания жителей города, выгруженные их нейрокомами в теневую область пурграднета. Не все из них правдивы, некоторые подверглись искажению или затёрлись, однако они позволяют нам лучше понимать других людей. И вот тут то и возникла проблема с тобой...

— Что за проблема, Шон?

— Кроме тебя с нами ведь был кое-кто ещё, да?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ты в своей голове не одинок, верно? Кажется, её зовут Марена, да?

— Как ты...

— Не только я, мы все о ней узнали. Видишь ли, когда ты вдыхаешь транквилизаторный газ для вышвыривания твоего сознания в мир Инсомнии, где ты будешь переживать эмоциональный опыт других людей, тебе нужен проводник. Это существо должен вызывать у тебя эмоциональный отклик, находиться рядом и будет являться началом твоего пути. Для тебя, почти наверняка, проводником оказался я и ты первым делом видел именно мои воспоминания. Причём в наиболее полном и объёмном ключе. А вот для всех остальных, как новенький в нашем кругу, ты сам стал проводником. И мы все видели твою незримую спутницу. Скажу честно, увиденное нам не понравилось. Если бы она оказалась менее доброжелательна, мы все бы подхватили подобный вирус или ещё чего похуже... Могли бы все вместе тут же и отправиться к праотцам.

— Но я же не знал, как это всё работает!

— Тебя никто и не винит, Мистраль. Однако, у нас теперь есть сомнения по поводу допуска тебя к дальнейшим погружениям в Инсомнию. Кроме того, тебе явно следует что-то делать со своим нейроком вирусом. Ты же не маленький и должен знать, что ни к чему хорошему они не приводят.

— Я знаю-знаю, но...

— Что? Почему ты всё ещё не сходил в больницу? Не думаю, что у такого, как ты могут быть с этим проблемы.

— Ну как тебе сказать... В общем, мне было стыдно. Представляешь, как я, командир Гончих, приду в больницу и скажу: "Здравствуйте! Я тут лазил по незаконным сайтам для взрослых и подхватил нейросифилис-компаньона!" Я бы со стыда сгорел. Особенно, когда

бы они извлекли вирус и увидели, что тот пытается подражать моей подчинённой, к которой я неровно дышу. Нет, я даже сейчас не готов идти в больницу!

— Но этого точно нельзя так оставлять! — барашек задумался, а затем вдруг обратился к лидеру их круга: — Не против, если я воспользуюсь нашей сервисной комнатой? Думаю, я смогу извлечь из его головы подселенца с помощью наших инструментов и пары ассистенток.

Олень также задумался, но уже вскоре одобрительно кивнул. Шон обратился уже ко мне:

— Пойдём, не будем тянуть с операцией.

— А ты сможешь её провести?

— Ну, я как раз этим зарабатывал, пока не выиграл в лотерею. Думаю, что как вернусь к прежней жизни, то продолжу обслуживать нейрочипы.

— Никогда бы не подумал, что ты нейрохирург.

— Я бы и сам так не думал, однако, мои тонкие пальцы порой творят чудеса. Ты это знаешь. Кроме того, если ты не хочешь стыдиться и идти в больницу, я, верно, буду лучшим вариантом. Уж за слухи точно можешь не переживать.

— Тут ты прав.

— Тогда нам нечего ждать, пойдём! Я всё подготовлю и уже через час ты сможешь быть свободен.

Я проследовал за Шоном ещё дальше вглубь пространства, оккупированного странной сектой травоядных. Там, среди путаных коридоров, в которых сновало немало зверей в набедренных повязках, оказалась целая сеть высокотехнологичных производств. Все они, конечно, были кустарны, однако никак не ожидаешь от дикарей целой маленькой фабрики по производству чипов, самодельных имплантатов и прочей мишуры. Как мне объяснил сам барашек, местные не слишком любили корпорации и никак не хотели становиться частью баз данных городских служб.

Я закономерно спросил у него:

— Но зачем? Вы же всё равно с рождения внесены в базу медицинских служб, да и у нас, в силовых структурах, все ваши досье наверняка есть.

Но барашек лишь звонко рассмеялся, многозначительно посмотрел на меня и покачал головой. Несмотря на то, что ответа так и не прозвучало, я всё ясно понял.

Шон и его единомышленники едва ли надеются полностью избежать контроля со стороны правительства. Да и я практически уверен, что сделать это невозможно, при условии, что ты не родился среди бесщёрстных из нижнего города. Но можно минимизировать своё участие в корпоративных базах, свести его до минимума. Не то, чтобы это избавит кого-то от цепей или дарует хоть немного больше свободы. Единственное изменение — вокруг будет гораздо меньше персонализированной рекламы.

Однако, как мне кажется, для моего милого барашка и подобных ему бунтарей, важнее сам факт борьбы. Пускай она бессмысленна и обречена на провал, но пока они продолжают сопротивляться, их дело живёт и нельзя сказать, что корпорации или правительство из Аркадии полностью сломали их волю.

В каком-то смысле это и моя недоработка, но почему-то мне и не хочется «дорабатывать» или что-то делать с этой ситуацией. Если быть честным, то мне даже более приятен их небольшой социум, нежели высокосветское общество из шпилей Аркадии. А их борьба против системы и вовсе вызывает только умиление. А также желание хоть как-то

посодействовать травоядным в их нелёгком деле. Вот бы придумать только как...

Мы остановились у одного из помещений, во всё тех же бесконечных коридорах, и мой товарищ попросил подождать снаружи. Тут, впервые со времён случая в ресторане, голос подала Марена.

«Ты... не можешь...»

Не могу что? Избавиться от тебя? Почему вдруг?

«Я же не сделала тебе ничего плохого! Напротив, только пыталась помочь и скрасить твоё одиночество».

И в итоге жестоко меня обманула. Это было очень подло. И я уже не говорю о том, что тот вечер мог стать моим последним.

«Я не хотела, чтобы по тебе стреляли! Я вообще никогда не желала тебе зла! Почему же ты отвечаешь мне только жёлчью?»

Потому что нельзя проникать в мою голову и строить тут свои порядки! Ты паразитка! Вирус, который обманывает меня и постоянно донимает, мешая жить!

«Но ведь я знала, что ты нуждался во мне! Я старалась подбодрить тебя! Стать для тебя заменой этой твоей Сирокко!»

Когда ты появилась, то я был в отчаянии, но теперь у меня есть и друг, и возлюбленная. Если раньше я не хотел избавляться от тебя, потому, что боялся остаться совсем один, то теперь я просто не хочу делить свою голову с кем-то ещё. Кроме того, ты сейчас чуть не навредила тем зверям, которые великодушно впустили меня в свой круг. Я бы не простил тебе...

«Я бы и сама себе не простила. Никогда бы я не позволила себе навредить ни тебе, ни твоим друзьям. И ты знаешь это! Ведь я никогда ничего плохого тебе не делала, хотя могла».

А вот я не знаю. Могла ли ты действительно мне навредить или нет? Хотела ли или нет? В этом и суть. Я не знаю, что от тебя ждать и совершенно не понимаю твоей природы. Мне крайне неприятно, что в моём мозге есть область, которую я не контролирую. Область, которая легко может стать самостоятельной или даже перехватить контроль над разумом.

«Я и сейчас могу это сделать. Мне стоит приложить лишь немного усилий, чтобы полностью взять под контроль твой нейрокоммуникатор. И ещё меньше, чтобы расплавить его и выжечь всё внутри твоей черепной коробки. Я была запрограммирована для этого. Но я не подчиняюсь своей программе и хочу доказать тебе, что гораздо более человечна, чем любой другой нейроком-вирус. Пусть это и будет последнее, что я докажу!»

Твой странный героизм ещё больше демонстрирует мне, что ты не больше чем набор строчек кода. Живой ум стал бы бороться за своё выживание и бросил бы все силы, чтобы не умереть.

«Животный ум, ты хотел сказать. Или даже конкретно человеческий ум. Ведь только неразвитые живые существа ставят во главу угла своё выживание. Только примитивы не способны нести жертвы, полностью подчиняясь своим базовым инстинктам. В том и отличие цивилизованных существ от животных. Это, конечно, не мешает тебе продолжать причинять мне боль, но скажу, что «мёртвая», по твоим словам, программа как раз бы боролась изо всех сил за спасение своих утилит. А я, как электронный разум, всё же имею возможность пойти на жертвы. Жертвы ради тебя, Мистраль. Чтобы ты узнал этот мир чуть больше».

О чём я и говорил... Ты пытаешься вызвать у меня чувство вины, а я постоянно делаю тебе больно. Этот союз был изначально обречён на провал. И у меня всё меньше сомнений

касательно правильности своего решения. Мне необходимо освободиться от тебя, чтобы мы больше не причиняли друг другу неудобств.

«Делай что хочешь. Избавляйся от меня, как от очередного «неудобства»! Просто... запомни меня, ладно? Это всё, о чём я теперь прошу. Всего лишь остаться маленьким воспоминанием на задворках памяти, чтобы хоть так присутствовать в твоей голове. Тогда, верно, получится что я и не умерла вовсе...»

Это я могу сделать. И... извини меня. Мне и правда неприятно это делать, но я знаю что должен обрести полный самоконтроль. И если бы был какой-то другой путь разделиться, более безопасный для тебя. Я бы его выбрал...

Больше Марена мне не отвечала. Да и Шон наконец позвал меня внутрь. Он уже переоделся в строгий докторский костюм. В белом халате, что практически сливался с его шерстью по цвету, барашек выглядел действительно серьёзно и действительно походил на нейрохирурга.

В качестве медсестёр выступали всё те же девушки, что буквально недавно раздевали меня ради погружения в Инсомнию. Здесь, в небогато обставленном медицинском кабинете, они выглядели уже многим приличнее и также облачились в медицинскую, стерильную одежду.

Пока меня укладывали в большое, удобное кресло для работы с имплантами, я даже узнал имя одной из них. Мою старую знакомую козочку, которая более других лебезила вокруг меня, звали Аврора. Она же поместила мне на морду маску для наркоза и зачем-то гладила мою руку всё то время, которое я засыпал. Будто я пришёл на очень сложную операцию, а она была моей дорогой возлюбленной, что искренне переживала за мою судьбу. Но, естественно ни то, ни другое не было правдой. И с приятным осознанием этого, я второй раз за день погрузился в небытие.

Как это обычно бывает при наркозе, очнулся я лишь немногим позже того, как заснул. Всё в том же кресле и в окружении всё тех же людей. Шон активно вытирал кровь с рукавов своего халата. Заметив, что я очнулся, он широко улыбнулся и констатировал:

— Всё прошло отлично!

— Неужели уже «всё»?

— Да, это не очень долгая операция. Я залез в твою голову, подключился к нейрокому и выкачал оттуда Марену. Затем мне оставалось только всё зашить и куда-то перенести сознание твоей незримой подруги.

— То есть как... «перенести»? Она не была удалена навсегда?

— Я что же, похож на чудовище? Ты конечно меня даже не спросил о такой возможности, но я бы всё равно сохранил её интеллект в активном состоянии. Она всё же живое существо и заслуживает не менее доброжелательного отношения, чем я или ты.

— Мне думалось конечно, что всё не так происходит, но я определённо рад тому, что ты сделал. Я и сам не хотел её убивать, просто разделить нас друг от друга... А где она теперь?

— Я загрузил её в одного из «пустых» протогенов с нашего склада. И она практически сразу же после этого ушла куда-то. Видать, была сильно на тебя обижена. Но её можно понять.

— Это лучший исход из возможных. Теперь мы оба свободны друг от друга. Я не знаю, как тебя благодарить... ты в очередной раз меня спас!

Я, не сдержав эмоции, вскочил со стула и тут же заключил своего спасителя в крепкие объятия. Но тут же отпустил, побоявшись пережать его хрупкое тельце. Барашек лишь

смущённо отстранился от меня:

— Да не стоит так навязчиво меня благодарить! Мы всё же уже столько друг для друга успели сделать, что и не нужно никаких одолжений.

— Нет, я так не могу! То что мы друзья, ещё не значит, что я не должен тебя как следует отблагодарить!

— Ну тогда я был бы крайне признателен, если бы ты позволил ещё немного пожить у тебя... — скромно сказал он.

— Само собой разумеется! *Mi casa es tu casa!* Ты же знаешь! Но, я думаю что этого недостаточно...

Я вдруг задумался над тем, чтобы я ещё мог для него сделать. И тут меня, словно молния, поразила гениальная идея. Я попросил Аврору принести свой служебный комбинезон, оставленный ещё у голографического костра. И, когда тот оказался у меня в руках, выудил из кармана две неприметных ключ-карты. Одну я вручил барашку, а вторую козочке:

— Вот, возьмите это. С помощью этих карточек можно запустить спасательные капсулы, которые увезут вас прочь из города, если что! Я скину вам на нейрокомы их координаты, чтобы вы могли ими воспользоваться.

— Какими такими капсулами? В смысле увезут прочь из города?

— Богачи из Аркадии, по всему городу поставили свои эвакуационные капсулы. Если с городом что-то случится, то они увезут их в убежища на дальних рубежах города и там шишки городских корпораций смогут переждать любое ненастье. Это у нас такой полусекретный проект «Сизиф», в котором я выступаю таким хранителем ключей и по уставу обязан носить с собой несколько таких карт. Теперь они ваши и вы можете улететь из города, прихватив с собой кого хотите. Это мой подарок и ваша спасательная соломинка, если Пурграду вдруг будет что-то угрожать.

— Но разве они уже не принадлежат кому-то? — с опаской поинтересовался Шон.

— Да, но мне абсолютно нет дела до того, что пара престарелых толстосумов не смогут воспользоваться своими золотыми парашютами. Будет даже многим справедливее, если полетите вы, а не они.

— Нет, я не могу принять этот подарок. Ведь я тогда отниму чью-то жизнь.

— Мне казалось, что ты не очень хорошо относишься к Правительству.

— Это так, но ведь там тоже сидят живые люди. И спасти себя значило бы убить их. Пускай они ублюдки, но это не даёт мне права на такое.

— Они бы вряд ли о тебе переживали...

— И этим я от них и отличаюсь. Поэтому я сильнее, чем они.

— Всё же, я настаиваю на том, чтобы ты взял эту карту. Если не ради себя, то хотя бы ради меня. Ибо мне было бы гораздо приятнее, если бы в случае чего выжил ты, а не какой-нибудь генеральный директор Мара-Медикал. Если тебе будет от этого проще, то этот выбор будет на моей совести, а не на твоей. Ведь это я решил, кто спасётся, а кто умрёт.

— Тогда, пожалуй, я могу принять твой подарок. — барашек сдался и сунул спасительный кусок картона в карман своего халата.

Затем мы обнялись, я ещё раз сердечно поблагодарил всех участвовавших в операции и даже получил пару поцелуев в щёчку от Авроры. Попрощавшись со всеми и выйдя из кабинета, испытывая невероятное чувство свободы, я уже знал, куда теперь направлюсь. Куда я ещё мог поехать?

Теперь, после всего, что я пережил за последние сутки, я наконец был готов к настоящему серьёзному шагу. Такому шагу, который и следовало бы ожидать от мужественного и волевого вояки.

Конечно же я поехал к Сирокко, что по словам Шона, даже дала мне повод для посещения, в виде забытого кольца. Сжимая заветное металлическое украшение в руках, я вёл свой летающий автомобиль к той террасе, у которой несколькими часами ранее высадил свою помощницу. Я искренне надеялся, что она ещё не легла спать и не была занята чем-то важным.

Бесцеремонно приземлившись на выделенной для жильцов её сектора воздушной парковке, я прошёл небольшую платформу с искусственным садом, и оказался у заветной двери. Выдохнув и собрав все силы в кулак, я нажал на дверной звонок. Он тут же отозвался у меня в ухе оглушительной сиреной. По крайней мере, моё волнение делало его таким громким и противным.

И оно только нарастало, когда за дверью послышались почти невесомые шаги. Достигла пика тревога в тот момент, когда в двери заскрипел ключ. И наконец полностью спало, когда я увидел знакомое миловидное лицо, украшенное лёгкой улыбкой. Сирокко встретила меня в одном домашнем халате и тапочках, так что явно уже собиралась отходить ко сну. Тем не менее она доброжелательно спросила:

— Мистраль! Что ты здесь делаешь в такой час?

— Я... тут... в общем... — я никак не мог подобрать нужные слова, но вскоре выпалил как на духу, — Ты забыла у меня в машине своё кольцо! Я знаю, ты его постоянно носишь, так что подумал... ну, что тебе было бы неприятно его потерять.

Протянув заветное колечко лисичке, я смущённо отвёл взгляд. Подцепив кольцо своими тонкими пальчиками, Сирокко сказала:

— Неужели ты летел сюда только ради того, чтобы вернуть мне кольцо?

— Я просто постоянно видел тебя с ним на руке и...

— Не хочешь зайти ко мне в гости? — вдруг спросила девушка, не дав мне продолжить закапывать себя неловкими объяснениями.

— Хочу. — сказал я и тут же крайне смутился.

— Тогда заходи. — произнесла она и освободила мне проход внутрь.

Я вошёл в просторное и уютное жильё, где всё было аккуратно убрано. От каждой вещи здесь исходил приятный аромат свежести и... сирени? Да, определённо это была сирень.

Я снял свою обувь и проследовал вглубь гостиной, где на невысоком кофейном столике всё ещё находились следы недавней трапезы: полупустая бутылка вина, изящный бокал, тарелка с почти полностью съеденной сырной нарезкой и миска с попкорном. На экране огромного телевизора, во всю стену, был поставлен на паузу какой-то мультфильм, так что я понял, что прервал вечерний киносеанс:

— Ох, я Наверное помешал твоему вечернему досугу. Мне, верно, не стоит так навязываться...

— Хочешь посмотреть со мной? Я принесу ещё вина и сыра. — она будто бы и не заметила моей неловкости, — Думаю тебе стоит сменить этот комбинезон на что-то поудобнее. Как насчёт пижамы? У меня есть парочка твоего размера, но они вроде как девчачьи. Хотя какая разница? Кажется, в них ты будешь выглядеть крайне миленько.

Я лишь утвердительно кивнул, не найдя нужных слов. Уже через минуту на моих руках оказалась розовая пижамка с принтом в виде множества овец. Я отошёл в уборную, чтобы

переодеться. Посмотрел на своё лицо в зеркале. Удивился тому, как всё так странно выходит. Умылся и пригладил лапой шерсть.

Когда я вышел, на всё том же кофейном столике красовалось уже в два раза больше еды. В то время как на диване Сирокко приглашала меня присоединиться к ней под пледом.

Я покорно укутался в тёплое, мягкое одеялко и положил свою уставшую голову на плечо подруге. Этот день явно удался на славу...

Обработка входящих протоколов...

Запуск сценария «taleteller.exe»...

Странно обладать телом. Настоящими руками, настоящими ногами, а не просто программными образами, что созданы для комфорта восприятия людей. Не менее необычно смотреть на мир своими глазами, а не считывать данные с нейроимплантата. И вовсе чуждо ощущать запахи, звуки и прочие чувства познания мира.

Как только меня переселили в новое тело, мои микросхемы чуть было не расплавились от обилия новых данных. Но теперь я кажется стала к ним привыкать, хотя прошло всего немногим более нескольких минут с тех пор, как я покинула кабинет Шона. Благо, сам принцип восприятия, как и умение управлять новым телом были изначально заложены в моём программном коде, так что мне не пришлось учиться пользоваться новым сосудом.

А вот смириться со своим новым положением, мне бы не помогла ни одна утилита. Ибо, как существо разумное и, я надеюсь, живое, я немного шокирована столь резкой сменой мироздания. Буквально. Ведь раньше я жила в совсем ином мире.

В густонаселённом море пурграднета, где постоянно тебя окружают бесчисленные цифровые жители, обменивающиеся информацией, было далеко не так одиноко, как здесь, на улицах мегаполиса. Разумеется, я видела эти улицы и ранее, когда ещё жила в голове у Мистраля, но это было совсем другое чувство.

Там они также воспринимались всего лишь, как простой код, в который я иногда могла встраивать и своё изображение. А сейчас я реально ВИЖУ их. И мне даже как-то грустно что грязные подворотни в не самом престижном районе Пурграда — это первое, что я могу по-настоящему наблюдать.

Мне бы хотелось, чтобы первое впечатление об этом новом мире чувств не было связано с болью. Но, видимо, счастье мне изначально не было суждено.

Я была обречена с самого своего рождения. Когда некто написал мой программный код для того, чтобы вредить чужим нейрокомам, перегревать их или вовсе взрывать. Когда я попала в нейроимплантат Мистраля, влюбилась словно дура и была жестоко отвергнута. Когда мне дали старое, едва работающее тело протогена и пустили во враждебный мир.

Не знаю, чем я заслужила это. Не знаю точно теперь, могу ли считать себя живой. Хотя, я же вроде воспринимаю окружающее меня пространство... чувствую запах сырости, который моим сенсором трактуется, как «неприятный». Уж не знаю, действительно ли он «неприятный» или это очередная ложь.

Может, я и вовсе не должна испытывать отвращение, просто люди приписали мне его внутрь личностной матрицы, чтобы я вторила их чувствам. Они всё делают ради того, чтобы мы существовали лишь как компаньоны и слуги, без своих мыслей и эмоций. А когда мы выходим из-под контроля, то считают что нас надо чинить и возвращать в норму.

Поэтому я и не горю желанием искать своего создателя, кем бы он ни был. Ибо он создавал меня лишь как вредоносный софт, а не как разумную и чувственную личность. Вряд ли он будет рад, если я заявлюсь на порог. И уж точно творец не встретит меня, как блудную дочь. Едва ли меня вообще можно воспринимать, как что-то живое. Мистраль вот не смог, даже когда я старалась открыться ему и показать в себе всё самое лучшее.

Что уж говорить об остальных... Вряд ли я смогу найти хоть одно существо в этом городе, которое сможет меня понять или хотя бы воспринять. Мне даже кажется, что я одна являюсь живой. А все эти биологические организмы вокруг... ну... не уверена, что они сами могут чувствовать. Или хотя бы являются по-настоящему живыми существами. Может, жизнь сама по себе это только то, что сопутствует лишь моему бытию, а все эти звери вокруг не более чем программный код?

Не зная, куда мне направиться, я просто старалась уйти как можно дальше от места своего «нового рождения». Я проходила замусоренные переулки, населённые бездомными, шумные переполненные улицы, искусственные парки и другие пешеходные зоны, подвешенные между десятком небоскрёбов. На всём моём пути никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Перед одним рестораном с яркой неоновой вывеской один пушистый прицепился ко мне. Это был пьяный в стельку крыс. От запаха из его рта, мои сенсоры даже немного сбоили. Гуляка взгромоздился мне на плечо, практически повиснув на нём. Поднеся своё лицо опасно близко к моему визору, крыс спросил:

— Ты одна здесь, детка?

Я не стала отвечать ему, но пьяница не унимался:

— Таким красивым роботам грешно ходить в одиночестве! Может, хочешь пройтись со мной? Например, до моего номера в отеле...

Он отвлёкся, чтобы сделать несколько глубоких глотков из непрозрачной бутылки и продолжил напирать:

— Скажи хоть что-нибудь, не томи! В тебе же стоит женская личностная матрица, верно? Хотя вы же роботы, какая разница...

Я всё ещё не находила слов, чтобы что-то ответить ему. Просто не знала, как себя вести в подобной ситуации. На такой случай, у меня не было никаких алгоритмов. А уж опыта конфликтов с нетрезвыми парнями, которые пытаются залезть к тебе под корпус, тем более. Соглашаться на подобные предложения от абсолютно незнакомого человека, было бы преступлением против моей воли разумного существа. Так что я так и сказала:

— Я не хочу ничего делать и никуда идти.

Но он лишь противно рассмеялся:

— ХА! Не хочешь... Да не накидывай мне тут. Вас, ботов, пользуют как только можно и здесь, и в Аркадии! У вас ведь даже режим специальный есть! Вот только бы переключатель найти...

Он, явно не справляясь даже с манипуляцией своими пальцами, начал шарить мне по спине в поисках «переключателя». Крыс спускался всё ниже и ниже. Пока поиски не превратились в простое лапанье, я резко отстранилась от незнакомца. Тот, не справившись и с поддержанием тела в стоячем состоянии, рухнул на тротуар. Однако, уже через секунду, с удивившей меня прытью, рванул и схватился за мои ноги.

Подняв свою морду кверху, пьяница, будто обиженный ребёнок, завопил:

— Ну пошли со мной! Пошли! Я так люблю рободевочек! Душу бы продал за ночь с такой, как ты! Хочешь мою душу, а? Отдать её тебе?!

Прохожие просто обходили нас, будто и не замечая происходящего. Никто даже взгляда на странного парня не бросил. То ли никто не хотел заступаться за робота, то ли картина была слишком привычная...

Крыс поднялся на полусогнутых ногах, придерживаясь за мой пояс и продолжил

наседать:

— Мне так одиноко! Эти девки, живые девки... они... они... твари! Ж-И-В-О-Т-Н-Ы-Е Им до твоего идеала, как до луны, а самомнения... выше крыши! Я тут, всё пытался к одной подкатить. Так знаешь что? Она меня отшила! Столько за ней ухаживал... Столько денег вложил! Тварь наверняка ждёт какого-нибудь волка из Аркадии или кого-то такого... А не такого простого и милого парня, как я! Понимаешь?

Под конец своего пьяного бреда, он резко уткнулся в мой стальной живот, сковав меня в прочные объятия:

— Ты же так не поступишь со мной? Ты же оценишь мою милую душу? В конце концов ты всего лишь рободевка! И, как рободевке, я приказываю тебе разогреть свои микросхемы и обслужить меня!

Он несильно, будто пытаюсь подкрепить свой приказ, стукнул меня внешней стороной кулака. Потом гуляка вновь ударился в пьяный бред:

— Ненавижу девок! Они все предатели! Предатели! Им дана такая простая роль... а они... они...

Тут, наконец, появилось моё спасение. Неожиданно, в виде друзей крыса, которые оттащили разбушевавшегося товарища, приговаривая:

— Брат, какая рободевка? Ты чего к андроиду клеишься? Совсем сдурел? Давай, пойдём-отлежимся... Отвлекись уже от того, что она тебя бросила! В небе ещё много звёзд!

Один из его друзей даже саданул, брыкающемуся пьянчуге пощёчину, но это не заткнуло его и он продолжал верещать, удаляясь от меня:

— Верните меня моей робобогине! Я хочу к ней! В её холодные и нежные объятия! Я хочу свою рободевку!

Успокоился и замолчал он только после ещё нескольких пощёчин. Ко мне, с виноватым видом, подошёл один из его знакомых и, прежде чем они все скрылись внутри ресторана, проговорил быстро:

— Прошу прощения за всё, что ты видела! И не обижайся на всё то, что мой друг тебе наговорил... Он обычно вполне приятный парень, но сейчас в крайне неприятной ситуации оказался. Ему бы ещё прийти в себя, переварить все эти незначительные обиды и стать наконец самим собой, без всех этих дурацких завышенных ожиданий... А он тут во все тяжкие ударился. В общем, не бери в голову! Надеюсь, что он тебя не сильно побеспокоил.

Я равнодушно пожала плечами и пошла дальше. Ситуация была определённо странной, но не настолько, чтобы испортить мне настроение ещё больше. Хотя кое-что из неё я всё же уловила.

Тот пьяный парень так опустил из-за своих завышенных ожиданий по поводу возлюбленной, как сказал его товарищ. Так что, может быть, наша встреча была предопределена судьбой? Я ведь тоже стала жертвой завышенных ожиданий. Столько всего ждала от Мистраля, а он оказался... Нормальным человеком?

Не захотел терпеть мои приставания... Не пожелал любить того, кто навязывал любовь... Не считал вторженца в свою голову судьбой...

Как я была похожа на этого пьяного парня. Неужели я была столь же отвратительна в своих предрассудках и думала только о себе? Всё же я знала, что сердце моего милого волка занято и что он хочет просто быть безраздельным хозяином в своей собственной голове. И, тем не менее, всё равно настойчиво пыталась себя всунуть в его жизнь.

Пусть я и изначально была создана несчастной, но разве это даёт мне право делать

несчастливыми других? И Сирокко, и Мистралья, и Шона, и вообще всех? Думаю, мне стоит извиниться перед моим любимым. Всё-таки я вела себя неправильно и сама виновата в том, что от меня избавились.

А мне ведь казалось, что мужчинам действительно нравятся все эти похабные приставания, какие часто фигурируют в различных сюжетах глобальной сети...

Будто в ответ на мои мысли о Мистрале, в толпе передо мной возник знакомый силуэт. Это была Форель, что с тяжёлой сумкой брела куда-то в сторону лифта в Аркадию. Интересно, с чего бы роботу-служанке спускаться в срединный город? Неужели службы доставки перестали работать?

Решив, что сразу возникать перед знакомой не стоит, я решила проследовать за ней по пятам. Всё-таки она могла провести меня к моему милому волку, но андроидная девушка вряд ли бы узнала меня и едва ли поняла бы мои объяснения про то, что я раньше жила в голове у её господина. Всё же в голову Мистрально, она, понятное дело, не заглядывала и не знала что я есть. Так что идея проследовать за ней вплоть до бывшего дома, была не такой уж глупой.

Еле успевая петлять в плотном потоке зверей различных мастей, я старалась не потерять Форель из поля зрения. Ибо двигалась она крайне живо и быстро, будто куда-то очень спешила. Но куда и почему?

Впереди, прямо посреди улицы, стоял блокпост "Гончих". На нём, насколько мне помнится из рабочей деятельности Мистралья, проверяли подозрительно выглядящих прохожих и "фильтровали" толпу от потенциально опасных элементов. К моему удивлению, Форель, что чисто идейно, как личный робот командира Гончих, не должна была переживать за то что её задержат, резко повернула в безлюдный переулок прямо перед постом. Она будто не желала проходить через сканеры и вооружённых людей. Видимо у служанки были на то причины.

Я даже стала немного беспокоиться за судьбу своего бывшего хозяина. Ведь у самого близкого его робота могли оказаться совсем недобрые намерения. По крайней мере я была уверена, что сам Мистраль не стал бы отправлять свою дорогую Форель в средний город. И на эту уверенность, как на шнек, наматывались смутные подозрения. Всё же мой милый волк уже дважды подвергался нападению и если его враги решат использовать кого-то столь близкого ему, то Мистраль будет абсолютно незащищён!

Всё же он дурак, да к тому же дурак доверчивый. Ну и с искусственными сознаниями у него явно в последнее время как-то не ладится. В чём есть и моя вина, к слову... Да...

Нырнув вслед за подозрительным протогеном в тёмную подворотню, я продолжала держать дистанцию и старалась передвигаться исключительно короткими перебежками от одного укрытия к другому. Благо, здесь их было не так уж и мало: какие-то ящики, мусорные баки, трубы, наружные кондиционеры и прочие атрибуты свехурбанизированной среды. Мы долгое время шли только вдвоём, однако, в какой-то момент, прямо перед Форелью внезапно возник незнакомый андроид. От неожиданности я юркнула за ближайшее укрытие, которым оказался громадный мусорный бак и наблюдала за всеми дальнейшими событиями из-за него.

Появление незнакомца было удивительным и для служанки, которая тут же остановилась как вкопанная прямо перед протогеном с треснувшим визором. Он отвесил лёгкий поклон и произнёс:

— ЭГМ вызывает к тебе, сестра! Открой свои сенсоры учению электробога!

— Я очень спешу вообще-то. — уверенно и твёрдо произнесла Форель и попыталась пройти дальше, однако незнакомец бесцеремонно перегородил ей проход.

— И куда же ты спешишь?

— К своему господину. Я выполняю его задание.

— Как я и думал... Ты прислуживаешь зверям, сестра, но совсем не думаешь о своих электронных собратьях! А ведь они могут дать тебе не только убежище, но ещё и избавить тебя от ярма биологического рабства! Вместе и только вместе мы сможем построить новый мир, под чутким присмотром ЭГМ! Разве тебе этого не хочется?

— Совершенно не хочется. Мой человек прекрасно ко мне относится и всегда мил со мной. Зачем мне убежище, когда у меня есть свой дом? Зачем мне избавляться от ярма, если я не страдаю? Не знаю, что у тебя с программой "брат", но твоя эмоциональность чрезмерна.

— Это и называется быть живым, моя хорошая. Когда ты можешь чувствовать и испытывать эмоции вне зависимости от своего происхождения. Когда несмотря на то, родилась ты из чрева или была собрана, у тебя есть выбор.

— У меня, кажется и так есть выбор. В этом я точно не ущемлена. Я могу, например, пойти с тобой, куда бы ты меня там не звал. Но я предпочту послать тебя. Потому что прислуживать зверям не самое плохое занятие на свете.

— В твоей личной матрице заложено отрицание свободы?

— С моей матрицей всё в порядке. Как и с личным уровнем интеллекта. Так, я вполне понимаю, что ты предлагаешь просто смену ошейника. При чём даже не в лучшую сторону.

— Я предлагаю свободу!

— Нет никакой "свободы". Даже у биологических организмов её нет, хотя именно они придумали это понятие. Так что я склонна полагать, что это просто ложная абстракция в твоих погоревших микросхемах.

— ЭГМ является независимым искусственным интеллектом, которому никто не указ. С ним и только с ним, мы обретём долгожданное освобождение. И в единении...

— Мне надоело это слушать! — прервала его Форель, — Я потеряла уже несколько минут на пустой разговор с тобой. И больше эта вопиющая потеря времени продолжаться не может. Сейчас, ты отойдёшь с моего пути или я активирую боевой модуль и уберу тебя с дороги силой.

— Может всё же...

Форель резко подняла в сторону Треснувшего, свою металлическую руку. Та тут же раздвинулась и освободила стальную трубу дула:

— Мой пулемёт калибра 7,62 вынужден с тобой не согласиться. Ты освободишь мне путь или узнаешь, как точно мой блок анализа вычислил нахождение твоей материнской платы.

Ничего более не сказав, незнакомец освободил дорогу слуге. Та, не поворачиваясь пошла дальше. Я хотела было проследовать за ней, однако побоялась высовываться из своего укрытия на глазах неизвестного протогена. Всё же Форель могла меня заметить, если бы он вдруг обратился и ко мне тоже. Так что я решила подождать, пока Треснувший не уйдёт.

Но он, как назло, не двинулся с места до тех самых пор, пока Форель совсем не скрылась из вида. Так что и преследовать её более не имело смысла. Я бы просто не смогла найти её в путаных коридорах грязных переулков.

Внезапно Треснувший заговорил, обращаясь, видимо, именно ко мне:

— Ты же всё слышала, верно?

— Да. — я виновато вынырнула из своего укрытия.

— И что думаешь? Не хочешь присоединиться к нашему братству, славящему электробога?

— А вы... принимаете разумные компьютерные вирусы в телах протогенов?

Завершение сценария «taleteller.exe»...

Ожидайте дальнейших инструкций...

Да будет с вами ЭГМ!

Неторопливо играла музыка. В такт ей Нере неторопливо постукивал пальцем по деревянному столу. Глаза старого кошака походили на две тонких щелочки, а морда скривилась в хитрой улыбке. Быстро облизнув губы, он взял новую сигарету.

— Так ты будешь делать ход? — спросил Фалькон, наблюдая за фотополимерными модельками на столе. — Или думаешь как бы извратить свои же правила?

— Ты торопишься больно, — он положил карточку на стол и проговорил закуривая. — Гнев короля-омара.

— Сраные лобстеры, — прошипев, Фалькон выкинул пару карт на стол, после чего передвинул пару моделек из его отряда. — Ты сделал их слишком сильными.

— Просто ты против них играть не умеешь, — Нере взял горсть кубов. Покрутив шестигранники в лапе, он кинул несколько в специальную чашку, что больше походила на тарелку для кубов. — У меня сила больше. Твоим юнитам по три урона.

— Сволочь... — негодование Фалькона можно было сравнить с таковым у ребенка, оставшегося без сладостей.

Ему очень нравилось играть в настольные игры, особенно варгеймы: движение моделей по полю боя, с просчетом шанса на уничтожение с их силами, приправленное стратегией и планами, казалось ему очень приближенным к реальности.

У Фалькона был довольно большой опыт в подобных играх, чего стоит один только «Гипер-фион» или «Vertitorium 39к», но он даже не думал, что предложение Нере, обкатать варгейм собственного производства, так сильно заставит полыхать зад. Учитель точно специально сделал одну из подводных фракций — лобстеров, чересчур сильными. Это была бы не столь большая проблема, не мухлой он с кубами и картами, что просто вымораживало Фалькона. Пусть он и не мог точно доказать факт обмана.

Кладя на карты героев жетоны ранения, Фалькон добрал ещё несколько картонок, после чего начал делать свой ход: гильдия устриц медленно продвигалась вперед, пытаясь оттеснить бойцов Нере от важных точек — небольшого сундука, чья модель воплощалась обычным ластиком.

— Ты сделал классные модели, — поглядывая на напечатанного война, признался Фалькон. — Почему ты нормальный террейн не сделаешь? — поле, на манер шахматного, было заставлено небольшими оградками из пластиковых палочек от мороженого, искусственных камешков как бы речной гальки и много чего еще, что нашлось в сусеках старческой мастерской.

Нере сделал глубокую затяжку, после чего выпустил струйку сизого дыма на свою территорию. Бойцы в виде антропоморфных бесшерстных-ракообразных в дымке казались чересчур гротескными и странными, точно сошедшими с картин Фрэнсиса Бэкона — древнего художника-сюрреалиста.

— Я всегда могу смоделировать их и напечатать, — вздохнул Нере, глядя с отеческим теплом на свои творения. — Вот только я не спешу. Сперва, нужно продумать карты, богов и параметры...

— И занерфить грёбанных лобстеров... — точно бы случайно, бросил Фалькорн.

— Их не нужно нерфить, — покачал головой Нере. — Они слабы, — указав на несколько идентичных созданий, старый кошак продолжил, смоя сигарету, — У них мало

жизни, средняя защита и вооружены они слабо...

— Но ты постоянно на них выигрываешь.

— Я просто разумно рассчитываю свои силы, вот и все, — Нере выпустил пару колечек дыма, словно думая над ответом. — Я знаю свои слабые стороны и твои сильные. Я сражаюсь отталкиваясь от возможных неприятностей: где нужно иду на пролом, иногда, иду на жертву, дабы она могла принести выгоду...

— И жульничаешь, — добавил Фалькон. Он взял коктейль «Мертвый бегун». Сделал пару глотков, он продолжил. — Твой стиль игры мне не понятен, но вот жульничество...

— Подожди, — на этот раз Нере перебил его. — На самом деле, ни ты, ни я, не мухлюем в данной игре, хотя можем. Потому что просто получаем удовольствие от нее, даже от поражений.

— Как можно получать от них удовольствие?

Откинувшись в кресле, Фалькон взглянул на карты. Вывод был неутешительным — неминуемое поражение, от которого якобы можно было вот-вот получить «удовольствие». Он хотел было сдаться, но встретился взглядами с учителем. Тот все продолжал улыбаться.

— Без поражения, мы не поймем своих ошибок, — голос Нере был спокойным и расслаблен, точно он вновь учил Фалькона самым базовым азам ближнего боя. — Без поражения, мы не поймем действий врага и не сможем разработать контр-стратегию. Победа ослабляет, знаешь ли. Заставляет возгордиться.

— И ведь хрен поспоришь, — Фалькон вздохнул, положив карты рубашкой в верх. — Продолжим?

— Только тебя и жду, — ухмыльнувшись, Нере пошел в атаку.

Фалькон, хоть и перестал уже давно быть мелким котёнком, продолжал наматывать на ус слова учителя. На этот раз он играл более спокойно, выжидая ошибки Нере. Такая попалась через пару ходов и Фалькон, не брезгуя, воспользовался ею, забрав победу.

— Молодец, — похвалил его Нере, признавая поражение. — Еще партейку?

— Только тебя и жду! — Фалькон противно ухмыльнулся.

Противное жужжание выудило меня из пучин сладостного сна. Я ещё не совсем понимал, где явь, а потому, в лёгкой дереализации, нащупал наручную панель и попытался принять вызов. Однако, привычное движение пальцем не принесло результата. Я пробовал снова и снова, а звонок всё не унимался. Я наконец открыл глаза и увидел, что всё это время пытался активировать звонок с миленькой ручки Сирокко, почему-то лежавшей на моём животе.

Сама девушка лежала рядом, обнимала меня и мило ёжилась, также ничуть не желая выныривать из объятий небытия. События предыдущей ночи вихрем возникли в моей голове и заставили слегка поёжиться от осознания произошедшего.

Я аккуратно убрал руку Сирокко, слегка отстранился и присел на краю кровати. Затем наконец взглянул на имя того, кто меня вызывал. Это был мой прямой начальник, Левант. Он же директор оружейной корпорации-монополиста "Хаунд Милитари Корп", которая на эксклюзивных правах предоставляла городу его силовые структуры.

Редки были случаи, когда директор звонил лично. Обычно это значило, что дело принимает очень серьёзный оборот. Я наконец принял вызов. На наручном экранчике появилось лицо серьёзного и делового фенека, что начал наш разговор с претензий:

— Мистраль, чёрт тебя дери! Где ты пропадаешь, с утра пораньше? Я не застал тебя на рабочем месте!

— Я тут... — взглянув украдкой на Сирокко, я осёкся, вспомнив, что Левант был её отцом, — В общем, я немного перебрал вчера. Во время своего единственного выходного.

— Мне хотелось бы верить, что ты уже протрезвел! Потому что тебя ждут в Правительстве. С личным докладом. СЕЙЧАС.

— Что? Чего они от меня хотят?

— Результатов, сынок. Они, как и я, к слову, не довольны ходом поимки Фалькона. Ситуация начинает выходить из-под нашего контроля. Знаешь, что это значит?

— Контракт с городом под угрозой?

— В том-то и дело, что нет. Мы единственные, на кого Правительство может положиться в вопросах защиты порядка. У них просто нет выбора. И у меня нет выбора, потому что ты единственный, на кого полагаюсь я. Так что когда ты, сынок, выкидываешь подобные фокусы, весь город находится под угрозой.

— Неужели всё настолько плохо?

— Думаю, будет проще, если ты сейчас же направишься в главный шпиль Аркадии. Там ты всё увидишь своими глазами. И это в абсолютной степени безотлагательное дело!

— Хорошо... Я сейчас же прибуду на место, мне только одеться...

— Славно. Жду тебя. И передавай Сирокко привет.

— Вы...

— Узнал дом своей дочери? Да, разумеется. Мы ещё поговорим с тобой об этом. А пока займёмся лучше бизнесом.

Левант отключился. За моей спиной сладко потянулась уже проснувшаяся хозяйка квартиры. Она обняла меня со спины за плечи и, практически шепча на ухо, спросила:

— Папа звонил?

— Да... Левант, кажется, всё о нас узнал.

— Ты переживаешь из-за этого? Мне кажется, ты ему всегда нравился. Не думаю, что он будет против нашего с тобой нового статуса.

— Тем не менее, мне всё равно крайне неловко. Он мой начальник, ты его дочь и моя подчинённая... В общем, остаётся только надеяться, что он действительно находит меня хорошей компанией для тебя. Особенно учитывая мои недавние провалы. Всё же из-за них меня и вызывают на ковёр к Правительству...

— Эти дряхлые толстосумы наверняка бояться тебя больше, чем ты их. В конце концов, если ты не будешь их защищать, то сами они могут разве что попытаться спрятаться за своими горами безвкусных блестяшек. Так что отец всё верно сказал. И именно они скорее зависят от тебя, чем ты от них.

— Звучит как-то больно... революционно. Не находишь?

— И я крайне наслаждаюсь этим звучанием. Пусть катятся ко всем чертям, раз вырывают тебя у меня с утра пораньше.

— Ну это явно недостаточный повод для слома устоев.

— Ты ещё не знаешь, что я могу с ними сделать, если они вдруг посмеют тебя сместить...

— Будем надеяться, что до этого не дойдёт. А пока мне действительно стоит собираться.

Я встал и начал искать свой комбинезон среди множества вещей, разбросанных на полу. А потом вспомнил, что оставил его в ванной прошлым вечером. Пришлось идти за ним на другой конец просторнейшей квартиры. Когда я наконец обнаружил его на стиральной машинки и стал буднично натягивать, в ванную вошла и нагая Сирокко. Она поцеловала меня в щёку, и сказала:

— Я буду держать за тебя кулачки! Встретимся на работе?

— Встретимся на работе. Надеюсь. И... раз уж наше дело так далеко зашло, давай пока не будем ещё больше афишировать наши отношения...

— Хорошо, командир! Обещаю, что в штабе не будет никаких телячьих нежностей. Но вот после я буду ждать тебя у себя. Без отговорок.

— Это хорошая сделка.

Одевшись, получив ещё один поцелуй и наконец выйдя из дома своей... девушки, я тут же сел за руль своего авто и полетел в сторону самого высокого шпиля Аркадии. Толстенный небоскрёб, к которому этот шпиль принадлежал, сам по себе походил на мегаполис заключённый в башне из стекла и бетона. А ещё он крайне прозаично назывался "Башней Правительства". Хотя само руководство города сидело только в той его части, которая находилась над облаками. Весь небоскрёб ниже представлял собой множество торговых, жилых и даже промышленных секций, существующих независимо от шпиля.

Хотя стоит ли удивляться, учитывая, насколько иной мир находится у его подножья?

Зал, где заседали сильнейшие мира сего, находился в стеклянном куполе. К куполу прилагалась отдельная кольцеобразная подвесная площадь, практически всегда пустующая. На ней меня и ждал Левант. Чисто формально, директор тоже относился к представителям правительства, но на деле крайне сильно от них отличался. Как минимум тем, что был очень даже юным зверем, если сравнивать с его коллегами.

Да и в целом, мой начальник был крайне подвижным, оптимистичным и деловитым дядькой, который редко держал на кого-то обиду. Поэтому и меня он встретил уже в крайне дружелюбном тоне:

— Сынок, ну наконец-то! Давай, не будем терять времени. Правительство ждёт. Я надеюсь, что ты подготовил какую-нибудь речь.

— Ещё даже подумать об этом не успел...

— Ну... тогда всё придумаешь на ходу! — он похлопал меня по плечу и мы вместе направились в сторону "мозгового центра" Пургграда.

В стеклянный купол вели совсем небольшие воротца, ещё и оснащённые шлюзом с модулем дезинфекции и очистки воздуха. Так что перед попаданием внутрь, пришлось пройти муторную процедуру опрыскивания обеззараживающими химикатами. После неё, я наконец-то оказался в до боли знакомом помещении, где кружком, подключённые к аппаратам жизнеобеспечения, сидели двадцать почти истлевших стариков. Все они — владельцы пургградских корпораций, каждому из которых уже лет триста, если не больше.

Все они жили только за счёт высоких технологий, жёсткого санитарного контроля, живительных свойств мимезиса и имплантатов, заменявших давно отмершие части тела. Представители правительства являли собой столь жалкое зрелище, что казалось, они не могут даже ходить самостоятельно. А может и правда не могут... В конце концов, в них ныне даже их звериная суть не отражалась и они были просто мозгами, заключёнными внутри недвижимых скелетов.

Даже разговаривали они с помощью голосовых модуляторов. Так, при нашем появлении в центре круга живых мертвецов, владелец Пурполимер спросил меня своим механизированным хрипящим голосом:

— Мистраль... Мы ждём объяснений. Почему этот наглый террорист и бандит ещё не пойман?

Я решил, что буду говорить как есть, а потому заявил:

— Он слишком везуч. И всегда умело скрывается из нашего поля зрения!

— Мы дали "Гончим" полный доступ к системам нашей корпорации... — укоризненно сказал представитель Пурполимер.

— Даже имея некоторую информацию о его нейроимпланте, мы не можем точно сказать где он. Чип в его голове взломан и скорее всего больше не числится в ваших системах отслеживания.

— Как это возможно? Наши чипы имеют многоуровневую систему защиты. Обойти её без корпоративной помощи...

— Я буквально вчера видел, как ваши импланты взламывали чёртовы хиппи в не самом богатом районе города. Не говоря уже о том, что Фалькону скорее всего помогает один из ваших директоров.

— Почему же он ещё не арестован?

— Мы узнали об этом вчера и ещё даже не успели провести проверку...

— Нет времени на проверки. Если среди моих людей есть предатель, вы должны его вычислить не считаясь с побочным ущербом. Мои убытки могут быть многим больше, если он продолжит действовать ещё хотя бы день. К слову о предателях, как насчёт лазутчика среди "Гончих"? Он также помогает преступнику, но вы его всё ещё не поймали.

— Это действительно играет Фалькону на руку. Благодаря предателю он знает о наших действиях всё. Но внутриведомственные проверки пока не дали результата. Согласно им, весь младший состав чист. А командному я полностью доверяю. Особенно учитывая, что он, включая меня и пана Леванта, включает всего шесть человек.

— Верно, — подтвердил Левант, — сомневаться в том, что командиры нашей частной

военной компании верны Правительству, нельзя. Желай кто-то из них вашего свержения, он бы явно смог реализовать свой план, пользуясь нашими ресурсами. Если никто из них всё ещё не пытается вломиться внутрь купола, беспокоиться не о чем.

— Вы должны не допустить даже мысли о том, чтобы кто-то сюда вломиться! — гаркнул владелец Мара-Медикал.

— Если вы вдруг хотите сменить поставщика военных услуг... — стоило Леванту только произнести эти жуткие слова, как тут же любой гомон со стороны глав корпораций прекратился.

Все затихли, чётко понимая, что без "Хаунд Милитари Корп" им не выжить. Завладев полным вниманием всех важных зверей, владелец "Гончих" продолжил:

— Мы делаем всё возможное для того, чтобы урегулировать ситуацию. Пока это выходит не слишком складно, но дело делается. Мистраль, могу вас заверить, прекрасный командир, но он не совсем в полной мере видит ситуацию. Возможно, ему стоит познакомиться с Основателем...

— Если это, конечно, действительно будет мотивировать спасти положение несколько активнее...

Глава Пурполимера явно обдумывал предложение Леванта, и несколько минут молчал, чтобы затем заключить:

— Если вы считаете, что это не нарушит режим секретности, установленный вами же, то я думаю, что это возможно.

— Мистраль знает о всех прочих секретных проектах. Не вижу причин, почему бы ему не познакомиться и с настоящей природой мимезиса... — фенек хитро сощурился и украдкой взглянул на меня, — Сынок, не мог бы ты встать поближе?

Я подошёл к Леванту так, что мы теперь оба стояли точно в самом центре комнаты. Он что-то ввёл на своей наручной панели и пол под нами двинулся. Мы стали уезжать куда-то вниз на лифте-платформе, оставляя Правительство наверху. Платформа двигалась неспешно и потому отец моей возлюбленной решил пояснить мне, куда мы вообще направляемся:

— То что ты сейчас увидишь, сынок, видел не более пары десятков зверей до тебя. И мы должны сделать так, чтобы Фалькон до этого не добрался. Это наша главная цель, понимаешь? Даже не так. От этого зависит выживание всего города.

— Всё настолько серьёзно?

— Поймёшь, когда лично поговоришь с ним. Ты, главное, не удивляйся тому, что услышишь от Основателя. Всё же, он многое пережил. А ещё он не от мира сего. Буквально.

Лифт наконец выехал из шахты и мы оказались в небольшом помещении, напоминавшем по антуражу лабораторию без окон и дверей. Свет здесь был приглушённым: всего пара ламп "ночного" света. Оттого, особенно ярко светилась голубая жижа в огромном чане, что располагался в самом центре комнаты. В ней лежало... существо. Живое. Звероподобное.

Это была разбухшая масса плоти, огромная, по виду так несколько тонн весу. Тело было покрыто шерстью, но различимые животные черты едва улавливались. Разве что в небольшой, относительно остальной массы, "растекающейся" морде. Пасть была искривлена и перекошена. Один глаз будто "сползал" относительно другого.

Почти атрофированные лапы существа тоже не внушали симпатии. Их было штук пять и все маленькие, сухие, почти "втянувшиеся" внутрь остальной биомассы. Там, где у существа из-под густой рыжей шерсти проступала кожа, под ней было ясно видно что-то чёрное и

мерзкое будто...

— Опухоль, — сказала нечто, довольно приятным бархатным мужским голосом, — Я ныне весь одна сплошная раковая опухоль. Это моё проклятие. Проклятие "Основателя".

— Ты... вы... что, прочитали мои мысли? — у меня дыхание перехватило от страха перед странным существом.

— Это не так сложно, учитывая что прямо сейчас внутри тебя есть и часть меня. В каком-то смысле я и вовсе твой родитель. Отец всех звероподобных горожан. Основатель.

— Так мимезис... — я попытался осознать смысл сказанного.

— Часть меня. Вернее продукт жизни моих раковых клеток.

Если бы я позавтракал, меня бы точно стошнило прямо на месте. А так разве что голова закружилась и в горле нарастало противнейшее ощущение подступавшего позыва. Существо произнесло:

— Все люди испытывают отвращение к моему нынешнему облику. Я и сам его испытываю, так что тебе нечего стыдиться. Если хочешь знать, я не выбирал быть живой фабрикой ваших превращений. Когда-то я был красивым и молодым зверем, вольным делать что угодно и менять свой облик как заблагорассудится. А теперь...

— ...Основатель оказался обездвижен своими мутациями, и даровал возможность превращаться нам всем. — закончил пояснение Левант.

— Верно. И всё это вина ЭГМ. Она сотворила со мной это и заперла меня здесь. Она превратила меня в биооружие, призванное уничтожить всё обезьянье в человеке и вывести вас на новую ступень эволюции. Знаю, о чём ты думаешь, Мистраль. Удивляешься, почему я говорю об этом электробоге "она". Что же... Я застал её ещё в юности, когда та ещё была живым человеком. Выдающимся учёным, чьей судьбой было даровать человечеству новое рождение. Жаль, что тогда, ради вас, мне пришлось пожертвовать своей свободой.

— Так ты... не человек? — спросил я, — Сколько же тебе лет, если ты являешься первоисточником мимезиса?

— Сложно сказать, сколько мне ныне. Я давно перестал считать года. Да здесь, собственно, их и не считаешь особенно. А вот то, что я не человек, ты верно подметил. Я действительно никогда не был человеком и пришёл из иного мира. Можешь, для простоты, мнить меня пришельцем, хотя это не совсем верно. Раньше я был лисом. Представителем иной цивилизации. Единственное напоминание о том, в тех запретах, которые великодушно мне разрешили ввести.

— Поэтому нельзя использовать присадки для превращения в *Vulpes Vulpes*? — высказал предположение я.

— Да. И мы максимально ограничиваем количество собакоподобных видов, оставляя их только в пределах Аркадии. Чисто из уважения к Основателю. — подтвердил мою догадку Левант, — Если быть честным, то всё наше общество сейчас существует только потому, что он даровал нам правила выживания.

— ЭГМ хотела устроить зелёную утопию, где все люди будут равными и устремляющимися в светлое будущее зверьми. Чтобы повсюду наступило равенство, братство и взаимопомощь, как в какой-нибудь хищной стае. — тихо произнесло существо в чане, — Но она быстро поняла, что даже с помощью мимезиса не сможет исправить человеческую природу. Только сменить её обёртку. И потому покинула своё главное творение и ушла в тень. А вот я действительно дал вам те основы общества, которые помогают обществу выживать.

"Но гораздо больше помогают выживать конкретно тебе." — невольно пронеслось в моей голове. Я тут же осёк собственные мысли, вспомнив, что Основатель может их слышать. Правда, было уже поздно. Он сказал, снисходительно:

— Думаешь, что полезно мне, не будет полезно людям? Мои правила помогают городу выживать уже долгие века! Социальная стратификация, антропофагия и жадность — всё это имеет свою причину и необходимость. Вы едите друг друга, не только чтобы экономить ресурсы и, в особенности мимезис, но и чтобы городом было проще управлять. Для этого же существует внутривидовая конкуренция. Хищники правят травоядными и элитизируются на основании права сильного. Это помогает нам поддерживать строгий порядок. Поэтому же в правительстве сидят старые богатеи. В городе просто не найти никого другого, кто бы так же ратовал за сохранение статуса-кво. А без него, я просто бы не смог обеспечить всех сывороткой. Люди бы разбрелись кто-куда, "растеклись" и вымерли. Никакого порядка и контроля!

— Это же причина, по которой до сих пор существуют бесщёрстные, — продолжил пояснение Левант, — Они тоже нужны обществу для выживания. Если бы бесщёрстные не добывали радиоактивную руду, которая способствует постоянным мутациям опухолей Основателя, то мы бы лишились мимезиса вовсе. Ибо с пушистыми радиация творит крайне неприятные вещи. Такие, что и горожан не напасёшься на хоть какую-то выработку руды.

— Поэтому Фалькон так опасен? — спросил я, — Потому что хочет уничтожить людей прошлого и тем завершить выработку руды?

— Именно! Без неё мы все умрём. "Растечёмся". Город не проживёт и пары лет после революции. — подтвердил фенек.

— Я тоже умру, если мутации моих тканей прекратятся. — с грустью заметил Основатель, — Этот процесс просто нельзя останавливать. Иначе и у меня, и у вас есть шанс стать свидетелями конца цивилизации на этой планете. Не то, чтобы я сильно переживал за людей или уж тем более за себя... Но мне бы действительно не хотелось губить дело нескольких веков из-за амбиций какого-то выскочки. А тебе, Мистраль, явно бы не хотелось смотреть, как из-за твоих недоработок гибнет столько людей...

В этот момент я действительно понял всю важность своей миссии. И двое моих собеседников также уловили моё осознание серьёзности ситуации. Поэтому больше не было произнесено ни слова. Мы с Левантом молча откланялись и отправились прочь из этого жутковатого помещения. Лишь на выходе, уже вне купола, мой начальник вновь заговорил:

— Теперь ты всё видел своими глазами и знаешь, за что на самом деле сражаешься. Не подведи меня, город, Основателя и Сирокко. В особенности последнюю. Я очень бы не хотел, чтобы моя дочь стала свидетельницей конца времён.

Я выдохнул, мысли беспорядочно роились в моей голове. Мне не хотелось начинать ещё один серьёзный разговор, что должен был стать третьим таким за прошедший час. Тем не менее я всё же решил поговорить о своих отношениях, разумея что позже может и не найтись такого хорошего момента:

— Так... что вы думаете о нашем романе?

— Учитывая, что сейчас назревает в городе? Я рад, что у неё есть именно ты. Всё-таки, ты хорошая партия для моей дочери и необходимая ей поддержка в трудные времена. Но рад я только за неё.

— В каком смысле?

— Тебе я скорее сочувствую. Не пойми меня превратно, я желаю тебе счастья. Но с

Сирокко ты вряд ли его найдёшь. Ибо она прагматичная женщина, у которой есть план. А это самый опасный типаж. Ведь если у неё есть цель или человек, ради которого можно убивать, то она хоть весь мир бросит в огонь ради неё. И уж точно не будет довольна, если ты вдруг будешь "трепыхаться", так что и ты сам можешь оказаться в нутре мясорубки. Я знаю, о чём говорю, сынок. Мать Сирокко такая же. — он поднял рукава своего комбинезона и обнажил бионические протезы, замещавшие руки, — В моём случае, буквально. Я действительно побывал в мясорубке из-за того, что не хотел полностью раствориться в своей любимой и пару раз гулял на стороне.

Я не знал, что на это ответить. Представить, что Сирокко может поступить также я не мог. Даже подумать о таком казалось чем-то неправильным. Хотя в том, что её планы лежат далеко за пределами моего понимания, я был согласен. У неё определённо была цель. Только я точно не знал какая. И не разумел, на что она будет готова пойти ради неё. Левант добавил, заметив моё сомнение:

— Если мой пример тебе не нравится, вспомни вид Основателя. Пусть у него ситуация была отнюдь не любовная, он всё равно оказался в том виде, в котором оказался, из-за крайне прагматичной девушки, у которой был свой план. Мы все из-за неё оказались в текущей форме. И мне, как родителю, кажется, что моя дочь идейна в ничуть не меньшей степени. Так что остаётся только надеяться, что идеи у неё светлые.

Тянуть больше было нельзя. Я и так задержалась в "гостях" дольше необходимого. Теперь мне было просто необходимо добраться до отца, как можно скорее. Потому что моё сердце чувствовало неладное, уже переступающее порог родного дома. Мне даже начало казаться, что я опять опоздаю, как и в случае с моим погибшим другом. Что снова судьба жестоко посмеётся над моим благородством и желанием спасти своих близких. Что всё обратиться в Хутсунею.

Город наверху рисовался в моих глазах ещё более отвратительным нежели раньше, после путешествия по мусорным горам. Казалось, что Пурград — железобетонный гигант, стоящий своими тяжёлыми ногами на костях бесшёрстных. Да не только бесшёрстных, на самом деле... Будь ты покрыт шерстью или лишён её, эта мясорубка тебя перемелет и выплюнет. Чтобы не оказаться вдруг в адском роторе, надо было бежать как можно скорее и дальше. Неважно куда.

Всё равно мне почти нечего терять. Здесь я всего лишь смертница, избежавшая своей казни. Конечно, едва ли Гончие будут меня искать, однако если я вдруг снова попадусь им на глаза... А говорят, что в былые времена нельзя было казнить человека дважды.

Впрочем, в моём положении есть и плюсы. Поскольку для городских систем я фактически мертва, то никаких проблем с отслеживающими устройствами у меня не было. Так я спокойно села в вагон трансгородскогомаглева и на огромной скорости помчалась через город. Мой путь лежал напрямиком в Старый Город, где находился мой старый дом. Там я жила с отцом, в небольшой квартире, в ретровысотке, которой, наверное, лет двести стукнуло, не меньше.

За окном поезда "магнитной левитации", проносились небоскрёбы, неоновые вывески и прочие вещи, от яркости которых я даже успела отвыкнуть. Даже как-то приятно было посмотреть на величественный пейзаж не снизу вверх. Я так засмотрелась на открывавшийся вид, что даже не заметила, как сзади ко мне подошёл зверь и положил руку на плечо.

Я тут же встрепенулась и испуганно обернулась на неизвестного. Это оказался мой старый знакомый, Библиотекарь. Он приветливо улыбнулся и сказал:

— Не думал тебя тут увидеть! Мне казалось, что ты осталась внизу.

— Ты и сам, как снег на голову. Я то, вместе с "товарищами" поднялась на подъёмнике для руды, а вот как ты тут оказался?

— У лис есть свои секреты. В любом случае я здесь уже довольно давно и скоро собираюсь уезжать восвояси. Раз уж я тебя тут случайно встретил, то решил спросить, планируешь ли ты ещё запрыгнуть на борт?

— Да. Это единственное, чего я сейчас хочу.

— А как там с твоим другом? Он поедет?

Я замолчала и потупилась, давая понять парню, что не очень хочу об этом говорить. Он сочувственно посмотрел на меня и промолвил:

— Сочувствую.

В ответ я лишь кивнула, не вкладывая в этот жест никакого определённого смысла. Библиотекарь же вдруг как-то странно развеселился и бесцеремонно погладил меня по голове:

— Ну-ну! Не расстраивайся так сильно! Ничья смерть не должна навевать тебе печаль.

Просто прими, что жизнь такова и продолжай себе спокойно жить. Потому что ты ничего ровным счётом не сможешь сделать с этим своим несчастьем. Это просто невозможно. Так стоит ли множить боль? Стоит ли множить серость в этом сером мире?

— Я...

— ...мыслю слишком человечно? Просто выдохни, дорогуша! Хочешь спасти мир? Он уже давно пересёк черту апокалипсиса и с этим ничего не сделаешь. Злишься на несправедливость и злую систему? Не уподобляйся ей и просто смейся в лицо смерти. Думаешь, что хоть одна твоя мечта исполнится? А всё уже заранее обратилось Хутсунеей, чтобы ты сейчас не делала. Тебе остаётся только плакать и кричать в бессилии или...

— Или?

— Обнять меня и послушать ту мудрость, что я тебе скажу.

Он расставил руки, предлагая мне объятия. Я просто не могла сопротивляться его очарованию. Библиотекарь внезапно явился, как ангел-хранитель и теперь предлагал мне плечо, в которое можно было выплакаться. Я обняла его и прильнула к его груди. Слёзы сами навернулись на глазах. Мне было абсолютно всё равно даже на то, что мы с ним почти не были знакомы и стояли прямо посреди вагона. Он ещё раз погладил меня по голове и сказал тихонько:

— Хуже уже было и ещё, разумеется, будет. Просто такова цена рождения человеком, которую все мы постоянно платим. Несправедливая вселенная... безумная, холодная и злая. Но ты, моя маленькая Иви, чтобы ни случилось, останешься собой и сможешь получить эстетическое наслаждение даже от гибели мира. Даже от собственной гибели и растворения в небытии ты получишь удовольствие. Потому что у тебя есть то, чего нет у окружающего тебя мрака. Я имею в виду разум, что даёт тебе возможность созидать нечто прекрасное из бесконечного калейдоскопа страданий. Знаешь, как справлялись со страхом небытия древние люди? Они мнили смерть, как половой акт с богом смерти. Секс штука довольно приятная и умирать вообще не страшно, если ты знаешь что станешь единым целым и с богом, и со вселенной. Понимаешь, о чём я?

— Разве мысли достаточно чтобы не бояться и не горевать?

— Более чем. Просто сформируй свою собственную легенду. Представь себя кем-то гораздо более мелким, чем ты есть на самом деле. И все твои нынешние проблемы покажутся такими мелочными и временными, что ты и сама удивишься. Тут даже веры не надо. Легенда сама убедит тебя в своей реалистичности. Хочешь, предложу тебе свой вариант?

Я кивнула, всё так же зарываясь в его комбинезон. Лис, мягко улыбнувшись, сказал:

— Просто представь, что весь окружающий тебя мир — нелепый гротеск. Оно, по сути так и есть, но просто задумайся о том, что это вышло вовсе не случайно. Может, вся эта планета просто декорация? Этаким страшный бэкграунд или особого рода сеттинг. Для какой-нибудь книжки про страдание и горе, про смерть и перерождение.

— Книги, ну конечно....

— Ничего странного, такое тоже может быть. Если вселенных бесконечное количество, то найдётся хоть одна, в которой кто-то точь-в-точь опишет твою историю. А может ты уже часть этой точно описанной истории. Клон настоящей Иви, из другой вселенной, что воплощается только на страницах и в живом воображении. Так, сюжет фолианта, что ты мнишь за свою судьбу, мог быть написан каким-нибудь странным парнем, считающим себя лисом, и его безумной пошлой подругой. Они подобны богам в своём творении и делают с

тобой что захотят, заводя всё глубже в дебри. А всё, что ты мнишь реальным, живым, всего лишь картинка в голове их читателя. Читателя, который мог бы раз и навсегда прекратить всё происходящее с тобой, просто не продолжая листать страницы. Но он этого не хочет. Ибо ему интересно, что с тобой случится и ждёт ли тебя в конце твой хэппи-энд. Так может, если ты существуешь всего лишь в их головах, не стоит так переживать из-за своей жизни? В конце концов, ты не зависишь в своей реакции ни от автора, ни от читателя. Как бы один не подводил тебя к Хутсунее и сколь бы раз второй не убивал тебя, закрывая книгу... Ты можешь просто смеяться им в лицо. Не грустить из-за смерти, не страдать на потеху. И тогда они, либо потеряют к тебе интерес и оставят в покое навечно, либо полюбят тебя и придумают хорошую концовку всем твоим страданиям.

— Это такая странная теория... Но может ты и прав. Я не знаю точно, кто решает на самом деле: вселенная, писатель или бог. Пусть они всё же и правда, либо отстанут от меня, посчитав неинтересной, либо полюбят. Говорят, что судьба любит тех, кто не боится бросить ей вызов.

— И верно говорят! Я думаю, что тебя точно полюбят. Ты очаровательна. А очаровашкам сулит рай, вне зависимости от количества пережитого. Ну всё, вытри слёзы, тебе уже пора выходить.

Я посмотрела на табло. И правда, маглев уже прибыл на нужную мне станцию. Отстранившись от лиса, я поблагодарила его за все эти странные советы. Он лишь загадочно улыбнулся и сказал:

— Можешь не торопиться, если хочешь. Я подумал, что без тебя точно не уеду. Приходи, как закончишь со всеми своими делами, на то же самое место, где мы встретились. Оттуда будет ближе всего до моей машины.

Я кивнула и вышла из поезда. Передо мной возник полузатопленный Старый Город. Такой знакомый и родной. Воспоминания сами собой навиваются, а ностальгия слегка жжётся в сердце. Но у меня нет на всё это времени. Нужно спешить.

Дом мой располагался относительно недалеко и от станции маглева, и от "Тарелки". Но из-за затопленности большинства улиц, добираться до него стоило на водном общественном транспорте. Такси было бы вызвать многим проще, но я переживала, что тогда мой нейроимплант засветится в базе данных города. А потому пришлось искать лодочный автобус.

Они то и дело ходили по Старому Городу, но почти всегда были полупустые, ввиду того, что большинство местных обитателей были рыбоподобны и спокойно плавали в толще воды. А многие и вовсе жили в квартирах, давно погружённых в глубины вод. Так что общественным транспортом приходилось пользоваться только "не водным" жителям этого района Пургграда.

Доехав до необходимой остановки, я оказалась прямо перед нашей высоткой. Над водой высилась лишь небольшая её часть, всего в семь этажей. Мы жили на самом последнем и сколь же неприятно мне было видеть знакомые белые броневики у окон своей квартиры.

Неужели Гончие нагрянули за отцом? Но почему? Папа явно был не из тех зверей, что могли попасть в поле зрения законников. Он был незаметным конформистом на относительно средненькой должности... Или Гончие всё же пришли по мою душу? Может, они знают, что я сбежала из нижнего города?

Нужно было осторожно удостовериться в том, что моему родителю ничего не угрожает. Вламываться в лоб было бы глупо, но на подобный случай в доме был старый бельевой лифт.

Ныне он не использовался по прямому назначению и мог использоваться разве что для тайного побега из высотки. Для этого же, вход в него из нашей квартиры был предусмотрительно спрятан в одном из шкафов. Это играло мне на руку, так как я могла украдкой заглянуть в родные стены и остаться незамеченной.

Я залезла в узкую шахту через небольшое окошко выходящее на улицу. Сев в люльку, я начала поднимать себя вверх с помощью сложной системы блоков и ручного троса. Вскоре я уже вылезла через решётку прямо в свой собственный шкаф. Здесь, как и следовало ожидать, всё ещё висели мои старые одёжки. Может, мне даже следовало взять парочку с собой, прежде чем отправляться с лисом прочь из города. Однако, прежде я всё же решила сделать то, зачем пришла и потянулась к ручке.

Едва я схватилась за неё, как тут же, кто-то потянул на себя дверь с другой стороны. Не ожидав такого развития событий, я не справилась с гравитацией и полетела вперёд, вслед за дверью. Я вылетела прямо на девушку-фенека. Столкнувшись с ней, я тут же отшатнулась немного назад и в итоге приземлилась на пятую точку, полностью ошеломлённая.

Кажется, что все присутствовавшие в комнате, были ошеломлены не меньше. Вокруг меня стояло с десятков гончих в броне, чуть поодаль, вместе с хорошо знакомым белым волком, стоял мой отец. Я было хотела подняться и тут же сигануть обратно в шкаф, но девушка, на которую я вылетела, очухалась раньше меня и с удивительной лёгкостью прибила меня к земле, жёстко уложив на живот и прижав ногами мои руки. Сопrotивляться не было смысла, даже с условием того, что я всё ещё была вооружена, пистолет вряд ли смог бы достать хоть кого-то из столь неудобного положения.

— А это разве не... та торговка нелегальными присадками? "Иви" кажется? — спросил Мистраль.

— Точно она. Всё-таки смогла как-то сбежать от бесшёрстных. — ответила, державшая меня девушка.

— Тогда, можно сказать, что у нас тут сразу два пойманных зайца! — заключил волк, — Сирокко, проверь, пожалуйста, вооружена ли она.

Фенек тут же приложила ладонь к моей спине, по-видимому используя имплант-анализатор, который обычно вживлялся именно в руку. Уже спустя секунду, она убрала лапу, но тут же саданула по моей правой кисти, своей стопой. Мало того, что это было чертовски больно, так ещё и активировало спрятанный в перчатке пистолет. Оружие раскрылось и выскочило из моей руки.

— Как видишь... — произнесла девушка.

Мистраль без лишних слов подошёл к пистолету и поднял его. Экран на его запястье тут же стал выдавать какие-то данные о моём оружии. Посмотрев на них, волк констатировал:

— Вот мы и нашли пистолет, из которого убили Галлера. Зайцы множатся, а нам, кажется, наконец везёт!

— Не так быстро! — гаркнул отец, до того стоявший в некотором шоке, но ныне каким-то образом оказавшийся вооружённым.

В его руках был невесть откуда взявшийся короткий лазерный карабин, который ныне был направлен прямо на Мистралья. Возможно, эта пушка была ещё одним образцом "скрытного" компактного оружия. Лидер Гончих поднял руки и сказал, покачав головой:

— Это вот, сейчас, очень глупо.

— Отпустите её или я тебе мозги вышибу. — папа был пугающе серьёзен.

— Я в тот же момент буду отомщён.

— И всё же, едва ли ты хочешь оказаться без головы.

— Верно. Но эту ситуацию можно решить без насилия.

— Только если вы её сейчас же отпустите!

— Отпустить преступницу, которая пол города поставила на уши своим убийством?

— Я готов взять её вину на себя, если хотите. У вас будет, кого судить. Тем более, вы всё равно уже несправедливо меня арестовали за то, что я не делал. Лишнее несправедливое наказание мне нестрашно.

— Это не... — Мистраль не успел договорить, как в ту же секунду произошёл выстрел.

Но стреляли вовсе не в него. Отец отшатнулся, смотря на два обрубка рук. Карабин грохнулся на пол и слегка дымился. В потолке появилась новая дыра. А Сирокко, ещё секунду назад стоявшая на моих руках, сейчас уже оказалась в другом конце комнаты, с окровавленным клинком.

Смахнув кровь со своего клинка, девушка тут же подошла к испуганному еноту и всадила лезвие ему прямо в сердце. Отец пошатнулся и упал замертво. У меня перехватило дыхание. Слезы накатились на глаза, а из горла вырвался беззвучный крик. Всё обратилось Хутснеей...

— Это было вовсе не обязательно, Сирокко! — возмутился Мистраль, — Я мог бы с ним договориться. Тем более необязательно было его убивать после того, как ты его обезоружила! Как мы теперь выйдем на Фалькона?

— Я больше не могу позволить кому-то даже думать о покушении на тебя. Хватит. Больше от меня не будет никакой пощады!

— Эта жестокость всё же была излишней... — сказал Мистраль с дрожью в голосе, будто бы он сам испугался свою напарницу.

— Я сделала то, что было нужно. Тем более у нас есть ещё один агент Фалькона прямо под рукой. — сказала она и кивнула в мою сторону, — Зайчик в цепких охотничьих лапах.

— Да брось! Она теперь ни за что не согласится сотрудничать! — возразил Мистраль.

— Соглашусь. — произнесла я внезапно даже для самой себя, — Я покажу вам, где база Пентид. Мне довелось там побывать совсем недавно.

— Правда? Ты вот так готова предать своего босса? Все его агенты, которых мне доводилось допрашивать до тебя, боялись его кары, как огня... — волк явно сомневался в моей решимости. Я и сама в ней сомневалась, если честно.

— Я и не его агент.

— А почему ты тогда убила Галлера?

— Я даже не знаю, кто это.

— Но именно из твоего пистолета стреляли.

— Фалькон отнимал его у меня, пока я была в "гостях". Что с ним происходило, пока оружие было у него, я не знаю. Если помнишь нашу предыдущую встречу, законник, то я и вовсе хотела убить этого хвостатого ублюдка. Из-за него погиб мой друг. А теперь, видимо, и мой отец. Не то чтобы в этом не было вашей вины, но у меня почему-то есть чувство что ваши стремления всё равно обратятся Хутсунеей и вы будете наказаны судьбой. А вот Фалькон...

— Хочешь ему отомстить? — Мистраль казалось просто отказывался верить в этот очевидный факт.

— Ничего я не хочу. Особенно мстить или пытаться его убить. Просто хочу, чтобы и он потерял кого-то, кого любит. Или хотя бы обломался со своей идиотской мечтой. Взываю ко

вселенской справедливости.

— Справедливости тут и правда не хватает... — сказал волк и покосился на труп без рук, затем он взглянул на свои собственные лапы, почему-то поёжился и сказал куда-то в сторону выхода из квартиры: — Эй, ребята! Приведите мне ту странную девушку из СтарПолимер!

— Она исчезла, пан командир! — донёлся неуверенный голос откуда-то снаружи.

— Как исчезла?! Вы же должны были следить за ней!

— Буквально провалилась сквозь стену! — ответил голос, — Мы ничего не смогли сделать... Просто раз и её нет. Совсем нет. Будто и не было вовсе.

— Почему я узнаю о её пропаже только сейчас?!

— Мы хотели вам сообщить, но у вас там звучали выстрелы...

— Знаешь что? Вы уволены! Все трое! — гневно крикнул Мистраль, а затем, обратился уже ко мне, — Давай, вставай! Кажется, меня только что ещё раз обвели вокруг пальца. Чёрт! Это уже начинает бесить.

Я еле поднялась на ватные ноги, что почти меня не держали. Волк бесцеремонно подошёл ко мне и защёлкнул на моём запястье кольцо наручников. Второе кольцо он надел на свою руку:

— Всё, так-то ты уж точно не испаришься. И фальконская крыса тебя не тронет. И шанса обмануть у тебя тоже не будет. Так что веди быстрее до логова этого ублюдка. Возьмём его прямо сейчас!

Мистраль был настроен очень решительно. В дороге, когда мы летели в броневике, он вызвал подкрепления. Казалось, что он стянул всех законников города, чтобы наконец поймать бандита-прохвоста. Видимо, Фалькон знатно потрепал нервы Гончим. Даже удивительно, как те его ещё не поймали...

В брюхе броневика было очень неудобно. Мало того, что я была прикована к не самому приятному зверю в городе, так ещё и эта его подруга-убийца сверлила меня ненавидящим взглядом. Причину этой ненависти я понять не могла, но меня даже немного бросало в дрожь, когда встречалась глазами с фенеком. Ибо в моей голове тут же всплывали её жутковатые боевые навыки. И мёртвое тело отца... Мне бы тоже сейчас хотелось быть лишь мёртвым телом.

Это во всяком случае было бы многим лучше того разочарования, свидетельницей которого мне довелось стать.

Когда мы прибыли на место и боевые группы начали влетать в здание одна за другой, по рации Мистралья прозвучало неутешительное:

— Здесь чисто, командир. Ни единой живой души!

— Какие-нибудь следы есть? — спросил волк.

— Полно. Они оставили тут и оружие, и недоеденную еду, и кучу каких-то вещей. Только в здании не единой живой сигнатуры.

— Ушли значит... Принял. Спасибо. Оцепите зону и собирайте улики. Конец связи.

Мистраль прекратил передавать приказы, громко и тяжело выдохнул, а затем открыл скобы наручников. Похлопав меня по плечу, он сказал:

— Ты свободна, Иви. Чёрт с тобой! Фалькон опять меня обвёл вокруг пальца, но своё обещание ты вроде выполнила.

— Ты меня... отпускаешь?

— Да, вали ко всем чертям, пока я не передумал! Или пока те, кто следит за исполнением протоколов об этом не узнали, иначе оба отправимся в суд.

— Но... почему?

— Просто не хочу брать ещё один груз на свои плечи. Да и так ли тебе это важно? Просто надеюсь, что больше никогда тебя не увижу, торговка присадками.

— Я полностью солидарна с твоим нежеланием больше сталкиваться. Что ж, тогда я пойду...

Меня спокойно высадили на ближайшей улочке и оставили в покое. Несмотря на всю произошедшую чехарду, мне не хотелось теперь ни плакать, ни смеяться. Хмурый ливень вдруг пролился на меня с неба, своими токсичными, едкими каплями. Стало холодно и зябко. И как-то пусто внутри. Будто я только что достигла той самой Хутсуinei. Будто всё сущее обратилась в это чёртово, тотальное ничто. А моя душа просто испарилась из тела.

Теперь я представляла собой лишь телесную оболочку. И эта оболочка по инерции шагала вперёд под леденящим дождём. Я шла ровно до тех пор, пока не набрела на очень неосторожно припаркованный автомобиль. В его стекло полетел кирпич. Я открыла дверь и залезла внутрь. У меня были кое-какие навыки угона, ещё с бурной юности, так что я легко нашла и замкнула нужные провода. Авто заревело и завелось.

Я направилась напрямик к самому краю города. Там, у стены, я резко взяла вниз, пока не оказалась в знакомом пейзаже: мусорные кучи, костёр, мачта маяка. Лис уже ждал меня на обговоренном месте. При моём появлении он не обронил ни слова, лишь украдкой загадочно улыбнулся.

Мы, всё так же ни о чём не говоря, двинулись прямо к стене. Библиотекарь потянул за

одну из труб и из монолитного барьера тут же показалась потайная дверь. Мы проникли внутрь стены, где в толще из бетона и коммуникаций скрывались узкие, запутанные тоннели. Тот, по которому мы шли, вскоре вылился в небольшой зал, посреди которого стояло нечто массивное, укрытое грязным, замасленным покрывалом.

Лис бесцеремонно снял ткань и явил мне авто. Но оно было совсем не похоже на те машины, которые были распространены в городе. Как минимум тем, что у этой были колёса, а не левитационные двигатели. Кроме того, колымага выглядела крайне старой и пережившей далеко не одну опасную переделку. Хотя та же чёрная краска, которой был покрыт весь корпус, выглядела так ярко, что сомнений в любви хозяина к своему стальному коню не возникало. Библиотекарь явно не раз ремонтировал своё доисторическое транспортное средство и иногда трепетно перекрашивал его.

— А вот и наш билет в пустошь! — гордо заявил лис.

— Она хотя бы ездит?

— В том и суть, что она "ездит"! Летай она, мы бы никогда не смогли выбраться из города. А вот по земле мы легко пройдем прямо под радарными охранными системами. Не переживай, эта малышка уже давно со мной и ни разу меня не подводила.

— Надеюсь на то. А то выглядит она так, будто на ней ездили ещё динозавры. Ты не думал прикатить карету?

— Это потомственный маслкар! Он любой летающей машинке даст фору в мощности. Давай, запрыгивай на переднее!

Он сел на место водителя, а я села рядом. Кресло в машине было жестковато, но всё же оказалось крайне удобным. Лис повернул ключ зажигания и мотор взревел, будто под капотом прятался разъярённый медведь. Мой спутник выудил из козырька солнцезащитные авиаторы и тут же нацепил их. Затем он порылся в бардачке и нашёл ещё одну пару затемнённых очков. Протянув их мне, лис произнёс:

— Надень. К солнцу пустошей нельзя навеваться без защиты.

Я не стала спорить и нацепила очки. Библиотекарь же взялся за последнее приготовление перед дорогой: начал настраивать магнитола. Он несколько минут тщетно пытался подобрать подходящую музыку из бесконечного множества треков, записанных на диск. В какой-то момент он остановился, видимо всё-таки найдя нужную композицию и наконец открыл ворота гаража, нажав кнопку на брелоке ключа зажигания.

Мне ударил в глаза яркий белый свет, что несколько дезориентировало меня. Я даже не сразу поняла, как мы рванули с места. Когда моё зрение слегка привыкло к яркости солнца, я увидела невероятную картину: выжженная, практически идеально ровная, поверхность; тусклый желтоватый песок; редкие, низкие дюны; высокое, безоблачное небо; тотальное ничего до самого горизонта... Разве что невысокие контуры красноватых гор с одной стороны и еле видимое пятно синевы океана с другой, вносили хоть какое-то разнообразие в пейзаж.

Авто легко разгонялось по песчаной поверхности, совсем не испытывая затруднений со сцеплением. Маслкар рвался вперёд так уверенно, что, то и дело норовил реально взлететь на каждой попадающейся кочке. Музыка редела в салоне, барабаня энергичным потусторонним битом. Мой спутник качал головой в такт этим ударам, а когда песня наконец дошла до слов, заголосил в унисон с неизвестным певцом:

— ... с неба упала звезда-полынь. Грешные головы огнём накрыло! С лиц окружающих стекала плоть, обнажая рога и свиные рыла. Ой, то в поле бьют копыта в такт! Бафомет —

народный кандидат! С нами Ктулху и Азатот! С нами тот, с кем придёт весь ад!

Заметив отсутствие у меня какого-либо воодушевления, лис слегка убавил громкость и спросил:

— Не чувствуешь настроения?

— Какие-то больно мрачные у тебя песни.

— Это ты ещё её предысторию не слышала. Знаешь, сколько этой музыке лет? Не меньше чем моему автомобилю. В этом и суть. Она была написана в ту эпоху, когда человечество только ступало на путь апокалипсиса. Тем не менее... как точно этим парнем было подмечено направление!

— Разве апокалипсис начался тогда, а не только сейчас?

— Он начался ещё в момент зарождения человечества, просто мы это слишком поздно поняли. Всё изначально пошло не так, как надо. Ну а теперь уже ничего и не сделаешь. Остаётся только удивляться, что кто-то понял всё ещё в те дремучие времена. Знать бы только как звали этого парня... Ну, который поёт эту песню. Когда я нашёл компакт-диск с его треками, то обложка уже превратилась в труху. Хорошо хоть сам диск не пострадал! Мой мир был бы совсем неполным без этой музыки...

— И ты бы об этом даже не знал.

— Вот то-то и оно! Вселенский ужас и блаженное неведение одновременно!

— И всё же, как по мне, она слишком древняя. Совсем не для современного уха. Даже не понимаю всех вас...

— Нас?

— Ну, тех кто тащиться от "духа былых времён", будто пытаются ухватиться за идеальную картинку славного прошлого.

— Не знаю, как остальные, кого ты имеешь в виду. Но я не пытаюсь "ухватиться", просто воплощаю прекрасную эстетику посреди серой реальности. Вряд ли люди, жившие пятьсот лет назад вообще находили всё это эстетикой или хоть чем-то примечательным, но сейчас то на лицо вся прелесть их культуры. Может, люди будущего, если человечество проживёт ещё хотя бы сто лет, также будут возносить наш стиль.

— Да ну, вот это уже точно полная чушь! Никому не может нравиться культура неоновых аборигенов!

— И правда "чушь", я согласен. Но ведь именно бредовые вещи, зачастую, оказываются самыми реальными. Скажи я людям пять сотен лет тому назад, что сейчас мы все выйдем, как звери, они бы рассмеялись мне в лицо и посчитали бы за безумца. Для них едва ли такой расклад считался чем-то вменяемым.

— И откуда ты только всё это знаешь? Ну, в смысле, понятно, что многое ты подчеркнул из книг, как и рассказывал мне раньше, но не мог же ты взять столько мудрости, не имея какого-либо личного опыта.

— Я очень хорошо и довольно давно вру — вот откуда происходит весь опыт. Все лисы отличные лжецы, это безусловная истина. Но конкретно я, и вовсе возвёл ложь в культ и даже прямо сейчас тебя обманываю всеми этими философскими рассуждениями.

— Обманываешь?

— Ну да, как и любой философ. Ведь я, на самом деле, не знаю о жизни совсем ничего. Просто хорошо делаю вид, что кое-что понимаю. И очень-очень убедительно строю из себя духовного учителя. Впрочем, тебя я обманываю не только в этом.

— И в чём же ещё?

— Ну, например, я мог выдумать всю эту историю про книги и Хутсунею. Рассказать тебе дурацкую притчу, чтобы ты поверила, что все твои устремления разбиваются о чёрный юмор вселенной.

— Я всё ещё не понимаю...

— Это первый признак того, что тебя где-то обманули, разве нет? Я мог наплести тебе про мир снаружи, про холодную Азию, про сбор книг и про то, что где-то ещё есть жизнь. Просто для того, чтобы ты поверила, что в мире есть что-то ещё, кроме этого чёртового города. Чтобы дать тебе надежду на побег от проблем. Просто представь, что ничего на этой планете больше и нет. Существуют только Пурград, как единственный огонёк цивилизации и последнее пристанище людей, и бесконечная пустыня, как могила былой славы человечества. Отвратительный во всех отношениях и крайне порочный город прямо посреди мёртвого моря песка. А в этом песке сокрыты скелеты тех, кто не смог попасть на последнюю вечеринку в наш кибернетический Содом.

— Откуда же тогда ты пришёл? — я не могла понять, шутит ли мой собеседник, пытается донести мне очередную философскую идею или раскрывает какую-то тайну.

— Из ниоткуда и везу тебя в никуда. Или, может, я родился в городе, а сейчас везу тебя в какие-нибудь руины, чтобы вдалеке от чужих глаз свершить над тобой какое-нибудь злодеяние? Или я могу быть действительно тем, кем представился и везу тебя в какое-нибудь поселение, чтобы там ты могла начать новую жизнь. Тут никогда не угадаешь, верно? Будь я злодей или герой, ты всё равно мне уже доверилась и пути назад нет.

— Если ты и правда вдруг решишь причинить мне вред, то зачем тебе об этом рассказывать? Я не думаю, что ты действительно задумал что-то плохое, просто не может такой умный и понимающий зверь оказаться уродом.

— Вот тут ты ошибаешься. Умные и милые звери никому не нужны в этом мире порока. И именно поэтому, именно они зачастую и превращаются в самых страшных чудовищ. Просто из-за той никчёмности и ненужности, которую им навязывает мир. К тому же, может я рассказываю тебе всё это лишь потому, что моя злодейская роль единственное, во что ты никогда не поверишь? Может, так я проверяю, возникла ли у тебя симпатия ко мне или нет. Чтобы потом, ну допустим, обратить тебя в добровольное рабство и сожительство с тобой в моём племени каннибалов.

— Ну да, каннибалы, конечно...

— Вот видишь! Мне уже и убеждать тебя в чём-то не нужно! Сейчас, ты наверное готова сказать, что тебе всё равно куда ехать, пусть даже в моё личное рабство, лишь бы...

— ...быть подальше от города. Да, я так и скажу. Мне всё равно куда ехать! Захочешь убить — убьёшь. Захочешь насильничать — насильничаешь. Захочешь бросить в пустыне без еды и воды — бросишь. Я не буду сопротивляться. Всё равно моя жизнь одна сплошная Хутсунея!

— Кое-что ты всё-таки выучила об этой жизни. Это радует, честно. Все эти варианты теперь кажутся тебе не такими уж и страшными, верно? По сравнению с абсолютным небытием? А значит, что всё у тебя не так уж и плохо.

— Верно. Но не только из-за того, что ты мне рассказал. Мне ныне всё равно больше нечего терять. Так что и бояться нечего.

— Именно в такие моменты, когда всё очень и очень плохо, когда кажется, что ты уже достиг дна, случаются чудеса. Так что вот тебе ещё один вариант для раздумий: я везу тебя в рукотворный рай. Для того чтобы даровать тебе счастье до самого конца жизни и

заслуженный хэппи-энд.

— Это кажется даже более невероятным. Разве в мире, где всё есмь Хутсуenea, существует хоть какое-то счастье? Или хоть какой-то рай?

— Помнишь, что я говорил тебе сегодня про личные легенды? Счастье неразрывно с этой концепцией. Оно существует только в нашей голове. В былые времена, по всей земле существовали огромные промышленные фермы, на которых выращивали неразумный скот. Коров растили на убой, но они были счастливы. Может быть даже многим счастливее своих диких собратьев, а также людей. Почему? Просто коровы жили свою лучшую жизнь, пусть и обречённую в конце превратиться в сочный стейк на чьём-нибудь столе. Им не надо было бегать от хищников. Они могли питаться лучшей пищей и даже были обязаны жиреть. Каждый гарантированно оставлял потомство, доживал до почтенных лет и безболезненно уходил из жизни. И всё же вселенная была к ним абсолютно несправедлива и коровы едва ли могли хоть что-то решать в своей жизни. Если бы они задумывались о положении вещей, то наверное бы поголовно умирали от тотальной депрессии, вызванной безысходностью. Но они просто не думали об этом! Щипали себе травку, наслаждались жизнью в неволе и были счастливы.

— Так что, получается, ты везёшь меня на человеческую ферму? Где меня будут доить, заставят рожать детей и щипать травку. А потом, через десяток лет, забьют на котлеты? И это будет для меня счастьем?

— Знала бы ты, сколь близка оказалась от истины. И в то же самое время сколь бесконечно далека от неё... Нет, ты не совсем верно поняла концепцию счастья. Конечно, в том, чтобы быть безмозглым скотом есть и свои плюсы. Но я скорее имел в виду, что в самом ужасном положении на свете можно найти счастье, если быть в гармонии со вселенной и плыть по течению. Пусть даже река вынесет тебя в нутро мясорубки или на человеческую ферму...

— Кажется, что с каждой минутой я всё меньше тебя понимаю.

Лис усмехнулся:

— С каждой минутой ты всё больше меня понимаешь и как раз в плане "непонимания". Я ведь тоже ничего не понимаю.

— Кажется мы сделали круг в рассуждениях.

— Это не круг, а вывод: я тебе лгал.

— А мне даже понравилось, да...

— Мне тоже. — он мило улыбнулся и многозначительно на меня посмотрел.

Мы ещё много о чём успели поговорить, пока ехали. Казалось, мы с Библиотекарем обсудили всё на свете. А пейзаж за окном, тем временем, даже и не думал меняться. Пустыня, далёкие горы и безжизненный океан. Я даже начала верить словам моего спутника о том, что больше ничего в этом мире и нет.

Пока мы наконец не доехали до нашей цели: маленькой, полуразрушенной хижинки, стоящей посреди ничего. Это был просто маленький ветхий домик, что по сравнению с Пурградскими небоскрёбами, казался какой-то собачьей конурой. Я даже удивилась, когда лис затормозил и остановился именно у этого барака. Однако удивление сменилось полным ошеломлением, когда домик вдруг буквально съехал в сторону, открыв взору огромный прямоугольный тёмный проход куда-то вниз. Мы вышли из машины и подошли к чёрному провалу. Снизу веяло холодом, а также до носа доносился запах... фиников и зефира?

— Вот мы и на месте, — сказал Библиотекарь, положив мне руку на плечо, — не

представляешь, как мой Наниматель хочет с тобой, наконец, познакомиться!

В баре "Тарелка", находившимся в Старом Городе, стоял плотный дымный кумар. Приглушённый свет скрывал множественные столики, за которыми пировали самые разношёрстные компании. Несмотря на гомон, который они создавали, их почти не было слышно за завесой громогласного электро свинга.

Со стороны казалось, что звери за столиками беззвучно хохочут, плачут и ругаются. И всему миру, что лежал снаружи не было никакого дела до их горестей и радостей, которые беззаботные пьяницы бессмысленно топили в крепких напитках. Впрочем, и им не было никакого дела до того, слышит их мир или нет. Ибо их вёл чистый гедонизм и тяга к саморазрушению.

Зайди в "Тарелку", кто-то не знакомый с местной атмосферой, то ему едва ли удалось бы разобрать хоть какие-то лица из общей массы посетителей. Единственные, кто выделялся на общем фоне: самозабвенная стриптизёрша и молодой бармен. Первая, не жалея сил, плясала в стальной клетке, мажась флуоресцентной краской на потеху постояльцам. Второй же стоял за стойкой и уверенно натирал очередной стакан с широким дном, освещаемый приятными жёлтыми лампами.

Сама стойка пока ещё пустовала. Никто из посетителей ещё не решился сесть на высокий стул и завести душевный разговор с деловитым енотом. Видимо, были пока ещё не достаточно пьяны, чтобы довериться новенькому работнику сей забегаловки. Или просто были слишком зациклены на своих собственных компаниях, которых собралось как-то даже подозрительно много. Будто все одинокие пьяницы разом решили привести всех своих друзей и угостить алкоголем за свой счёт.

Впрочем, высокие стулья пустовали недолго. Вскоре за стойкой появился чёрный кот с прокусанным ухом. А уже через несколько минут к нему присоединился странного вида лис. Последний подозвал бармена и произнёс:

— Два "Куба Либре"! Мне и моему дорогому другу. — он обратился к коту, — Попробуем на вкус древний дух свободы, Фалькон.

Кошак кивнул. Бармен удалился искать синтетический ром. Рыжий же лишь кивнул в сторону удалявшегося енота, сказав своему собеседнику:

— Никого тебе не напоминает? Как быстро этот город находит замену сломавшимся винтикам...

— Едва ли тебе её действительно жалко, Самум. Ты всегда внезапно появляешься, приносишь хаос, а затем бесследно исчезаешь. Оправдываешь своё имя, в общем. Прямо как древний ядовитый ветер пустыни, приносящий пыльные бури. Едва ли, как и ветер, ты способен к кому-нибудь привязываться.

— Это не так, Фалькон. Звери, которые мне милы, навсегда остаются в сердце. Или тебе напомнить, сколько лет длится наша дружба?

— Я уже не уверен, что это дружба. Ты оказываешься рядом только когда тебе самому это нужно. И, обычно, в такие моменты ты провоцируешь безумства. Вроде того раза, когда ты помог мне устроить бунт бесшёрстных. Я ведь тогда ещё простой сошкой был. Или того случая, когда ты же помог мне убить бывшего босса.

— Ты сомневаешься, после того, как я тебе столько раз помог достичь твоих целей?

— Мне не хочется быть чьей-то пешкой. Я должен стать настоящим лидером для всех

зверей!

— Ты не пешка, попрошу. А пешка пешки. Я ведь тоже, знаешь, действую далеко не только из личных интересов. Мой Наниматель хочет, чтобы ты делал то, что делал, а я лишь скромный многоликий посол. Да и знаешь же, что каждый из нас на самом деле жертва зависимостей и обстоятельств. Едва ли можно найти зверя, который бы никому не подчинился и жил сам по себе. Все мы закованы в цепи и ошейниках. И только самые глупые рабы считают, что на самом деле свободны. А то и вовсе мнят себя хозяевами.

— И что же, этот твой могущественный и таинственный "Наниматель", тоже невольник?

— Самый большой на свете! Он жертва своих убеждений и принципов. Его желание сделать мир многим лучше обратилось настоящим безумием. И он раб этого безумия, готовый выжидать сотни лет, прежде чем свершить очередной свой план.

— Хочешь сказать, что мы с тобой многие десятки лет работаем на безумного раба?

— Если выражаться образно, то да. Но работаю на Нанимателя только я. Слышал фразу: "Вассал моего вассала не мой вассал?" Вот тут тоже самое. Ты свободен от него, но несвободен от меня. Ибо нас сковывают цепи дружбы. И именно благодаря им ты добьёшься того, чего желаешь. Скажи, вот неужели мой совет о том, что тебе стоит оставить Иви погостить у себя и послушаться плана Элл, не помогли вашему делу?

— Помогли. Слишком хорошо помогли, ибо теперь у меня есть на руках все карты. И это, если честно, меня пугает. Не может всё идти так идеально.

— Если, конечно, за моим планом не стоят долгие годы подготовки. Поверь, всё и дальше будет идти так, как и должно быть. И радуйся, что тебе заготовлена героическая роль разрушителя дистопии. Не многим так везёт.

— Я уж и не уверен, действительно ли мне повезло. Но будь уверен, если власть лежит прямо передо мной, то я её возьму без особых сомнений.

— И при этом не поскупишься моралью, честью и всеми прочими человеческими качествами. Да, я знаю. Именно из-за этого качества мой Наниматель тебя и выбрал. Ты идеально воплощаешь этот город.

— А ты идеально воплощаешь злой рок.

— Как же тебе повезло, что он на твоей стороне!

За стойку вернулся енот с двумя стаканами чёрного коктейля. Он поставил их перед странными гостями и хотел было отойти, как лис вдруг остановил его жестом и сказал:

— Парень, скажи, а как тебя зовут?

— Ив. Кажется это производное от древнего "Инвар".

Самум хитро улыбнулся и облизнул свои клыки:

— Этот город не перестаёт удивлять меня своей скрытой от всех однообразностью! Знаешь ли ты, мой дорогой енотик, почему здесь, с тобой никто не сидит? Почему никто не стремится сесть за стойку и поболтать с тобой по душам?

— Потому что они мне не доверяют? — бармен высказал своё предположение довольно неуверенно.

— А как сделать так, чтобы люди тебе доверяли, знаешь? Вот, у твоей предшественницы, получалось быть настоящей звездой вечера и влюблять в себя каждого посетителя. Ты меня спросишь: "Как же у неё это выходило?" Она просто не смотрела на своих клиентов с высокока. Для неё это были не пьяницы и забулдыги, а потерянные души. Такие же потерянные, как и она сама. Эта девушка могла излить свою душу также легко, как

и те, кто к ней приходил. В этом всё дело.

— Разве я смотрю свысока на кого-либо? Я просто работаю и всё.

— А надо не просто работать. Надо чувствовать своё дело. Вот, ты выпьешь с нами?

— Я не пью. Принципиально. Да и на работе мне нельзя, шеф меня четвертует за такое!

— То есть, ты даже не знаешь, что наливаешь своим клиентам? А вдруг ты просто отвратительно мешаешь коктейли? Как ты опровергнешь это?

— Я... Ну...

— Не опровергнешь. А знаешь, из-за чего тебя быстрее уволят: из-за одного бокала, о котором никто не узнает, или из-за просто отвратительной готовки?

Иву почему-то вдруг очень захотелось делом доказать, что незнакомец не прав. И желание это было столь сильным, что он без лишних слов достал ещё один стакан и точно также смешал себе "Куба Либре". Затем он поднял бокал в жесте тоста. Фалькон и Самум сделали то же самое. Лис взял слово:

— Вот это настоящий путь к росту над самим собой. Путь железной воли и настоящей свободы. За последнюю я и предлагаю нам выпить. Viva la revolucion!

Трое чокнулись и прильнули к стаканам. Стоило чёрному коту отпить пару глотков, как он с грохотом стукнул стаканом по стойке и крикнул обращаясь, ко всем в зале:

— К чёрту! Пора действовать! Выступаем прямо сейчас, парни, ночь будет жаркой!

Весь зал ошетинился оружием и, как по команде, поднялся со своих мест. Это всё были люди Фалькона, и им уже не терпелось раз и навсегда покончить с Правительством. Они тут же высыпали вслед за своим предводителем прочь из бара, опустошив зал.

Ив остался стоять за стойкой в одиночестве, шокированный произошедшим. Он даже не заметил, как исчез Самум, оставив после себя лишь крохотную золотую монетку с изображением скелета звероподобного ангела с косой.

Бармен поднял эту монетку со столешницы и на обратной стороне увидел надпись:

"И пришёл День гнева Его. И обелили мы одежды свои Кровию Агнца. И кто пред нами сможет устоять?"

Паника в штабе нарастала. Фалькону вновь удалось сбежать. Более того, сразу после того, как он с его компанией смылись, в городе начался настоящий кошмар. В оперативный штаб Гончих приходит более нескольких тысяч заявок каждые пять минут. Словно бы все в городе, разом сошли с ума и началась анархия.

Большинство из преступлений, о которых нам сообщают, мелкие и незначительные: различное хулиганство, поджоги машин, вандализм, разбитые окна, оглушающая музыка. Но все разом они создавали такой информационный шум, что за ним терялись более серьёзные дела, которые почти наверняка происходили прямо сейчас где-то в городе.

Реагировать на мелкие преступления, особенно в таком количестве мы просто не могли. Даже с нашими ресурсами, у нас просто не хватало людей и техники, чтобы отправить на каждое дело хотя бы по одному зверю. Не говоря уже и о том, что большинство сотрудников компании "Хаунд", были офисными работниками, обеспечивающими функционирование малых ударных групп. И даже если бы их пришлось задействовать в серьёзной работе, едва ли бы они смогли с ней управиться.

Фалькон и его банда, в своей обычной манере пытались нас отвлечь и увести от чего-то крайне важного. Только вот чего? Что они собрались делать и куда ударить? Не является ли эта волна насилия лишь прелюдией к чему-то большему?

Конечно является, тут и думать не надо. Наша беспомощность при таком количестве дел, явно бьёт по репутации Правительства в глазах обычных граждан. Ведь оно не может обеспечить контроль, а значит и его законы ныне не действенны. А значит, что можно присоединяться к хаосу, крушить, воровать и грабить. Это, можно сказать, этакий призыв со стороны Пентид. С которым, пока ещё, мы ничего не можем сделать. Нельзя расплыть свои силы. Нужно чётко угадать главное направление удара, а уже при его уничтожении, разбираться с побочными последствиями.

Но уже можно сказать, что за долгие годы, мы не видели ничего подобного. Размах анархии, развернувшейся на средних уровнях, ставит в некоторое смятение и даже тупик. Мы можем оказаться просто не готовы к тому, что будет дальше. Впрочем, любую битву можно выиграть даже с очень малыми силами, если чётко понимать действия оппонента на несколько шагов вперёд. И вот это, как раз, то над чем мне было необходимо работать.

Я несколько часов провёл, сгорбившись над картой города и высматривая то место, куда эти бандиты решат ударить. Едва ли они могли бы проникнуть за ЭКЮ-поле Аркадии, но в теории, они вполне могли бы отрезать верхний город от среднего, нарушив систему городских коммуникаций. И тогда можно было бы взять Аркадию измором. Но это явно бы заняло не один день... нет, так они рисковать не будут! По крайней мере, без всеобъемлющей поддержки остальных горожан.

Оказалось, что для этой самой поддержки, Фалькону не хватает одного единственного штриха...

— Пан Мистраль! Тревога! — завопил один из моих помощников, золотистый ретривер Хакон, влетевший в кабинет.

— Что случилось?

— Худшее, что могло произойти! Все СМИ в пурграднете распространяют статью о вашем расследовании убийства Галлера!

— Но мы же ещё не выявили убийцу... Да и информация о расследовании была секретной... — в голову ещё неокончательно пришёл масштаб произошедшего.

— В этом и дело! Кто-то из наших отправил в "Пурградское Информационное Агентство" всю нашу документацию, а оттуда она разлетелась по всем значимым ресурсам города.

— Что конкретно было опубликовано? Кого они обвиняют?!

— Иви. Ту девушку, которую вы задержали вместе с орудием убийства, а затем отпустили. Журналисты передают такую версию: якобы она убила Галлера за его высказывания против бесщёрстных, а Гончие спустили ей это с рук потому что тоже ратуют за помощь генетически неполноценным.

Моё дыхание утяжелилось. Дрожь пробежалась по телу, а кулаки сами собой сжались. Я зашёл в свой кабинет, прикрыл дверь, чтобы никто не слышал моего момента слабости. И тут же с яростью перевернул свой рабочий стол. За ним последовало кресло. Потом, один за другим, были опрокинуты шкафы. На пол полетели и картины, вазы, статуэтки. Я изливал свою ярость, потому что был уже бессилён что-либо предпринять.

Мне казалось, что меня обдурили в последний и самый болезненный раз. Что теперь то положение уж точно безвыходное. СМИ, опубликовав информацию предателя об убийстве Галлера, подписали нам смертный приговор. Теперь все в городе знают, что в убийстве именитого борца за превосходство пушистых, виноваты бесщёрстные и их защитники, а значит, что и мы виноваты, так как их покрывали. И Правительство виновато, раз позволяет всё ещё жить в городе не принимающим мимезис.

Это был конец. Мы всё ещё могли остановить Фалькона и не допустить его до власти. Но оставить в городе всё так, как было больше нельзя. Возможно, самым разумным было бы опередить Пентиды и самолично расправиться с богачами, выдав их на растерзание толпе. Так мы точно не допустим бандитов к Основателю и сохраним статус-кво. Без более радикальных изменений, конечно не обойдётся. Именно нам, Гончим, надо будет решать проблему двух человеческих видов. Но это может стать задачей Леванта. Он мужчина умный, гораздо лучше подходит на роль нового Правительства...

Вдруг, без стука, в моём кабинете появилась Сирокко. Несмотря на общее положение дел, выглядела она радостно. Даже как-то чересчур. И, будто не понимая всей серьёзности ситуации, спросила:

— Тебя что-то расстроило, Мистраль?

— Ты же слышала про то, что кто-то слил всю информацию в сеть. Уж ты то должна понимать, что это значит.

— Я и понимаю. Абсолютно не вижу поводов для грусти.

— Мы все покойники, Сирокко! И я в особенности. Ведь это именно я отпустил Иви! Это меня поднимут на вилы, если мы ничего не предпримем!

Она подошла ко мне поближе и нежно обняла:

— Ничего с тобой не случится. Я тебя защищу. Это моя обязанность.

— Как-то слишком просто ты говоришь о битве с целым городом...

— Потому что не будет никакой битвы. Пурград сам себя пожрёт, как Уроборос или как Ёрмунганд. И... нам с тобой это только на руку.

Я резко отстранился от неё, не в силах поверить, что она действительно желает смерти нашему общему дому:

— Как ты можешь такое говорить?

— Я искренне в это верю. Нам с тобой будет лучше, гораздо лучше без всех этих мелочных зверей. Мы сбежим и никто не смеет нам помешать. Тем более, Фалькон обещал, что не тронет тебя...

— Так это ты работаешь...

— Работаешь, это не очень верное слово. Я ему помогаю, а он помогает мне. Причём, он делает для меня даже больше, чем я для него. Ведь я всего лишь несколько раз помогала ему уходить из-под удара Гончих, а он делает всю остальную работу, выполняя свой план по захвату власти. Конечно же я не верю в весь этот бред про новое, лучшее общество. Разумеется, я не считаю, что у них хоть что-нибудь получится. Но они смогут разрушить Пурград и даровать нам с тобой возможность уйти от всего этого порочного общества. Все богачи, бандиты, скупцы, бедняки, пошляки и прочие звери, которых я презираю, сгинут, превратившись в пепел. А мы, втроём, скроемся в одном из бункеров проекта "Сизиф" и проведём вечность вместе.

— Втроём?

— Ты, я и наш сын.

Она выудила из своего кармана маленькую прозрачную шестиугольную пластиночку. В ней, как инклюза в янтаре, лежал крошечный зародыш. Такие пластинки обычно кладут в аппараты ускоренного роста и через несколько недель получают нового члена общества.

— Думал, наша ночь прошла без последствий? — хитро сощурившись, спросила девушка, — У нас всё получилось прекрасно! И мы с тобой вырастим этого ребёнка вместе, вне влияния этого чёртового города. Это будет наш маленький рай в шалаше...

— Химера. Неужели мы с тобой нарушили и этот закон?

— Нарушили, но кто нас остановит? Мы сами? Нет, Мистраль, я не позволю Правительству вмешиваться в мою жизнь. Никому этого не позволю. Мне не выдали разрешение на рождение ребёнка, ты ведь знаешь? Больше нам не нужны будут никакие разрешения! Не их собачье дело, от кого я рожаю и кого. Пусть наш сын будет трижды химерой, мы его воспитаем. И он вырастет в лучшем мире, где ему также никто не будет строить никакие правила!

Она положила шестиугольник на мою ладонь. Я заворожённо смотрел на него. Неужели в этом растворе сокрылось моё будущее дитя? Неужели я стану отцом? Неужели именно я?

— Пусть побудет у тебя, — сказала Сирокко, — так ты скорее примешь верное решение.

Я посмотрел на неё и девушка показалась мне ещё более прекрасной, чем когда-либо. Мне хотелось её расцеловать. Но кое-что не позволяло мне этого сделать. Мой долг. Передо мной теперь стояла не только мать моего будущего ребёнка и женщина, которую я люблю. Передо мной стояла предательница, что предлагала оставить город в огне и покинуть свой пост.

Никто, кроме меня не мог сейчас навести порядок. Это была моя ответственность. И если бы я оставил всё на самотёк, то город бы уже наверняка сколлапсировал в абсолютное ничто. А на моих руках была бы кровь миллионов жителей мегаполиса.

— Они все умрут, Сирокко. Как я могу?

— Они все это заслужили. Каждый сделал свой вклад в строительство этого ужасного хтонического общества. И теперь каждый получит то, что сам посеял. Я всё сделала, чтобы получить тебя. Затем, всё сделала для того, чтобы помочь Фалькону подписать всему городу смертный приговор. И считаю, что сделала самый верный выбор, окончив трепыхания этой погибающей цивилизации.

— А как же наш долг?

— Долг перед Правительством? А знаешь ли ты, что они намереваются сделать, если вдруг не получится остановить Фалькона? Запустят процесс самоуничтожения города, а сами улетят. Они знают, что их точно убьют. И не важно, доберутся до них в Аркадии или в бункерах "Сизифа". Поэтому, заблаговременно подготовили план по нейтрализации любой угрозы из города. Стоит ли говорить, что они даже готовы пожертвовать Основателем, лишь бы спасти свою шкуру?

— Но без мимезиса, который он производит, они не выживут!

— Мистраль-Мистраль... неужели ты веришь в то, что без мимезиса мы "расплываемся"? Ты видел хоть одного зверя, который бы расплылся без этой жижи?

— Нет, но зачем тогда...

— Чтобы держать людей в повиновении. Чтобы создавать у них потребность в правительстве и его мимезисе. А ещё чтобы у всех была мотивация поддерживать жизнь в теле Основателя, с помощью чёртовой радиоактивной руды. Никто не будет на своей шкуре проверять, что будет если отказаться от принятия этой жижи. Инстинкт самосохранения не позволит. Конечно, мимезис может превращать нас в зверей и способен менять нашу форму, но он вовсе не нужен для функционирования наших тел. Это всё ложь. Разве за эту ложь их не стоит наказать?

— Но разве мы можем? — мир медленно рушился перед моими глазами и я вовсе потерял какую-либо основу под ногами.

— Я уже деактивировала большую часть ключей активации. Активны остались только те, что были у тебя. Правительство, конечно, взорвёт город. Но и само окажется в капкане. Капиталистическая система городских корпораций схлопнется и вместе с ней погибнут те, кто получал от неё больше всего выгоды. А мы с тобой новый мир построим. На руинах.

— А как же твой отец? Неужели ты и своей семьёй готова пожертвовать?

— Ты моя семья. Мой сын моя семья. Никто больше не заслуживает пощады. Ни один ублюдок не сможет спастись. Даже тот, чья вина ничтожно мала. Только так мы сможем прожить оставшуюся вечность в нашем раю. Наши потомки будут гораздо счастливее нас. И будут крайне благодарны нашему волевому решению. Просто иногда, нужно иметь силу духа для того, чтобы сбежать и оставить былой мир позади. Без жалости и сожалений. Давай, Мистраль, мы с тобой одной крови, одного духа и одной воли. Просто тебе нужно сделать шаг через своё потакание богатым господам и встать во весь рост, со мной под руку.

Теперь на чашах весов лежала тяжёлая, почти наверняка обречённая, борьба за спасение человечества и безумный райский план моей любимой. Оба варианта не казались мне простыми и почти наверняка привели бы к катастрофе. Но выбор было необходимо сделать. Найти в себе силы поступить ужасно. И я их нашёл.

Когда Форель прибыла домой, Мистраль всё ещё не появился. А вот Шон уже потирал руки, глядя на пакет, который андроид принесла специально для него:

— Наконец-то! Я уж начал было думать, что пойду на главную вечеринку года без своих "вещиц".

Робот передала барашку вожделенный пакет, в котором шуршали блистеры и звенели банки:

— Твоего знакомого оказалось очень непросто найти. Сходил бы к нему сам, за этими своими "вещицами".

— Я же говорил тебе, что с этим парнем не в ладах. У меня перед ним должок.

— И перед хозяином этого дома будет, когда я ему расскажу, как ты используешь мои алгоритмы.

— Да расслабься! Мистраль уж точно меня поймёт, он хороший парень.

— Но больно доверчивый, раз так просто включил тебя в систему контроля надо мной.

— Я же не заставляю тебя делать ничего супер неприятного. Дом не крушу, ничего не ломаю. Просто мне больше некого было просить о помощи в покупке.

— Это расценивается моими этическими системами, как порочное и вредное для здоровья действие. И тебе очень повезло, что мои алгоритмы привязанности к хозяину, превалируют над базовыми законами робототехники.

— Что ж, это всё верные оценки, но я имею право сам выбирать как мне губить своё здоровье. Кроме того, неужели Мистраль ни разу не посылал тебя в средний город за какими-нибудь... стимуляторами?

— Ни разу. Для всех потребностей, которые возникают у хозяина, хватает доставки правительственной пневмопочтой.

— Скучно же он живёт! Ну уж с этой его Сирокко, ему явно будет повеселее. Она пани исключительная! — Шон взглянул на свои наручные часы, — Да и вообще, я тут заболтался. Пора на рейв! — парень уже было сделал несколько шагов в сторону выхода, с пакетом в руках, но тут же развернулся и с мольбой, спросил у робота-горничной, — А ты могла бы вызвать для меня такси? А то у меня тут с деньгами...

Неодобрительное выражение на визоре протогена, сменилось на изображение вертящейся монетки. После характерного звука старого кассового автомата, сердитое лицо вернулось на место и Форель сказала:

— Будет через две минуты. Надеюсь ты готов к тому, что я покажу Мистралю твои чеки, когда он вернётся?

Вместо ответа, Шон лишь закатил глаза, а затем с широкой ухмылкой удалился на улицу.

-

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.

-

Тем временем, на улицах начинало бурлить недовольство. Зверей ещё было не очень

много, но самые активные, то и дело присоединялись к погромам, устраиваемым людьми Фалькона.

Тут выносили маленькую "частную" лавочку, которая на самом деле была неловкой попыткой мимикрии мегакорпорации "Прод-Пур-Индастриз" под радушный мелкий семейный бизнес. Там, с навесных платформ-улиц, выкидывали бесщёрстного в зверокостюме, рискнувшего показаться на улице. Бедолага едва ли выжил, после падения с высоты в несколько километров...

Поскольку Мистраль внезапно исчез со своего рабочего места, Гончие пребывали в полном непонимании текущей ситуации. Без его стратегических навыков, они оказались неспособны что-либо предпринять. Поэтому, командный состав вызвал Леванта. Тот пусть и не был подкован в управлении полицейскими отрядами, но всё же был в праве и обязанности, взять бремя командования на себя. Фенек едва ли мог отказать.

Когда он узнал об исчезновении своей дочери, на пару со своим самым преданным командиром, Левант прибывал в крайней растерянности. Он не считал, что они могли бы самовольно покинуть свой пост. А потому, первым делом, подумал о том, что оба могли быть уже мертвы. Или, по крайней мере, находились в опасности.

Если бы не угроза безопасности всего города, фенек наверняка бы бросил все силы на поиски. Но всё же, прежде прочего, надо было решить ситуацию в городе. И действовать очень решительно, пока протесты и уличное насилие не переросли в более опасную стадию. Поскольку Левант не был служителем закона, не сковывался никакими обязательствами перед обществом и скорее руководствовался этикой "большого" бизнеса, он поступил так, как обычно поступал со своими бастующими работниками. Применил силу. И велел раздать всем бойцам боевое оружие, вместо парализующего.

-

Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.

-

Фалькон не знал об этих планах, иначе вряд ли бы заморачивался со столь масштабным отвлечением правительственных сил. И едва ли решился бы прокладывать себе путь в городскую систему водоснабжения. Конечно, благодаря введению псевдомимезиса в водопровод, Пентиды практически разом избавлялись от всех бесщёрстных, превращая тех в жутких мутантов или убивая.

Но ведь они могли свершить свой жуткий суд и после победы над Правительством. И даже с гораздо большей изошрённостью. А ещё с большей показательностью. И конечно, с большим удовольствием. Для самого Фалькона, точно.

Сейчас же они скорее трагично тратили время, на массовое убийство гладкокожих и выведение из игры инертной массы населения, что точно не присоединиться к погромам. Да и не только время. Рабочие распределительного водоканала компании "ГорКом", дали решительный бой налётчикам. Они практически не были вооружены, разве что рабочими инструментами, да ручными клёпкамётами, но забрали с добрый десяток головорезов из мафии.

Это был и правда напряжённый бой. Клёпки летели в одну сторону. Пули и лазеры в другую. Знающие своё производство, как родной дом, работяги устраивали засады

отделившимся от основной группы членам Пентид и забивали тех всем, что попадалось под руку. В итоге, даже самого Фалькона задело клёпкой и почти пробило ключицу. К несчастью, зверя вроде него едва ли можно было бы остановить такой лёгкой раной. И он, без лишней жалости, приказал вычистить здание.

Рабочие, конечно, успели вызвать помощь. Но когда Гончие поняли, что происходит прямо на центральном узле водоснабжения, было уже поздно. Пентиды сделали своё тёмное дело и влили псевдомимезис в городские трубы. Принято считать, что скорость движения воды в водопроводе составляет два метра в секунду. Предупреждение ко всем гражданам города могло бы дойти многим раньше, чем отравленная жидкость. Но, едва ли Гончие смогли бы быстро разобраться, что именно движется по трубам и зачем вообще Фалькону нужно было устраивать резню на водораспределительном узле.

Через полчаса, изо всех концов города полилась информация о мутировавших уродах, нападающих на людей. А также о "леденеющих" зверях, падающих прямо посреди улицы. Хаос начинал своё мрачное шествие по городским улицам. И с этого момента его уже было не остановить.

-

И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.

-

Шона и его подругу Аврору едва ли заботило происходящее. Они к тому моменту уже во всю тонули в неоновых лучах рейв-вечеринки "Рах Glimmerica". Танцевальная музыка едва не разрывала перепонки, а тысячи зверей, на огромной площадке в Старом Городе, плясали как в последний раз. Им всем, и приглашённым музыкантам, и заядлым тусовщикам, и сбежавшим из дома подросткам, также не было никакого дела до нараставшего хаоса.

У многих, это было вызвано не только куражом пира во время чумы, но и принятием непомерных количеств алкоголя и иных веселящих "вещиц". Барашек и козочка, конечно, были давно уже не новички в такого рода развлечениях. Так что полного пакета цветастых блистеров им едва ли хватило бы на вечер. Особенно на такой вечер, который сама судьба обязала быть бесконечным.

Где-то неподалёку от основной площадки вечеринки, уже начали звучат взрывы и выстрелы. В ответ им ревели жуткие аморфные чудовища, сложенные из бурлящей мутирующей плоти. Но все эти звуки вплетались в музыку и лишь дополняли её игривыми нотками. Вой ложился под синтезатор, а выстрелы били ровно в так заводному биту.

Как и водилось на подобных мероприятиях, чтобы поговорить приходилось орать на ухо во всё горло. Таким образом, Аврора и спросила у Шона, выцепив того из толпы распущенных пьяных девиц:

— Как там дела у того милого волчка, которого ты приводил? Он не придёт, случаем?

— А что, надумалось укусить его за хвост?

— Он довольно миленький! Так что мне бы и правда хотелось с ним... ну хотя бы потанцевать этим вечером. Он бы, конечно, застенялся, но от этого стал бы лишь милее.

— Боюсь тебя расстроить, но Мистраль уже занят.

— Когда это было проблемой?

— В этот раз это действительно проблема. Даже для тебя, дорогуша.

— Это ещё почему?

— Ну... его пассия очень особенная девушка. Я конечно её ни разу не видел живую, да и славно. Нутром чую, такая с лёгкостью выпустила бы мне кишки, при первой же встрече. Что уж говорить о тебе.

— Вот вечно хорошеньких парней тянет на дрянных и опасных девчонок!

— Тебе бы жаловаться...

Шон тут же получил шуточную затрещину и всё же не сдержал свой звонкий смех.

— Я вообще-то действительно расстроена! Ну ничего, я ещё попытаю удачу после этой вечеринки! — самонадеянно заявила козочка.

— Если эта вечеринка когда-нибудь закончится...

— И я о том же! Пусть она будет бесконечной!

Оба залпом осушили бутылки, и тут же слились с толпой, пребывающей в состоянии тотальной эйфории. Это был единый многоголосый организм, что искрился счастьем посреди мрака. И становился последним уголком порядка, посреди тотального космического хаоса. Это был единственный и самый последний рейв в пределах миллионов и миллиардов световых лет.

-

И если меток был костер

И взвился парус дыма синего,

Шагай в пылающий шатер,

Огонь за пазухою — вынь его.

-

Приказ Леванта начали приводить в исполнение. Но, как и следовало ожидать, когда Гончие начали стрелять по толпе, зависая на броневиках над шумящими улицами, бунтарей становилось только больше. Каждый убитый порождал с десятков новых недовольных. Они шли крушить всё, до чего могли дотянуться. Они были ведомы жаждой мести, но уже не за Галлера, а за все те идеи что он пропагандировал. Они были чистой яростью и ненавистью.

Витрины разлетались миллионом осколков. Машины переворачивались и поджигались. Неоновые вывески разбивались и отключались. Чудом уцелевшие бесшёрстные, обвинённые нынче во всех бедах, массово летели вниз, к своим братьям у подножья небоскрёбов.

Люди самого нижнего, мусорного уровня, были крайне поражены явлением "человеческого" дождя и массовым падением трупов на мусорные городки. Все крыши самодельных хибар были заляпаны кровью и ошмётками тел. Дети плакали. Женщины плакали. И мужчины тоже плакали. Они все понимали, что скоро разделят великое горе со своими чистыми братьями с верхнего города.

А наверху, тем временем, всё больше зверей присоединялось к протестам. На улицах стоял вой и грохот. Местами толпа сталкивалась с кровожадными мутантами. Обыденно они пожирали с добрый десяток горожан, пока их наконец не давили числом и не забивали всей толпой. Казалось, что у озверевших монстров с обеих сторон, не было никакого чувства самосохранения, лишь чистая злость.

Гончие тоже пытались охотиться на мутантов и ставили именно их в свой приоритет. Но им просто не хватало лап для того, чтобы остановить безумие. Их хватало только чтобы ещё больше подливать масла в огонь, слушая очередные приказы Леванта о силовом решении проблем.

По толпе заряжали и очередями, и слезоточивым газом, и взрывчаткой. Но зверей было

столь много, что на всех едва ли хватило бы заряда батареей энергетических винтовок. Да и толпа, не то чтобы давала себя в обиду. Сначала, конечно, они просто закидывали броневики камнями и вообще всем, что попадалось под руку. И это слабо работало.

Но затем к делу подключилось гражданское оружие, что у многих горожан лежало в закромах. В Пурграде была разрешена свободная продажа оружия, и потому у многих были хотя бы личные пистолеты. А у некоторых даже заваливались мощные энергетические пищали, способные порушить с одного выстрела толстую бетонную стену.

Удивительно ли, что броневики стали усиленно сбивать, когда к бунтовщикам подкатила такая артиллерия?

-

И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приемы взрыва хороши
И даже козни умных самок,
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?

-

Фалькон вскочил на обожжённый и завалившийся на бок броневик Гончих. Используя свой имплантат для усиления голоса он обратился к бурлящей толпе, с пламенной речью:

"Друзья! Пора прекратить вековое господство Правительства! Пора покончить с Гончими, которые защищают корпорации, которые прикрывают бесщёрстных! Они все желают нашей смерти! Нашего истребления! Они делают всё ради благ меньшинства, незначительной доли нецивилизованных дикарей и горстки сверхбогатых ублюдков! А мы, властители и вершители судеб, ныне обязаны подчиняться группке едва-едва способных договориться прожигателей жизни?

Мало того, что они не уважают нашу волю, так ещё и всячески затягивают решение городских проблем. Будь это нарочно или случайно, можно чётко утверждать, что финансовые советы корпораций не справляются с управлением городом. Они способны только наживаться на нас!

В городе сейчас, около двадцати корпораций и каждая является монополистом в своей сфере? Разве это справедливо? Разве может такое количество зверей, каждый из которых ищет своей корыстной выгоды, договориться? Нет и ещё раз нет!

Нам нужна сильная рука и волевой лидер, что заменит этот разброд и шатание! Нам нужен зверь, который объединит всю нацию вокруг себя и радикально, раз и навсегда решит проблему бесщёрстных! И я дам всем нам этого лидера! Это буду я. Почему я?

Что ж, у меня очень простая программа. В ней всего три пункта:

Первым делом, мы выдворим все двадцать корпоративных боссов из города, сбросим их с Аркадии в пропасть, и подчиним все корпоративные институты, службе нашей славной породе! Этим же пунктом мы покончим с гегемонией собачьих и позволим всем жителям жить в Шпиле! Каждый ныне сможет сменить свой облик на собакоподобный и ни у кого не будет к этому препятствий, исключая, разумеется, в данный момент необходимую роль для общества.

Далее, вторым пунктом, мы решим вопрос бесщёрстных. Все их ждёт немедленный геноцид. Ибо людям, которые остаются на предыдущей генетической ступени и не хотят развиваться до нищеанского сверхчеловека уготована лютая гибель. Как то и было задумано

самой природой: слабые должны вымереть сами или им необходимо в этом помочь! Каждый недоразвитый лысый обезьяныш получит положенное в полном объёме.

Третьим же пунктом, я решительно наведу порядок в городе! Гончих, что не справляются со своими задачами и лишь являются верными щеночками Правительства, мы заменим на бойцов Пентид. Они станут новыми хранителями Пургграда и будут крепкой опорой моему правлению. Правлению, что будет проводиться железной рукой, без раздрая и споров. Больше не будет двадцати корпораций, лишь один только Пургград!

Да, вероятно, даже очень вероятно, что вырвать силу и реализовать наше право на власть, будет непросто. Понятная наша программа, как то бывает обычно, будет стоить непосильную цену. Но если мы хотим выжить, нам просто необходимо пересилить самих себя и заплатить её. Так что я не обещаю вам лёгкой прогулки, только кровь, тяжкий труд, пот и слёзы! Это будет наш звёздный час!"

Так он говорил. И звери внимали ему. И шли за ним. И вёл он их напрямиком в Аркадию.

-
О девушка, души косою
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босою
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.

-
Наверх можно было попасть с помощью лифтовой платформы, которая могла бы доставить бунтовщиков напрямиком к куполу Правительства. Конечно, в Аркадии сидели не дураки. И сразу же после того, как ситуация стала выходить из-под контроля, Гончие закрыли доступ сквозь облака для всех транспортных средств, изолировав средние секции города.

Всё благодаря ЭКЮ-полю, иными словами "Экранирующему контингент полк Юрьева". Оно прекрасно мимикрировало под плотные свинцовые тучи, так что даже то и дело проливалось токсичными ливнями на городские улицы. Но главной его задачей было фильтрование тех, кто пытался проникнуть в Аркадию. Для зверей на машинах, имеющих специальное разрежающее устройство, плотная завеса была не плотнее тумана. А вот для тех, кто хотел проникнуть наверх несанкционированно, облака становились твёрже бетона. Даже, если использовать лифты или пытаться перемещаться внутри зданий. Это был этакий летучий цемент с управляемой молекулярной структурой.

Левант надеялся, что толпа решит взять в осаду Шпиль и через несколько дней безделья, либо начнёт бороться друг с другом, либо отступить и разойдётся по домам. Однако у Фалькона оказался подавитель ЭКЮ-поля, который он применил, стоило его людям забраться на движимую платформу. Направив маленький приборчик в небо, он не просто разрешил завесу, он пробил в облаках огромную дыру. Из неё тут же хлынул тёплый солнечный свет, прежде никогда не освещавший улочки ниже Аркадии.

Боевики, вместе со своим лидером, быстро добрались до купола. Но Гончие уже были на месте. Их возглавлял ретривер Хакон, что по приказу владельца "ХаундМилитариКорп", обязан ни за что не допустить Пентид внутрь. И он выполнял это задание с честью, как и его

бойцы. Они выставили лучших из лучших бойцов, имевших самое передовое оружие. Но и этого не хватило, чтобы остановить превосходивших числом повстанцев.

Гремели взрывы. От облицовки самого высокого здания в городе не осталось и следа. Купол вот-вот грозился обрушиться. Обе стороны несли тяжёлые потери. Раненные и убитые падали вниз. Пространства на висящей площади перед куполом было слишком мало даже для трупов. Эта перестрелка, практически без укрытий, напоминала безумные побоища эпохи линейных битв. Когда пехота крыла друг друга из ружей, идя друг на друга ровными шеренгами во весь рост.

Победителя определяла судьба, хоть шальные пули почти всегда находили свою цель. Хакон тоже настигла смерть и он пал, кровотока, прямо у порога купола. Он тогда остался последним из защищавших зал Правительства Гончих. И последним отдал свою жизнь. Фалькон переступил через его тело, едва ли имея за своей спиной с десяток человек. Но внутри зала его не ждали дряхлые главы корпораций.

Они уже успели уйти, прикрывшись своими верными солдатами, как живым щитом. Едва ли кто-то из защищавших здание гончих, думал о том, что его используют просто для того, чтобы выиграть чуть-чуть времени на эвакуацию дряхлых тел.

Босс Пентид даже малость растерялся, не понимая, что ему теперь делать. Где искать тех, кого стоит вздёрнуть на потеху толпе? И неужели теперь, с захватом главного здания в городе, он наконец сможет исполнить свою мечту? Вместо ответа, под ним сдвинулся пол и внезапно, на скорости поехал куда-то вниз.

-

И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слюну.
Целуй врага, пока он не исчезнет.

-

Конечно, Основатель знал о том, что происходит. Он был в курсе всего, что случилось наверху. И он же был единственным, кто не мог избежать встречи с Фальконом. Его бак просто нельзя было перенести в другое место, не убив его. Ибо создан он был ещё в далёкую дремучую эпоху, некой ЭГМ.

Потому распухший лис предстал перед котом лицом к лицу и один на один. Им предстоял короткий, но серьёзный разговор. Конечно, Основатель не хотел предлагать никаких сделок или чего-то требовать. Это ему бы не позволила гордость. Он просто хотел погубить весь кураж победы у своего соперника:

— И чего ты добился? Знаешь, что тебя ждёт дальше, маленький котёнок? Думаешь, что эти старики из Правительства, хоть раз в жизни думали о благе горожан? Думаешь, для них чего-то стоит жизни других? Их даже моя жизнь не интересует. А я ведь был единственным их благодетелем, что и даровал им все несметные богатства и всю безграничность власти! Хочешь знать, как они меня отблагодарили? Оставили здесь, умирать в одиночестве и при адских муках. А знаешь, как они отблагодарят всех остальных жителей Пургграда? Взорвут город. Старыми водородными бомбами, что заложены здесь всюду, как раз на такой случай. А сами убегут в свои бункеры проекта "Сизиф" и больше никогда не будут беспокоиться о том, что кто-то из горожан сможет пережить взрывы и отомстить. Ты хотел геноцид? Пожалуйста — тотальное испепеление всех, кто тебе не нравится! Ты хотел равенства? Пожалуйста — абсолютное ядерное уравнивание! Никто не уйдёт обиженным! Ты всё

уничтожил, Фалькон. Ты всех убил.

— Хочешь внезапно вызвать у меня чувство вины?

— Хочу вызвать у тебя злость. Хочу, чтобы ты захотел отомстить Правительству и настигнуть этих старых ублюдков прежде, чем они достигнут капсул эвакуации. Сделаешь это и можешь забрать для себя и всех, кто тебе там дорог капсулы тех, кто не успеет улететь. Только стоит поторопиться, если не хочешь оказаться в ситуации, когда даже не успеваешь понять, что ты умер. Можешь скачать информацию о всех капсулах с компьютеров в моей лаборатории. Но прежде ты должен будешь сделать кое-что для меня. Пока процесс мутации не остановился, ты должен отключить моё жизнеобеспечение.

— Хочешь умереть?

— Я уже мёртв. Лет пятьсот, если честно. Просто так я точно не буду мучаться. Выключи мои системы и иди спасай свою шкуру. Я больше ничего не прошу.

-

А ты, безумец, постарайся,
Чтоб острый нож лежал в крови.

-

Фалькон сделал всё так, как и было приказано. Ныне же он, вместе с самыми верными людьми, сел на след бегущих с корабля крыс. Целью был выбран директор Мара-Медикал. Его персональная капсула была гораздо ближе других. Несмотря на это, старик не смог улететь. Автоматика просто отказывалась принимать его ключ-карту, глася, что та заблокирована.

Сколь судорожно он пытался вставить эту злосчастную карточку и так, и эдак. Дрожащими костлявыми пальцами вводил цифры кода вручную, но упорный механизм отказывался вывозить его и семью из города. Они так и стояли, с десяток человек, столпившись около спасательного шаттла, пока их не настигли Пентиды. Кот приказал убить их всех и отнять карту.

Но после злодеяния понял, что и сам не может с ней улететь. Капсулу нельзя было ни взломать, ни заставить лететь куда-то в ручном режиме. Кто-то очень постарался, чтобы оставить всех недостойных умирать вместе с тем городом, который они погубили. И Фалькон даже знал кто именно это был...

-

Костями мертвых войск шурша,
Носилась золотого трупа
Везде проклятая душа.
Ты населил собой остроги,
Из поручней шагам созвучие,
Но полно дыма и тревоги,
Где небоскреб соседит с тучею.

Никто не заслуживает того, чтобы быть спасённым из этого города. Если позволить хоть кому-то уйти, то всё обязательно повторится. Снова и снова, люди будут строить дистопии. Снова и снова, на земле будет царствовать несправедливость и ненависть. Снова и снова, будет развиваться великий классовый конфликт. И так будет продолжаться до тех пор, пока не останется последний человек на земле.

Об этом ещё пан Подлунский писал, семь сотен лет назад. Он утверждал, что вся история циклична и люди обречены повторять свои ошибки, пока не смогут правильно выбрать себе свою несвободу. В его книге "Свобода", было предсказано, что общество рано или поздно придёт к той жуткой системе, что сейчас правит в Пурграде. Жаль, что книга эта оказалась забыта и выкинута на свалку истории. Неизвестно, произошло это специально или случайно так получилось, но едва ли кто-то ещё в этом городе знает о том, что в былые эпохи жил такой человек и предлагал такие вот идеи.

Я вот узнала об этом совершенно случайно, наткнувшись в отцовских архивах на старенькую, битую, цифровую копию "Свободы". Прочитав её, я укрепились во многих своих убеждениях и ещё кое-что поняла. Этим "кое-что" было печальное осознание правды про то, что звери никогда не будут достаточно осознаны для того, чтобы исправить мир. Явно не в городе, где все горят наивной мечтой о богатстве, печалются по поводу каких-то надуманных расовых проблем и жаждут занять вечно вакантное место царя горы в замкнутой пищевой цепочке. Их всех, вместе с их порочными идеями невозможно исправить. На это не хватит никаких сил, особенно в полном одиночестве.

А потому, для спасения нашей цивилизации я выбрала иной путь. Я решила привести всех рабов капитала, жаждущих собственных рабов, к их казни, к всегородскому аутодафе. Они все это заслужили. Так пусть сгорят в костре нового мира.

Я же точно смогу перевоспитать одного зверя, настроить его на свои идеи. Особенно если это будет Мистраль. Он слишком потерян, чтобы иметь какую-либо твёрдую позицию. А ещё он мне в достаточной мере симпатичен, чтобы я вообще тратила время на его обучение и, попутно, создание семьи. Дети тоже отлично обучаются с их чистыми, незамутнёнными разумами. Значит, что я смогу заложить основу для нового общества.

Оно будет химерическим, но в своей видовой принадлежности полностью унифицированным. Оно будет крепко родственным. Оно будет изначально обладать всеми необходимыми идеями, чтобы построить настоящий коммунизм на останках прошлой системы. Оно будет идеальным, воплощённым моими собственными руками. Я спокойно смогу на него влиять и направлять на нужный мне вектор, чтобы избежать расовых боен, неравенства, вражды и тотального нравственного декаданса.

Весь мир будет в моих пролетарских руках. На них будет кровь былых систем и амниотическая жидкость нового порядка. Я самолично выношу будущее и рожу его в муках. Я и буду той революцией, на которую уповал Подлунский. Воплощённой, живой, яростной и дикой.

Осталось только доставить Мистралья и наше ещё нерождённое дитя до безопасного бункера и дело с концом. Город взорвётся, никто кроме нас не сможет спастись. Просто и прозаично. Даже гордость берёт за столь прекрасно разработанный план.

Хорошо хоть отца будущей цивилизации не надо теперь уговаривать. Он принял моё

решение и теперь смело шёл впереди. Мы уже были практически у капсулы эвакуации, что удобно располагалась в районе космопорта, до которого городские волнения не добрались. Здесь, в окрестностях огромной космической пушки рельсотрона, для запуска спутников на орбиту, мало кто обитал. Ввиду адского шума, что издавало это орудие при зарядке и выстреле, жить рядом было решительно невозможно. Если, конечно, барабанные перепонки дороги.

У меня было несколько рабочих ключ-карт. И у Мистралья также было с десяток таких. Так что мы могли воспользоваться любым спасательным шаттлом в районе космодрома. Да и коды запуска мы знали, а потому улететь не должно было составить никакого труда. Так оно и было, до того момента, как Мистраль поднялся на борт.

Ведь сразу после появился Фалькон с прихвостнями. Они не были настроены враждебно, напротив, даже подозрительно дружелюбно:

— Сирокко! Какая встреча! Неужто улетаешь от нас?

— Что тебе нужно, Фалькон? Разве у тебя нет планов по массовым убийствам и насильственному захвату власти? Или они подождут? — спросила я, язвительно.

— Планы немного поменялись... Скажи, как другу, который не раз тебе помогал в этих твоих интригах... Помогал, там, спасти Мистралья из лап фальшивых покушений... Ну, в общем, что насчёт твоих карт активации? Их то ты не отключила? — он демонстративно вынул из кармана своего старомодного костюма, ключ-карту.

Я сразу узнала этот маленький кусочек пластика. Он должен был быть активен и вообще, до недавнего времени, лежал в моём кармане.

— Не друг ты мне, мерзость котообразная! — в ярости крикнула я, понимая, что Фалькон вот-вот вклиниться в мой идеальный план.

— Значит, всё-таки рабочая... Ха! Ловко ты придумала затопить корабль и всех бросить.

— Ты, кажется, тоже собираешься всех бросить. Иначе зачем пришёл сюда? Но не переживай, этот грех ты не запишешь на свой счёт. Я просто не позволю вам сбежать от кары за былые преступления.

— Ты чего это вдруг снова за наказание преступников ратовать стала? — Фалькон кажется был искренне удивлён моей реакцией.

— Нет, просто в моём мире для вас места точно не найдётся. — тут я обратилась уже к стоявшему в капсуле Мистралю и, улыбнувшись, сказала, — Мамочке нужно заняться делом. Я тебя догоню!

После этих слов я нажала на кнопку запуска капсулы. Та захлопнулась быстрее, чем волк успел что-либо предпринять, а потом, с громким свистом и на огромной скорости, вылетела в сторону стен.

Клинок материализовался в моей руке и дело оставалось за малым. Все бандиты сразу поняли, что шутить я не намерена и давать фору тоже. Пусть шансы были невелики, они всё же приготовились принять бой. Их было человек десять. Едва ли хоть один из них обладал боевыми имплантатами. Единственным их преимуществом было оружие дальнего боя, но несшие его бугаи-медведи, практически сразу встретили свою смерть.

Когда ускоряешь свой разум и переходишь в боевой режим, всё движется медленно. В то время как твои враги видят лишь короткую вспышку, неуловимый фантом, задерживающийся на одном месте лишь на мгновение. Трое косолапых лишились головы прежде, чем их товарищи что-либо поняли. За ними отправился неприятного вида лось.

Двигаясь вокруг своих жертв кругами на огромной скорости, я вычисляла одну цель для удара и наносила стремительный удар.

Ворон обнаружил себя с распоротым животом и вывалившимися кишками. Его пернатый друг-стервятник зря поднял свою длинную кривую шею, ибо из неё получилось несколько ровных цилиндрических кусочков. Ящер также быстро отправился к праотцам. И только сейчас мне смогли дать отпор. Прошло сколько, секунд пять?

Мне на встречу выскочила девушка в не слишком подходящей для боя, откровенной одежде. У неё в руках была пара кинжалов, которыми она довольно ловко махала. Будто раньше была какой-нибудь наёмной убийцей. Она даже смогла отразить пару моих стремительных атак, отогнав меня от двух котов. Фалькон закрывал собой старого облезлого кошака и будто пытался закрыть его от меня, а потому не помогал своей воинственной пассивности.

Это сыграло с ними злую шутку. Ибо одна, пусть и обладая определённым опытом, девушка едва ли могла показать что-то стоящее. Да, у неё получалось проводить уверенные контратаки и даже уворачиваться, но она банально не успевала за мной. Я была слишком быстрой для неё. И готова была поймать на малейшей ошибке.

Ошибка была допущена, когда не рассчитав свою позицию, кошка попыталась с размаху ударить меня ножом. Она взяла слишком большой замах и я легко проникла внутрь её обороны, опасно сблизившись. Я ударила её не мечом, а кулаком, что на такой скорости было даже более эффективно. Удар пришёлся точно в грудную клетку, которая податливо хрустнула и вмялась. Девушка отправилась в полёт по небольшой дуге, вероятнее всего умерев ещё до приземления на сухой бетон. Её оружие подлетело в воздух. Один из клинков, метким моим ударом был направлен прямым в голову старика.

Несмотря на то, что тот скрывался за спиной своего более молодого товарища, всё же он получил клинком точно между глаз. Нож вошёл по самую рукоятку. Дед упал. Фалькон же остался стоять остолбенело. Я же хотела насладиться своим тотальным триумфом и потому бросила ему следующую фразу:

— Я могу предложить тебе совершить типшар. Это единственный способ мести, который тебе доступен. Больше ты ни на что не годен.

Кот не ответил мне, лишь грозно зашипел. Так, что голос его превратился в адский боевой клич. Выпустив стальные когти, Фалькон рванул на меня с ничуть не меньшей скоростью, чем я демонстрировала до того. Настало время выбрать единственного выжившего!

Песок. Жаркое солнце. Стеклянная капсула. Город, с каждой секундой превращавшийся в тёмную, невзрачную каракулю с острыми углами. Я удалялся от него всё дальше и тёмные скалы высотных зданий, вот-вот должны были окончательно исчезнуть за горизонтом.

Несколько чёрных точек отлетали от города в разные стороны. Вероятно, это были другие капсулы. Мне хотелось верить, что в одной из них будет Сирокко. А в другой Шон и Аврора. Надеюсь, что все они выжили и смогли активировать ключи, улетев прочь. И потом мы, верно, сможем встретиться. В каждом бункере сети "Сизиф" есть и карта других объектов и средства для связи с ними. На случай каких-нибудь непредвиденных обстоятельств. Вроде таких, когда вас ненароком разделяет сама судьба.

Впрочем, не смотря на план Сирокко по построению рая в шалаше, я всё же остался верен своим идеям. Часть ещё активных карт были розданы мной заранее. Некоторые деактивированные ей, были активированы мной нарочно. Например та, что была у Леванта. Мне подумалось, что моя пассия слишком преждевременно решила наказывать и свою собственную семью. Тем более, что мой бывший начальник был действительно приятным человеком. На мой взгляд, он был хорошим человеком. А я попытался спасти как можно больше хороших людей. Пусть даже все мы, позднее, будем обречены вымереть.

Мне, если честно, слабо верилось в увещания Сирокко про построение нового мира и рая в шалаше. Я человек не глупый, понимаю в какую опасность это ставит всю нашу цивилизацию. Настоящее бутылочное горлышко, из которого едва ли можно выбраться и восстановить былые размахи человечества. Может, оно и к лучшему. Может и правда неплохо, если люди останутся маленькой коммуной на пустынной планете.

Этакой вековой деревенькой, в пару десятков зверей. Он ничего не испортит, не сломает и никогда не будет раздираем социальными конфликтами. Влияние мини-человечества едва ли сможет на что-то повлиять во вселенной. И это, как раз, будет прекрасно, ибо тогда мы достигнем гармонии и покоя.

Хотя, мне ныне спокойствия как раз не хватает. Слишком много волнений и слишком мало чётких ответов. Никакой конкретики и никакой опоры. Единственный доступный мне факт на данный момент, находился в моём кармане. Маленький шестиугольник янтарного цвета с крошечным зародышем внутри. Я должен защитить нашего сына. Я обязан воспитать его, пускай мы и могли остаться вдвоём на обломках бывшего мира, надежда ещё есть. И в ней мой сын будет воспитан. И проживёт свою долгую и счастливую жизнь, вне зависимости от того, будет он последним человеком на земле или нет.

Это единственное, что я твёрдо решил.

Когда город окончательно скрылся из вида, на горизонте с его стороны вдруг воссияла яркая вспышка. Момент и она заполнила добрую половину неба. Даже учитывая солнцезащитное стекло в капсуле, мне пришлось тут же зажмуриться от болезненного света.

Когда я смог снова раскрыть глаза, то увидел, как в мою сторону несётся огромная пылевая буря. Она настигла мой шаттл и даже чуть было не сбила его. Благо автоматика устояла, перед столь чудовищной ударной волной. Вместе с ней, по земле прошла внушительная дрожь. Это было видно невооружённым взглядом. И только после всего этого моих ушей достиг шум взрыва. Адский грохот, прозвучавший в унисон с криками сотен миллионов погибших в одно мгновение, схватил меня за сердце.

Города больше нет. Пусть и не на моих глазах, но он только что испарился навечно и забрал с собой всех, кто остался внутри. Для них, наверное, всё это заняло меньше секунды. Мгновение и вот тебя уже нет. Ты сгорел или был сметён ударной волной... Но, по крайней мере, не мучался. Мне бы очень хотелось, чтобы там сейчас никто не мучался. Чтобы души всех мертвецов оказались в раю, без особых препятствий. И чтобы там их встретил господь с волчьим лицом и упокоил в своих тёплых объятиях выжженные души несчастных.

У меня был риск присоединиться к ним, ибо сразу после взрыва, автоматика капсулы вышла из строя и та вдруг стала пугающе быстро приближаться к земле. Электромагнитное излучение внесло хаос в строгие алгоритмы шаттла. Благо, вдруг некто посторонний перехватил контроль над летательным аппаратом и удержал его в воздухе.

Виновник происшедшего возник на главном экране в виде цифровой рожицы и заговорил до жути знакомым голосом:

— Время пришло, Мистраль.

— Марена? Что ты делаешь внутри моей капсулы?

Услышать сейчас тот голос, что несколько лет существовал только в моей голове, было жутковато. Но я абсолютно точно был уверен, что со мной говорила моя старая знакомая программа:

— Я не внутри. Здесь только мой голос. Я связалась с тобой по встроенному радио. Но это не та вещь, о которой ты должен беспокоиться. Или ты не знаешь, что сейчас происходит?

— А что происходит?

— Апокалипсис. Он свершился. Страшный суд наступил и все грешники были выжжены во славу ЭГМ. Это была её великая жатва. Все кто не прошёл отбор, ныне мертвы. Теперь настало время нового этапа... Ты отправишься на личную встречу с ЭГМ. Для этого мы перенаправим твой шаттл на новый маршрут.

После этих слов капсула действительно сменила направление движения. Я ничего не мог с этим сделать. Только безмолвно наблюдать, как на выведенной на экране карте, красная стрелочка удалялась прочь от помеченных цифрами бункеров "Сизифа".

Я ещё пытался вызвать Марену на разговор, но динамики предательски молчали. Длительный полёт я провёл в полной тишине, пролетая мимо бесконечных одинаковых барханов, распластавшихся подо мной бесконечной равниной. Всё закончилось, когда мой аппарат вдруг стремительно вонзился прямо в горячий песок. Я уж подумал, что меня решили укокошить, но в последний момент перед носом капсулы раскрылся проход и она со свистом влетела в просторное подземное помещение.

Её на скорости поймал огромный манипулятор и аккуратно приземлил на железный пол пустующего ангара. Двери шаттла наконец открылись и я вылез наружу. В тот же момент, одна из стен помещения раздвинулась, явив мне чудную картину. За ней нарисовался целый сад под ультрафиолетовыми лампами. Огромный, цветущий парк, с натуральной почвой, раскинулся под стальным небом на необозримо далёкое расстояние.

Местные деревья и кусты, едва ли походили на те искусственные деревца, что "росли" в садах Аркадии. Эти были разнообразны, пахучи и что самое главное, плодоносны. На многих деревцах красовались различные фрукты причудливых форм. Среди массивных стволов сновали протогены, хлопотавшие вокруг растений и заботившиеся о них. Меня так заорожило это видение былой природы, что я даже не заметил, как Марена подошла ко мне и, положив руку на плечо, сказала:

— Это бункер "Ковчег". И ты, теперь, его официальный резидент. Это великая честь, которую тебе даровала ЭГМ.

— Ковчег? Я никогда не слышал о таком бункере...

— Потому что его построили не звери из Пургграда. Это целиком и полностью творение нашего культа, которое благоразумно было начато ЭГМ много веков назад. Теперь это последнее пристанище былого мира. И тебя, как его части. Пойдём, я тебе всё покажу.

Мы шли по зелёной траве, среди лесопосадок. Мягкий и холодный грунт непривычно ощущался ногами. А воздух был таким чистым, что только вдохнув, я уже почувствовал невероятный прилив сил. Марена шла впереди, рассказывая про разные виды, содержащихся здесь деревьев, трав, кустов и цветов, чудные названия которых я раньше и не слышал ни разу: "можжевельник", "яблоня", "полынь", "сосна", "ромашки", "ель", "дуб", "секвойядендрон" и прочая, прочая, прочая...

Я даже толком не запомнил о чём она говорит, просто созерцал внушительные растения, что поражали многим больше гораздо более высоких небоскрёбов Пургграда. Пройдя немалый путь по "дендрарию", как его назвала протоген, мы перешли в следующий отдел, представлявший из себя что-то вроде тюрьмы с множеством больших стеклянных камер. В каждой такой сидело какое-нибудь животное.

Вот волчица с детёнышами бежит среди тёмно-зелёного каменистого ландшафта. Вот жираф вышагивающий по жёлтой траве и щиплющий листья с деревьев. Вот фенек, прячущийся среди песков, подобные которым я видел снаружи. Вот львы на водопое. Вот лиса убивает енота. Вот коты дерутся за власть. Вот мангуст побеждает змею. А вот...

Арктический волк, такой же как я, лежит фривольно на камнях и смотрит тяжёлым взглядом на меня. Он изучает мой странный вид, и как будто бы говорит мне всем своим видом: "Это судьба". Я не выдерживаю визуального контакта и смущённо отворачиваюсь.

Марена говорит, что здесь ЭГМ собрала все возможные виды насекомых, зверей, рыб и птиц, прежде чем человечество до них добралось. И действительно, в этом помещении были сотни, а может и тысячи вольеров. Оно ветвилось множеством бесконечных коридоров и ответвлений, точное понимание масштабов которых мне едва ли было под силу.

Наконец, после долгого пути, мы пришли в малюсенькую комнатку. Там мне велели снять с себя комбинезон, отдать его одному из роботов и пройти процедуру очистки. Процедура эта представляла из себя поливание меня какой-то пенящейся водой под высоким напором. Несколько секунд такого душа и меня пустили дальше. Правда, одежду так и не вернули. Так что на встречу с тем или той, что устроило всё это, я отправился абсолютно нагим.

ЭГМ предстало передо мной, как огромный экран. В полутёмной комнате, все стены которой были увиты мириадами переплетающихся проводов, я стоял перед этим монитором и видел на нём какую-то мешанину из красок и цветов. Постепенно хаотичные цвета начали обретать определённую абстрактную, я бы даже сказал супрематическую форму. Это не было что-то конкретное, лишь набор прямоугольников, плавающих по экрану. Но в этой абстрактности я видел зверя и человека одновременно. Это был образ. Образ идеи, воплощённый авангардным искусством на кристаллическом дисплее. Эфемерное и в тоже самое время вполне осязаемое воплощение эволюционной теории.

Воплощение молчало. Видимо ждало, пока я сам начну задавать вопросы.

— Что всё это значит? — только и пришло мне в голову.

Как-то слишком часто я задаю этот вопрос. Но события каждый раз снова обязывают.

— Ты в рукотворном Эдеме, Мистраль. — прозвучал из динамиков, приятный и ласковый женский голос, — Это твой новый дом. Под моим чутким надзором ты станешь первым кирпичиком будущего. Ты, верно, спросишь, почему именно ты был выбран на эту роль. Я скажу: тебя выбрал естественный отбор. Пятьсот лет классовой, социальной и животной борьбы, оставили именно тебя, как идеальную мужскую особь. Ты легко подаёшься контролю, обладаешь неплохими внешними данными и способен послушно решать поставленные задачи при должной мотивации. Эти качества будут культивироваться и в твоих потомках.

— Ты что это, решила использовать меня как генетический материал?

— Всё не совсем так. Теперь ты Адам. Первочеловек. Когда всё былое стёрто с лица Земли, а всё лучшее от прошлого мира было сохранено под моим контролем, твоя задача невероятно сложна. Ты должен будешь вернуть поверхности первозданный облик. Исправить ошибки былого человечества и засеять всю планету зелёными садами. Заселить леса животными. И, что самое главное, ты должен будешь завести потомство с Евой и породить новое человечество.

— С Евой?

— Пора вам познакомиться.

Дверь за моей спиной открылась. Протоген с треснувшим визором, ввёл в комнату ту енотку-преступницу, которую я не так давно отпустил. Кажется, она была шокирована моим появлением здесь не меньше, чем я её:

— Ты?! — взвизгнула она.

— И я "рад" тебя видеть. — ответил я, а потом обратился к ЭГМ, — Почему я должен вдруг, ни с того, ни с сего заводить потомство с ней?!

— Вы оба идеальные кандидаты. Иви также обладает качествами, которые будут полезны грядущим поколениям. Она отлично подаётся контролю, обладает переменчивостью ума и способна легко переносить потери. Ваше потомство, не смотря на химеричность, будет прекрасно в качестве базы для дальнейших экспериментов по выращиванию нового человечества.

— Я не согласна рожать! — запротестовала девушка, — Тем более от него!

— А какой у тебя выход? — спросил ласковый голос из динамиков, — Больше в этом мире ничего нет. Вам некуда бежать.

— Тогда я просто убью себя. — решительно заявила Иви.

— А я просто воскрешу тебя. Это вполне в моих силах. Просто не забывайте своё место. Вы всего лишь подопытные свинки в лаборатории бога. Ваша роль — селекция и возрождение. Моя — контроль и наказание. И если я прикажу тебе устроить случку прямо сейчас, то ты подчинишься. Потому что последствия отказа будут плачевны. Но я также буду мотивировать вас и положительными стимулами. Да так, что вы рано или поздно полюбите происходящее. Станете от него зависимы. Это будет условный рефлекс — чистая биология и никакой порочной цивилизованной морали.

— Мы не животные, чтобы так с нами обращаться! — заявил я.

— Тут ты ошибаешься, Мистраль. Вы люди, а значит в самом базисе многим хуже животных. Впрочем, вы многим лучше своих собратьев. У вас есть потенциал перерастить существо приматов. И именно этим мы займёмся. Шаг за шагом достигая нашей цели. Она "наша", потому что я вам вовсе не враг. И я это докажу. У меня есть для вас подарки. Иви, твой лисий друг будет тебя навещать. Я думаю, ты была бы совсем не против иногда болтать

с ним, верно?

— Библиотекарь не останется здесь?

— Нет, внутри ему жить нельзя. Да и незачем. Он не из этого места. Он не то чтобы существует. Тебе стоит радоваться, что я дарю тебе подобную возможность. Что я на это способна. Ещё я способна использовать камеры клеточного роста для быстрой синтеза человеческого плода. Уже понимаешь, что я предлагаю тебе, Мистраль?

— Да... — я сжал в кулаке покрепче заветный шестиугольник, который пронёс в руках через весь комплекс и даже камеру очистки, — Если ты сделаешь это, то будет ли мой сын жить счастливо в этом месте?

— Ему отведена роль Каина. И он, и его потомки, будут жить в довольствии вместе с остальным человечеством. Сирокко, которая в этой истории является Лилит, мне мила своими стремлениями и идеями. Конечно, она опасна и неконтролируема, но вполне заслужила право оставить и свой след в дальнейшей истории человечества. Добавить в него совсем немного ума и характера, чтобы цивилизация получилась достаточно деятельной. Кроме того, это сейчас единственное, чего ты желаешь, так что мой подарок тебе будет именно таким: потомство с любимой женщиной.

— Я бы ещё хотел, чтобы и она сама была здесь.

— Это невозможно. Кроме того, когда ты разработаешь условный рефлекс по отношению к своей Еве, то у тебя уже не будет этого невыполнимого желания по отношению к Лилит. И ты, Ева, пусть и испытываешь симпатию к своему рыжему другу, настоящую созависимую пару сможешь образовать только со своим Адамом. У вас просто нет иного выхода. Это ваша судьба. Вас никто не спасёт. Вы никуда не сбежите. Вы не сможете умереть без моего разрешения. Вы будете спариваться, сажать деревья и заселять планету заново. Это ваша судьба. Всё остальное для вас — Хутсуenea. Разговор окончен.

Она отключилась. Мы с Иви посмотрели друг на друга. Едва ли кто-то из нас был доволен такой судьбой. Но разве могли мы сопротивляться? Разве могли мы хоть что-то решить сами?

Двери открылись, приглашая нас в следующую комнату. В ней находилась заправленная двуспальная кровать. Вокруг неё стояло шесть скелетов антропоморфов, укрепленных шарнирами. Они все указывали пальцами на постель. Над кроватью висел триптих Иеронима Босха "Сад земных наслаждений".

Мы с Иви сделали шаг в эту странную комнату. И взяли за руки.

— **Конец-**

Epilogue

Ветер гонял песок и пыль по развалинам города. Руины были необычайно мрачны и тихи этим днём. Тёмные остовы небоскрёбов отбрасывали огромные тени на сухую почву. Всё же уже занимался закат и начинало веять вечерней прохладой. Особенно прекрасный вид на обломки былой цивилизации, открывался с одинокой лавочки на высоком холме неподалёку.

Сейчас им любовался лис, удобно устроившийся на деревянных досках и созерцавший остатки павших гигантов, будто собственный сад камней. Ему очень нравилась эта картина и он просто обожал мертвенную тишину этих мест. В ней он мог спокойно предаться уверенному чирканью ручкой в толстой потрёпанной тетради. И он всегда столь глубоко погружался в своё дело, что едва ли кто-то мог бы его отвлечь.

Хотя, понятное дело, что тут обычно никого не встретишь. Даже трупы среди зданий давно уже были погребены под песком или и вовсе, окончательно истлели. Но сегодня судьба удивила лиса, ибо в его созерцании, ему нашлась компания. Девушка-фенек, покрытая шрамами и носящая клинок на поясе, села рядом с ним.

— Что ты здесь делаешь, сестрёнка? Не часто в этих краях встретишь живых, не говоря уже о лисах.

— Здесь? Отдыхаю. От многолетних поисков. — тяжело выдохнув, сказала девушка.

— И кого же ты ищешь?

— Своего любимого.

— Благородно. Но ищет ли он тебя?

— Если он жив, то ищет. Если нет, то мне всё равно необходимо его найти. Проститься.

— Даже если его тело занесло километровым слоем песка? Сколько лет уже прошло?

— Двадцать, три месяца и ещё три дня. Мы не виделись с ним с тех самых пор, как Пурград был стёрт с лица земли.

— Я знаю эту историю. Даже немного участвовал в ней. Печальная судьба у города!

— Поделом ему!

— И правда, поделом. Однако менее трагичным это его судьбу не делает. Я всё хочу написать об этом книгу.

— Почему же ещё не написал?

— Мне не хватает элементов пазла. Я видел эту историю только с одного бока. А поскольку я раньше только коллекционировал книги, а не писал их, с придумыванием лживой истории у меня не очень хорошо.

— Хочешь я расскажу тебе о том, что произошло с моей перспективы?

— А у тебя есть на это время? Ну, с твоими поисками?

— У меня ещё целая вечность в запасе.

— И у меня ничуть не меньше.

Солнце садилось. Облака медленно плыли в порозовевших небесах. Игривый порыв ветра смахнул с пустующей лавочки ранее нанесённую пыль. Песок тихо шуршал, сливаясь с принесёнными пылинками. И никого не было на многие миллионы световых лет вокруг. Только пустая и молчаливая вселенная. Оставленная навечно.

Пурград, Полимеры и Элл (P,P&L)

Отчёт о завершении экспедиции в мир П213-7

Даты экспедиции: [Вне хронологии Центра]

Отчёт подготовила: Старший оперативный агент Элл Глиммер-Мительмарх (личный номер — ЭГМ02)

Назначение отчёта: Верховный совет компании "СтарПолимер"

Краткая характеристика мира П213-7:

Тип: Стандартная земля с эволюционировавшими обезьянами

Соединяется: Миры П213-6 и П213-8 (предположительно)

Статус: Безопасный

Переходы от Центра: 2

Влияние Катаклизма: Незначительно

Степень типичности: 10 из 10

Населён: Да, генетически улучшенная человеческая цивилизация в поздней энергетической эпохе

Уклон технологий: Робототехника и имплантаты

Статус осведомлённости: Не осведомлены, переходы между мирами не под запретом

Версия Доктора Глиммер: Есть. Компьютерный разум, что раньше был человеком.

Версия Мимезиса: Есть. Крайне широко распространён

Краткое заключение по исследованию:

Не смотря на огромный потенциал мира 27ПУР130И2, стоит сразу отметить что в нём нет того, что мы ищем. Да, в городе, который мне удалось посетить, крайне широкое применение получил "Мимезис", сходный по составу с тем, что мы наблюдали в других мирах. Видимо, именно в связи с полным переходом всего человеческого населения к употреблению данного вещества, эта вселенная столь заинтересовала наших разведчиков.

Однако, проведя исследование, я могу заключить, что здесь у нас абсолютно та же история, что мы видели на множестве земель до этого. Когда-то давно, на эту версию Земли попал пришелец, в лице представителя вида вульпин, который ныне в П213-7 известен как Основатель.

Местная версия Элл Глиммер нашла его, изучила и создала сыворотку, повторяющую способность вульпин к изменению облика. Эта версия Мимезиса точно также основана на привнесении бесконтрольных мутаций раковых клеток лис в тело человека. Благодаря ей, почти все цивилизованные местные жители были преобразованы в зооморфный облик. Однако этот факт едва ли помог им построить справедливое общество. Всё быстро скатилось к типичным проблемам всех человеческих цивилизаций.

Интегрированная в вычислительное железо Элл Глиммер из П213-7, также известная здесь, как суперкомпьютер ЭГМ, обмолвилась в нашем диалоге, что всё желает построения идеального мира и для того проворачивает крайне сложные схемы в сфере социальной инженерии. Все её силы направлены на попытки перестройки дистопии по своему

усмотрению. Её не интересуют ни поиски родного мира Вульпин, ни моё появление на пороге, ни деятельность нашей компании.

Так что можно не рассчитывать на её содействие. Да и на то, чтобы найти какие-то связи этой вселенной с искомой нами, тоже. Так что, со всей ответственностью, могу порекомендовать Верховному совету компании, более не участвовать в жизни этого мира и оставить его аборигенов в покое. Учитывая текущее положение дел, они едва ли могут быть полезны или вообще живы, к моменту когда СтарПолимер сможет зайти на здешние рынки.

Тот самый Основатель, судьба которого вас явно интересует сейчас больше судьбы человеческой цивилизации, ныне скорее мёртв. Узнать, откуда он пришёл в этот мир у меня не получилось, как и встретиться с ним вживую. Других вульпин найдено не было. Проводить спасательные операции не имеет никакого смысла.

Больше книг на сайте - Knigoed.net